Константин СИБИРСКИЙ

ЧЕРНАЯ ТЕНЬ НАД МОИМ СОЛНЕЧНЫМ ЗАВТРА

РОМАН

1948

1. Поклонники идей Маркса

В светлой, обставленной модерной мебелью, комнате происходит оживленная дискуссия. Четверо, среднего возраста интеллигентных мужчин, разбившись на два противоречивых лагеря, ожесточенно спорят.

— Да! Идеи Карла Маркса...—при этом Мак Рэд поворачивается к стенному портрету своего бородатого кумира,— мне положительно нравятся!

— Решительно не понимаю, что в них может нравиться?—удивлен Джеф.

— Ведь только подумать: при коммунизме каждый будет трудиться по возможности, а получать по потребности!—страстно доказывает Мак Рэд.

— Но, мой дорогой друг! Ведь это чистая утопия! Эта идея противоречит здравому смыслу,—возражает Джеф.

— Почему же?—недоумевает Мак Рэд.

— Если ваши возможности трудиться будут очень невелики, а потребности, наоборот, будут все время увеличиваться, ибо нет преград человеческим желаниям, то спрашивается—откуда появятся блага, чтобы удовлетворить эти потребности? Очевидно, для благоденствия членов коммунистического общества необходимо ввести институт рабов...

— Это уже совершенная чепуха,—кипятится Мак Рэд.— Вы, Джеф, просто переходите на демагогические приемы!

— Нет, зачем же... Совершенно серьезно! Очевидно, институт рабов действительно необходим, если это уже практикуется в некоторой стране, ставящей социальные эксперименты в грандиозном масштабе. Верхушка этого общества трудится по возможности мало, а получать стремится много. Для этого нужно, чтобы кто-то трудился даже сверх возможностей, а для этого, в свою очередь, нужна палка... — делает выразительную паузу Джеф.

Мак Рэд пристально смотрит на говорящего и в его серых, стальных глазах вспыхивает злой огонек.

— На какую страну вы намекаете?

— Я не намекаю и не назвал эту страну лишь потому, что все присутствующие прекрасно это знают. Люди, имеющие трезвый ум и немного способности самостоятельно мыслить, знают на примере этой страны, что коммунизм несет разруху и хаос.

— Коммунизм несет светлое, прекрасное будущее!

— Не кажется ли вам, Джеф, что вы увлекаетесь?—подымается, до сего времени молчавший, Де-Форрест.—Вы должны признать, что в советской России происходят гигантские общественные сдвиги, а, если они не происходят без некоторого, э-э... трения, то что же здесь удивительного?... Кто хочет съесть яйцо — тот должен разбить скорлупу...

— Коммунизм — это черная тень над моим солнечным завтра! Я далек от мысли утверждать, что у нас в Штатах все безукоризненно, но я не стану разбивать скорлупу, чтобы добраться до тухлого, отвратительно воняющего яйца, которое я не только не в состоянии буду съесть, но и глядеть на которое омерзительно. Воля ваша, друзья, но я буду всегда голосовать против коммунистов!—отвечает Джеф, сохраняя невозмутимое спокойствие.

— Я так и поступаю,—изрекает молчаливый Кларк.

— Мы не будем вас спрашивать. Среди американцев слишком много Джефов, чтобы можно было рассчитывать, что они добровольно откажутся на выборах от своего личного маленького благополучия во имя идеи прекрасного завтра... Мы просто введем коммунизм, как это сделали в России,—не унимается все больше разъяряющийся Мак Рэд.

— В Америке вы этого не сделаете. Именно в Америке и именно потому, что в ней слишком много «Джефов», которые имеют свое собственное благополучие... Ведь для коммунизма необходимы нищета, разруха и хаос. Только в такой питательной среде наиболее благоприятно культивируется бацилла Маркса!... Миллионы «Джефов» помешают вам, Дуглас Мак Рэд!

— Нам помогут! И мы попросту раздавим вас!

— Это будет не так просто сделать... Даже в советской России не успели раздавить своих «Джефов» за двадцать лет...

Обстановка накалена до пределов. Противники с разъяренными взглядами обмениваются колкими, как рапира, репликами. Ссора начинает разгораться, будто костер, политый бензином.

— Дуглас Мак Рэд! Если бы вы не были моим старым другом и современным человеком, я прекратил-бы разговор, оставив вас с идеей, которой вы одержимы, в покое, но...

— Вы мне читаете нотации, Джеф?

— Вы очень изменились, Дуг! С тех пор, как старый Нортон Черман, этот профессор левых убеждений, осторожно и умело привил вам, как страсть к особому наркотику, идеи небезызвестного почтенного старца, которые противоречат духу современного цивилизованного человечества..

Мак Рэд подымает тяжелый дубовый стул, пытаясь ударить по голове своего красноречивого оппонента. Де-Форрест спешит вмешаться, но уже поздно.

Начинается потасовка. Джеф—ловкий парень. Прыгнув в сторону, он избегает сокрушительного удара, который обрушивается на стеклянный шкаф. Звон бьющегося стекла. Летят стулья, посуда и всевозможная утварь.

Стул Джефа попадает, в портрет Маркса. Тяжелая рама, несколько раз качнувшись, с грохотом рушится на пол.

Появившийся на крыльце коттеджа почтальон недоуменно прислушивается к звукам потасовки и нерешительно стучит в дверь.

После повторного стука он толкает дверь, она открывается и перед его взором представляется картина битвы... Бойцы смущенно останавливаются.

— Бэзболл?—понимающе кивает он

— Вроде того...—приглаживая волосы, отвечает Кларк.

— В завтрашнем матче «Мемфис», несомненно, всыплет «Вавилону»,—говорит почтальон, видимо, намереваясь поговорить, — в прошлом матче они получили четыре пункта, когда.

— Вы наверное принесли письмо? — напоминает Мак Рэд.

— Мистеру Дугласу Мак Рэд, инженеру. Распишитесь! —протягивает почтальон конверт.

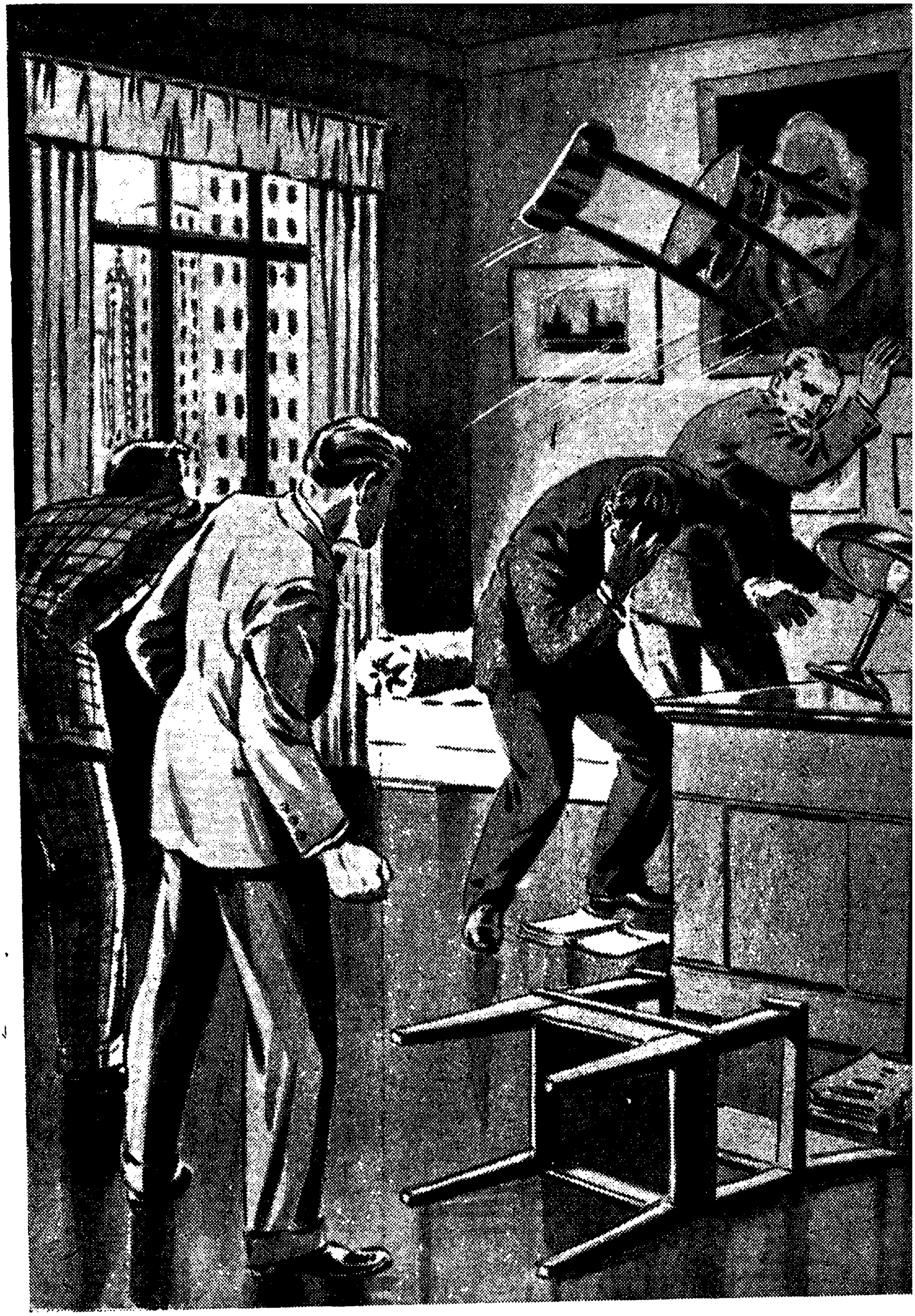
Мак Рэд читает письмо. Остальные о чем-то оживленно беседуют с почтальоном, энергично жестикулируя.

— Я получил приглашение от советского торгового представителя,—кончив читать, говорит Мак Рэд. — Он, по рекомендации компартии США, предлагает на выгодных условиях должность инженера-консультанта в Советском Союзе...

— Это бизнес!—восклицает Джорж Де-Форрест. — От этакой штуки не отказался бы и я!...

— Вы примете предложение, Мак Рэд? — спрашивает Кларк.

— Чорт возьми! Что за вопрос?—отвечает Мак Рэд.



Стул Джефа попадает в портрет Маркса.

— Знаете что, друзья-коммунисты,—говорит Джэф, подымая обломок стула,—вы поезжайте посмотреть великий социальный эксперимент на практике! И я иду в пари, поставив сто тысяч против тысячи долларов, что вы, увидев коммунистический рай, вылечитесь от этой модной и опасной болезни.

— Конечно, поедем!—вызывающе бросает Мак Рэд.

— Чудесно!—доволен Джеф.

— Вот и хорошо!—добавляет Кларк.

— Прекрасно!—подтверждает Де-Форрест.

— Нашу дискуссию о коммунизме в теории и об опыте, полученном на практике, мы перенесем на...сколько?—спрашивает Джеф.

Они предлагают заключить договор на два года.

— О-кей! Дискуссия откладывается на два года. А пока, друзья, вспомним славные традиции нашей четверки, выпьем, повеселимся и не будем касаться политики. Я уверен, что о сегодняшней потасовке мы забудем через два года!

— Ты, Джеф, самый политичный неполитик, среди наших политиков,—говорит Кларк, наливая стаканы.

— Да!—восклицает Мак Рэд, подымая стакан.— Джеф всегда умел уговорить нашего Иеремию Джиббса ставить ему лучшие баллы, чем он заслуживал.

— Он умеет уговаривать!—подтверждает Де-Форрест.

— Ну, меня он не уговорит... Однако, мы принимаем ваше предложение, Джеф! Кроме того, я принимаю пари: сто тысяч—против тысячи. Отложим окончание нашей дискуссии. А теперь—здесь стало неуютно. Не сменить-ли нам этот разгром на, скажем... прелести какого-нибудь ночного клуба?...

Приятели Мак Рэда горячо одобряют его предложение.

* *
*

Ярко освещенный зал ночного дансинга. Ленты серпантина опутывают танцующих. Среди них четверка старых университетских приятелей... Заразительно хохочущие женские голоса.

Джеф шутливо предлагает устроить конкурс красоты. Перед зрителями проходит несколько герлс. Друзья обмениваются репликами.

— Вон та, средняя?

— Чудная девушка!

— Славненькая, славненькая!

— А ты, Дуг, не интересуешься?

— О, он у нас одержимый! Дуг может даже с девушками вместо любвы разговаривать только о коммунизме,—иронизирует Де-Форрест.

Мак Рэд смотрит в оживленное лицо своей партнерши. Оркестр играет чарующее танго из «Бала в Савойе».

— ...На днях я уезжаю в Россию,—говорит Мак Рэд.

— Это, говорят, совершенно отсталая страна?

— Нет, нет! Эта страна имеет перспективы. Она развивается гигантскими темпами, и не сегодня-завтра опередит Америку. Во всяком случае, люди там много счастливее...

— Мой кузен—коммунист говорит то же самое! Только я не верю этому... О нет, я ни за что не покинула бы нашу Америку.

— О, эти «Джефы»! Миллионы «Джефов»!...—с укоризной произносит Мак Рэд. Клубы сигарного дыма окутывают его мужественное лицо.

* *
*

Голубая, лунная ночь нависла над портом.

Из легкого тумана постепенно выплывают контуры парохода. Проходят пассажиры и носильщики с чемоданами. Освещенный прожекторами дебаркадер. У трапа двое провожающих и двое отъезжающих.

— Ну, друзья! Только вы там хорошо посмотрите... непременно сняв розовые очки... Хорошо?—спрашивает Джеф.

— Хорошо, Джеф!—отвечает Мак Рэд.

— Задавайте им простые и ясные американские вопросы. Требуйте ясных, простых ответов!—напутствует Кларк.

Последные рукопожатия. Мак Рэд и Де-Форрест поднимаются по трапу. Де-Форрест, делая прощальный жест рукой, кричит:

— Алло, Джеф! Я обещаю не давать ему увлекаться. Я прослежу за ним...

Окончание его фразы тонет в низком звуке пароходной сирены.

Пароход отчаливает. Все дальше и дальше отодвигается его борт с освещенными рядами иллюминаторов и расплывчатее делаются стоящие на палубе фигуры.

Пароход медленно растворяется в тумане.

Неужели наш фанатик не разочаруется? Разве приложение бредовых идей к практической жизни может дать реальное добро?—слышится голос Джефа.

— Слушайте, Джеф, по чести, ведь ни вы, ни я не были там и ничего толком не знаем. Газеты часто захлебываются, описывая их успехи и достижения... Их статистика и выставки—говорят о многом. Не может-ли случиться, что он вернется укрепленный в своих убеждениях?...

— Сомневаюсь,—отвечает Джеф.

2. Лицевая сторона медали

Тяжелый дуб и безвкусные скульптуры украшают кабинет советского комиссара.

Черная фигура восточного божества. Угловатое и скуластое лицо, прищуренные монгольские глаза. Вперед стремительно выброшена правая рука.

Мак Рэд и Де-Форрест сидят в больших, мягких креслах. Взгляд их устремлен в направлении, указываемом рукой Ленина.

Большой стол завален ворохами бумаг. Сверкает никелем чернильный прибор—из машинных деталей, в советском стиле.

Комиссар, заметив взгляд своих посетителей, нажимает кнопку.

На стене кабинета вспыхивают огни светящейся карты, —страны занимающей одну шестую часть суши земного шара. Изумительно выполненная карта густо усеяна сверкающими уральскими самоцветами.

Высокий советский сановник, одетый в партийную полувоенную форму,—зеленую гимнастерку с отложным воротником, брюки галифе и кожаные сапоги,—выйдя из-за стола подходит к карте и мягким, вкрадчивым голосом, будто опытный гид, об'ясняет:

— Это новостройки, господа! Огни наших пятилеток. Желтые—это химия,—водит он указкой по карте.—Красные — сталь. Синие—уголь. Зеленые—наши совхозы и зерновые фабрики. Вот, отмечены звездами, очаги большевистской культуры, коммунистические высшие учебные заведения. Здесь мы готовим командиров, для пока еще угнетенных колониальных народов мира...—В короткой паузе он испытующим взглядом окидывает своих слушателей, наблюдая, как они реагируют.—Когда мы выполним свои пятилетние планы, мы не только догоним, но и перегоним Америку...

Лица американцев оживляются.

— О, как это хорошо!—восклицает Мак Рэд. — Такой темп развития импонирует Америке!...

— Для выполнения гигантских планов в нашей стране, ощущается недостаток в рабочей силе. Нам не хватает собственных инженеров и техников. Поэтому, мы вынуждены приглашать специалистов из-за границы.

О, да, это очень хорошо!

— Это прямо чудесно!—мурлычат оба иностранца.

— Иностранные специалисты у нас поставлены в привил-

легированное положение. Кроме жалованья в советских рублях, они получ ют солидное вознаграждение в валюте.

— Чудесно!—восторгаются гости.

— Вы поедете строить новый металлургический комбинат. Он находится в самом центре страны, за Уралом,—и гид указывает на крупный, светящийся рубин.

— Чрезвычайно интересно!

— Здесь для вас приготовлен проект договора. Пожалуйста, ознакомьтесь с ним,—протягивает Чернов бумагу.

Мак Рэд читает вслух:

— «Металлургострой» приглашает на службу в качестве главных консультантов по механизации господ Дугласа Мак Рэда и Джорджа Де Форреста...

Мак Рэд вопросительно смотрит на приятеля. Тот одобрительно кивает головой, и инженер читает дальше.

— В виде вознаграждения консультантам выплачивается по тысяче долларов и по три тысячи рублей советскими деньгами ежемесячно. Снабжение обеспечивается через магазины «Инснаба», по твердым государственным ценам. Кроме того, специалистам предоставляется в бесплатное пользование меблированная квартира, персональный автомобиль и переводчица. Срок договора—два года.

Снова взгляд Мак Рэда и кивок Де-Форреста..

— О-кей! — произносит Мак Рэд, вынимая из футляра стило.

— О-кей!—добавляет Де-Форрест, подписывая договор.

Комиссар доволен. Мак Рэд бросает на приятеля взгляд, который должен означать: «Ну, что? Я ведь говорил, что здесь все превосходно...»

— По русскому обычаю, каждое успешно завершенное дело должно быть смочено...—игривым тоном произносит комиссар.

— Пардон, я не совсем понимаю вас? — удивлен Мак Рэд.

— Очень просто. Для того чтобы дело процветало, нужно выпить водки...—разъясняет комиссар, поднимаясь из-за своего стола

На круглом столе, в углу комнаты, появляется бутылка, большая коробка паюсной икры и три вместительных рюмки.

— О, водка! Как это хорошо говорит Мак Рэд.

— Да это же чудесно!—доволен Де-Форрест.

— Превосходный обычай!

— Чудесная страна!

— Выпьем, друзья, за успеш. ое окончание нашего разговора благополучное начало дела. Каждый новый завод уве-

личивает могущество нашей страны и приближает день торжества мировой революции.. Ведь идеи Карла Маркса и вам не чужды. Вы, хотя и иностранные, но все же коммунисты, снисходительно происносит комиссар.

О, мистер Чернов! Мы приехали в вашу замечательную страну великих социальных экспериментов не только, как инженеры. Мы хотим отдать наши знания на пользу коммунизма и почерпнуть знания, необходимые нам,—отвечает Де-Форрест.

И доказать нашим друзьям на родине, что коммунизм—это очень хороший бизнес!—вторит Мак Рэд.

За ваше здоровье мистеры-товарищи! Мы постараемся, чтобы ваш приезд в страну социализма не прошел даром. Вы должны научиться, как делать революцию и управлять страной после торжества этой революции. Вам ведь у себя... тоже придется этим заниматься... Хе-хе....—Чернов фамильярно, но с оттенком почтительности, похлопывает по плечу Мак Рэда—...И инженер весело улыбается в ответ. Комиссар щедро наливает «Особую московскую». Гости пьют и угощаются икрой. Их беседа становится все более откровенной и непринужденной.

— К великому сожалению, на нашей родине коммунистическая партия насчитывает всего лишь несколько десятков тысяч членов,—сетует Мак Рэд.

— О, да, да, да! Если бы у нас было большинство, мы провели бы кандидатуру коммуниста в президенты... А?!... Товарищ Браудер, мне кажется, подошел-бы... — рассуждает Де-Форрест.

Мак Рэд морщится, будто в рот ему попал кусок лимона.

— Опять ты с этой нелепой идеей, Джордж!... Русские коммунисты не ждали, когда их выберут. Они сами захватили власть...

Чернов улыбается.

— Вот это правильно! Товарищ Мак Рэд подходит к делу по-настоящему и практически. Если вы хотите делать революцию, должны сбросить белые перчатки.

Что-же?... Революция в крови и на крови?—удивлен Де Форрест.

А где вы видели революцию без крови?—вопросом на вопрос отвечает Чернов. —Самый опасный враг коммунизма это мягкотелость отдельных коммунистов, Лучший коммунист тот, кто беспощаден. По учению Маркса, во всем мире должна произойти коммунистическая революция и восторжествовать диктатура пролетариата. Мы—коммунисты—сначала

бросим заманчивые и прекрасные лозунги, при помощи которых совершена революция в России:—«Земля—крестьянам. Фабрики—рабочим». Самое главное разъярить и возбудить аппетит у масс... Когда толпа звереет — дело сделано. Тогда коммунисты становятся в авангарде и поведут массы куда хотят.

— Это теория!...—бросает Де-Форрест.

— Это практика. Так было у нас,—разъясняет Чернов,

— Да, но здесь Восток! А там — Запад.. Там, может быть, нужны иные методы,—возражает Де-Форрест.

— Это ошибочная и враждебная духу подлинного коммунизма теория... Наша наука основана на диалектическом материализме... Впрочем, вы еще, очевидно, не изучали этих вопросов... Поживете у нас, научитесь....

Чернов звонит по телефону. В кабинет входят две молодые девушки с поразительно контрастной внешностью.

Первая одета в защитного цвета костюм,—блузу с расстегнутым отложным воротником и прямую, как мешок, юбку. Туго затянутый кожаный пояс и портупея выделяют развитую грудь. Она по-военному рапортует:

— Прибыла в ваше распоряжение.

Инженеры с интересом рассматривают боевую девушку.

«Она похожа на солдата всемирной революции», — незаметно пишет Мак Рэд, протягивая записку Де Форресту. Тог, прочтя, улыбается.

— Это ваши переводчицы. Пожалуйста, познакомьтесь, —представляет комиссар.

— Паша Молотова!—развязно рекомендуется низкая и коренастая комсомолка.

— Ирина,—смущенно представляется вторая, высокая и стройная шатенька, опуская глаза под пристальным взглядом Чернова.

— Очень приятно познакомиться с рускими представительницами прекрасного пола,—вежливо раскланивается Мак Рэд.—Женщины в вашей стране меня восхищают более всего!

— Еще бы!...—соглашается комиссар.

— О, эти русские женщины! Я читал о них!

— Говоря о наших женщинах, вы должны различать два понятия: русские и советские женщины.

— Я, право, еще слишком мало знаком с вашей страной —заколебался Де-Форрест. Но, как бы поняв мысль Чернова, поднял глаза на обоих девушек; долгим, пристальным взглядом осмотрел Ирину и скользнул быстро по Молотовой. Он, действительно, смутно понял различие между двумя понятиями, о которых говорил Чернов, и, хоть и не разобравшись

еще в тонкостях, скорее инстинктивно, чем рассудочно, быстро произносит:

Я думаю, что имею в виду русских женщин... Это национальный тип...

Чернов и Молотова обмениваются быстрым, многозначительным взглядом. Комиссар, взглянув на свои ручные часы, переделанные из больших карманных и напоминающие будильник, заторопился.

Однако, у меня скоро совещание! Вот что, девушки! Иностранные специалисты уже порядком устали от деловых бесед. Им не повредит немножко развлечься. Вы им покажете нашу прекрасную Москву. Повезите в Третьяковскую галлерею, музей, изящных искусств, а на вечер я заказал места в Большом театре.

— Вы очень предупредительны! Благодарим вас. Мы хотим побыстрее познакомиться с советской действительностью, о которой слышали столько чудесного за океаном,— говорит Мак Рэд.

— До свиданья, господа! Развлекайтесь,—встает Чернов, давая понять, что аудиенция окончена.

— Досвиданья, товарищ Чернов!—пожимают руку инженеры, выходя вместе с переводчицами.

— Чернов глядит им вслед и на его лице мелькает саркастическая улыбка.

3. Человек с львиным лицом

Просторный кабинет главы Коминтерна напоминает библиотеку. В стеклянных шкафах видны толстые фолианты произведений всех четырех столпов марксизма.

Человек с волевым и грубым лицом, напоминающим львиный лик, погружен в чтение письма.

— Чорт возьми!—Это интересно!—восклицает он.—Идея! —читая дальше он снова бросает реплику, — этим товарищам необходимо сделать карьеру!!!

Дымится забытая на столе сигара. Кольца дыма медленно поднимаются вверх и затейливой вязью расплываются на фоне узкого старинного окна. За ним видна массивная кирпичная стена с характерными средневековыми зубцами и башнями.

— Этот Чернов сообразительный малый. Парень на месте! Каждый ответственный коммунист является одним из винтиков сложной, комбинированной машины, подготовляющей

всемирную революцию... И штаб ее находится здесь! — беседует в одиночестве таинственный лик.—Я хочу господствовать над миром, и тогда!...

Он смотрит тяжелым остановившимся взором, будто трибун перед тысячами невидимых слушателей.

— Вы почувствуете месть человека, травимого буржуазным обществом!! Час расплаты близится! Я ничего не забыл!! О, нет!!!

Полуночный одержимый оратор трясет своей гривой. В его проницательных глазах зажигаются и блекнут какие-то удивительные и недобрые фосфорические огоньки. Быстро и безшумно, как огромная дикая кошка, он ходит по диагонали кабинета, устланном мягким персидским ковром, беседуя сам с собой.

— У нас есть прекрасные агенты — генералы коммунизма—индусы и финны, болгары и сербы, немцы, поляки и даже пламенная испанка—«Неистовая Пассионария»—Долорес Ибаррури!!

Человек с львиным лицом подходит к пьедесталу и перелистывает огромный альбом деятелей Коминтерна. Перед его взором мелькают фотографии Тореза, Андре Марти, Матиаса Ракоши, Дюкло, Анны Паукер, Куусинена, Долорес Ибаррури, Сен Катаямы, Тельмана и Эрколи.

Тяжелый застывший взгляд останавливается на пустых незаполненных листах альбома.

— Нам не хватает достойных, беззаветно преданных американцев и англичан. Это упорно антикоммунистические народы. Проклятый капитализм глубоко запал в их душу, сердце и психику. Поэтому на них необходимо обратить особое внимание... Я должен создать новые кадры. Отыскать, взрастить и воспитать своих генералов. На это потребуются годы. Но я терпелив, и не отступлю ни перед чем. Годы?... —Ха, ха, ха .. Здесь, за этими старинными стенами я в большей безопасности, чем тогда, когда меня судили за поджог Рейхстага. . Когда-то мне сказал один мой друг.—Ты способен поджечь не только Рейхстаг, но и весь мир! — Ха, ха, ха! И может быть это правда!?...

Он снова возвращается к письму, присланному из-за океана и просматривает его вторично.

— Характеристика Цека американской компартии блестяща. Его отец написал книгу. И он тоже пишет ,.. Это хорошо.... Теперь он приехал изучать коммунизм на практике. — Однако, это выглядит несколько иначе, чем в теории... Идея! Я его засажу за учебу в Коммунистический Университет Народов Запада... И если нужно будет, я буду заниматься с ним сам....

Он прислушивается к медленному бою часов, доносящемуся с высокой остроконячной башни. Бой часов сменяется музыкой гимна, призывающего к революции... И лик, прижмурив глаза, в экстазе слушает приятную ему музыку. Рассматривая фотографию он произносит:

— И я его приклею сюда! Вот сюда....

И в воображении человека с львиным лицом небольшая карточка Мак Рэда вырастает до размера фотографий в альбоме.

— И так, товарищ Мак Рэд! До скорого свиданья. Я хочу с вами разговаривать лично. Однако... это произойдет не так скоро... Я имею выдержку и терпение....

Он становится лицом к окну и глядит на темные силуэты зубчатой, кирпичной стены.

Куранты на одной из башен, медленно и торжественно бьют двенадцать и снова играют гимн революции.

* * *

Ночь. В ореоле огней чернеет зубчатый силуэт Кремля.

Со стороны Лубянской площади не спеша идет седоватый человек в форме майора НКВД. Пересекая Красную площадь, его взор на мгновенье останавливается на черном памятнике умершего вождя революции.

— Черный камень коммунизма! — задумчиво шепчет чекист.

В высоких стрельчатых воротах башни его останавливает солдат с автоматом.

Пропуск?

Дежурный командир кремлевской охраны, пристально вглядывается в лицо и сверяет с фотографией пропуска...

Что своих не узнали? недовольно ворчит чекист.

Порядок товарищ Петере...

Человек с львиным лицом сидит склонившись над бумагами На его столе звонит один из трех телефонов.

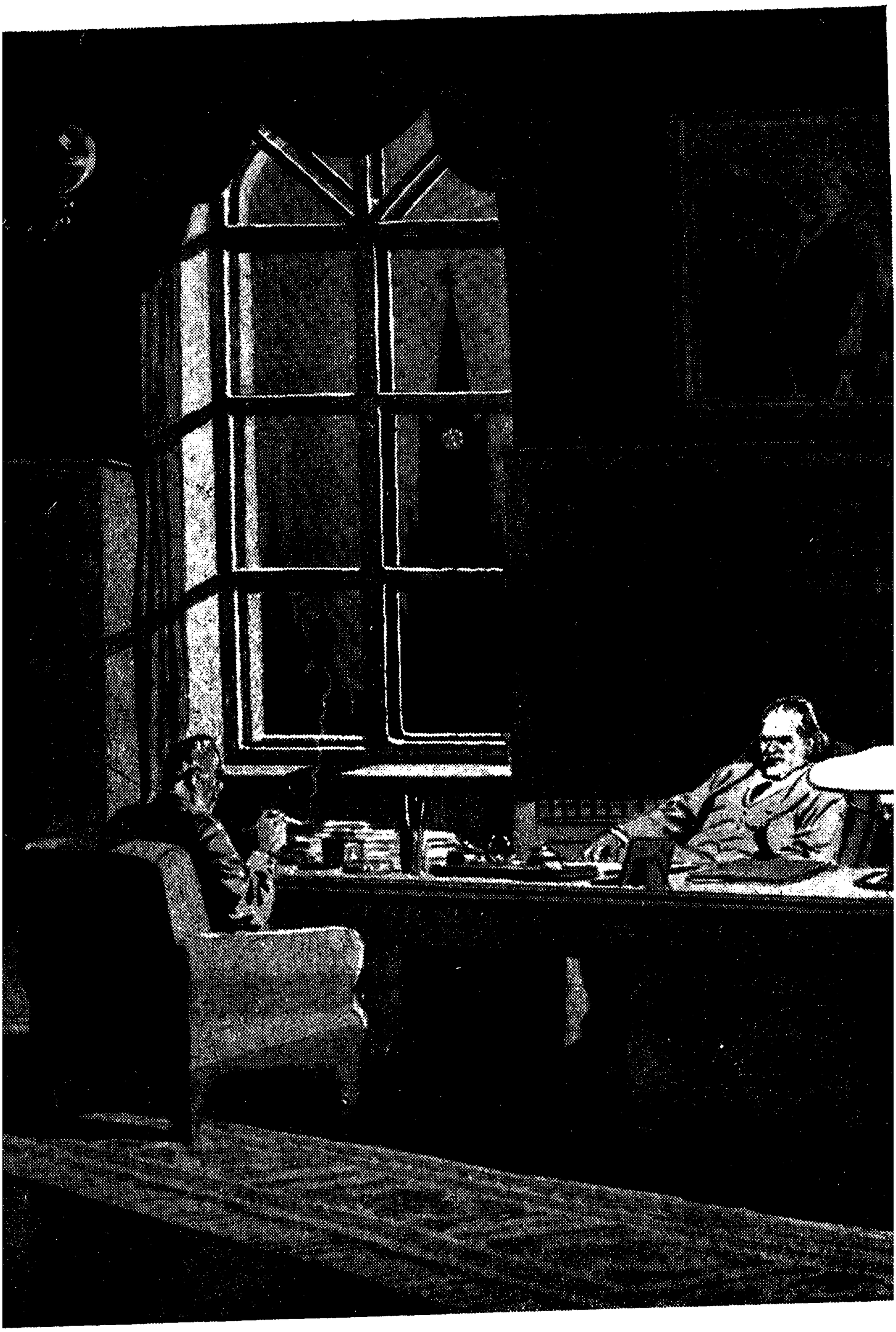
Пропустите! коротко отвечает он, взяв трубку.

Седой чекист появляется в кабинете

Садитесь! Меня интересует американец? Этот Мак Рэд....

Эти два иностранца, Мак Рэд и Де-форрес—консультанты «Металлургостроя».

— Меня меньше всего интересуют их технические функции. Я хочу знать о их политической благонадежности. Что вам известно о них?



— Эти два иностранца, Мак Рэд и Де-Форрест —консультанты «Металлургостроя».

— Пока немного. Приставив, как обычно, нашего агента, я поручил наблюдать, не занимаются ли они шпионажем.

— Шпионаж!?—морщится человек с львиным лицом.— Мне нужно более серьезное наблюдение. Пошлите наилучшего агента. Найдите в вашем Наркомате женщину. Но такую женщину, чтобы она проникла в их душу. Душу! Понимаете, товарищ Петерс! Я хочу знать, можно ли им доверить серьезное дело!?

— У нас есть немало способных агентов.... Первые донесения сообщают, что Мак Рэд любит разговаривать о коммунизме. даже с женщинами.

— Это хорошо! Эти американцы нам нужны. В особенности Мак Рэд. Второй теленок...

— Я понимаю вас!—учтиво отвечает чекист.

— Товарищ Петерс! Это особо важное задание. На этом деле вы сделаете карьеру, или...

— Надеюсь это задание с честью выполнить.

Выполняйте! О ходе докладывайте лично мне.

Петерс по-военному отдав честь, удаляется из таинственного кабинета.

Куранты на башне четко отбивают два часа пополуночи.

4. Балет «Лебединое озеро»

Сигнал светофора останавливает поток автомобилей и телег Из окна комфортабельного «ЗИС—101», Мак Рэд видит часть московской улицы и бесконечную очередь худых и нищенски одетых людей. Между ними видны рабочие, крестьяне в лаптях и с котомками за спиной.

— Что делают эти люди?—удивленно спрашивает Мак Рэд, поворачиваясь к переводчице. Глаза Ирины растерянно косятся на Молотову.

— Это... видите ли мистер Мак Рэд... Эти сознательные советские граждане стоят в очереди перед сберегательной кассой. Они охвачены энтузиазмом и хотят побыстрее пожертвовать свои сбережения на построение социализма... — разъясняет Молотова.

— Ах, вот что!?—приятно удивлен Мак Рэд.

— Этого не увидишь у нас на родине,—отзывается, сидящий напротив Де-Форрест,—я начинаю верить в то, что вы построите социализм. Если люди, отказывая себе даже в одежде, повидимому им крайне необходимой, отдают деньги на индустрию — это успех!

— Колоссальный успех коммунизма!—оживленно продолжает Мак Рэд.

Светофор мигает и зажигается зеленый свет. Автомобиль медленно движется вдоль очереди. Возбужденному Мак Рэду хочется выкрикнуть какое-то пламенное приветствие. Рука его протягивается к дверце автомобиля.

— Я скажу им, что мы...

Но переводчица, следящая за движениями американца, удерживает его словами:

— У нас речи произносятся в специальных местах. Здесь мы помешаем движению и обшественному порядку.

Автомобиль все еще катится рядом с очередью. За окном мелькают худые, заросшие и бородатые лица. Доносятся тяжелые вздохи и реплики:

— Хватит ли сегодня хлебушка?

— Хлебушко!?! Хлебушко!?!

— Намеднись так зря и простояли...

Два дворника выносят из очереди тело, упавшего без сознания истощенного человека.

Но Молотова не дает заметить этого Мак Рэду и Де-Форресту. Она хватает их за рукава, указывая на противоположную сторону улицы.

— Поглядите на этот прекрасный новый дом! В таких дворцах живут, рабочие в нашей стране!...

Автомобиль мчится по улицам Москвы. Молотова обращает внимание иностранцев на серый четырнадцатиэтажный дом.

— Это наша архитектурная гордость — гостинница «Москва».

— Мы остановились в ней, а также видели десятки фотографий еще у себя на родине, — равнодушно отвечает Мак Рэд.

— Однажды в Нью-Йорке мне пришлось жить в номере, который находился на шестьдесят третьем этаже, — замечает вскользь Де-Форрест.

— Это должно быть интересно! Какая величественная панорама должна расстилаться внизу... Огромный город, стрелы улиц и... увлечена Ирина.

Молотова уничтожающим взглядом смотрит на коллегу и прерывает ее.

— Бессмысленно строить высокие дома. Только капиталистическая эксплоатация....—Молотова делает паузу, не зная чем закончить,—впрочем, вот мы и приехали.

Автомобиль останавливается у подъезда Третьяковской галлереи.

Все четверо входят в знаменитое хранилище драгоценных картин.

В вестибюле их встречает человек с лицом профессора. Узнав иностранных гостей, он обращается к ним по-французски:

Вам, вероятно, угодно осмотреть сокровищницу русской культуры?... Позвольте мне предложить свои услуги в качестве проводника. Я служу здесь тридцать лет и каждый экспонат известен мне со всеми его...

Молотова становится между инженерами и проводником и говорит ему по-русски.

— Нет, нет! Мы сами осмотрим картины.

Шествие направляется из залы в зал. Инженеры оставляют без внимания пеструю и безвкусную мазню советских художников, задерживаясь только перед известными произведениями старых русских мастеров.

— Вот....—пытается задержать Молотова у картины, где чудовищно нагромождены уродливые, угловатые физиономии на фоне фабричных труб,—это знаменитая картина советского художника... «Стахановцы»...

Инженеры, безразлично кивая головами, идут дальше.

— А здесь вы можете видеть портрет нашего вождя, кисти художника...

Мак Рэд приостанавливается, но Де-Форрест говорит:

— Портретов вождя мы видели ужасно много. Мне кажется, что все советские художники пишут только его портреты. Нас больше интересуют прекрасные русские картины.

Группа направляется дальше, мимо бесконечных рядов картин в тяжелых золоченных рамах. Наконец, они останавливаются перед полотном художника Верещагина «Апофеоз войны».

— Гениально. Гениально! Глядя на эту картину, мне становится страшно! А, что если... После решительной схватки коммунизма с капитализмом, весь мир превратится в груду черепов?—спрашивает Де-Форрест у переводчицы.

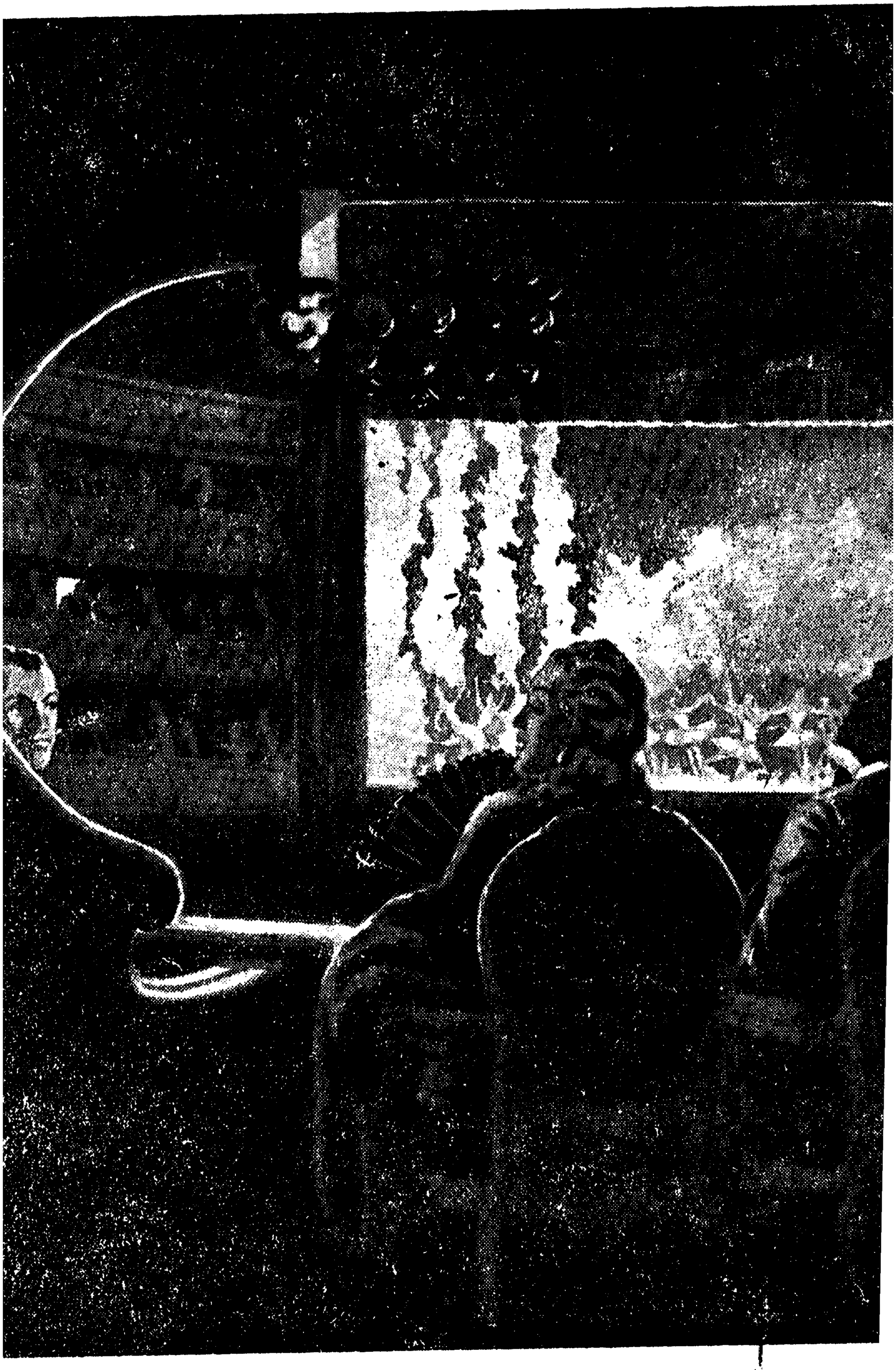
— Это будут черепа только наших врагов. Мы будем воевать на чужой территории. Мы не отдадим врагу ни одной пяди своей земли и окажемся победителями!—отвечает Молотова, тоном школьника, бессмысленно зазубрившего урок.

— Вы так думаете?—спрашивает Де-Форрест.

— Так сказал наш вождь.

— Но все же, меня интересует ваше личное мнение. Как вы думаете?

— Нам некогда думать. За нас думает мудрый и вели-



Мак Рэд приятно удивлен, увидев в соседней ложе стройн со вкусом одетую молодую женшину.

кий вождь. Мы же должны только выполнить его прозорливые предначертания,—с пафосом отвечает комсомолка.

На лице Ирины появляется легкая тень иронической усмешки....

* * *

Зрительный зал Большого театра. Тысячами огней сверкают люстры и бра. Публика рассаживается по местам.

Американцы занимают удобную, обитую плюшем ложу. Мак Рэд приятно удивлен, увидев в соседней ложе стройную, со вкусом одетую молодую женщину.

— Товарищ Петерс!.... — здоровается она с вошедшим седым человеком.

— Анна! Сегодня будем наслаждается буржуазным искусством?—иронизирует он.

Взвивается занавес и на искусно освещенной сцене появляются воздушные девушки «Лебединого озера».

Перед очарованными зрителями проходят изумительно исполненные сцены классического балета. На лицах американцев нескрываемое восхищение.

— Бесподобно!—говорит Де-Форрест.—Какое восхитительное зрелище! Я не ожидал, что русский театр так прекрасен?

Паша Молотова безразлично глядит на сцену. Ирина, наоборот, очарована постановкой. На их лицах мелькают контрасты—восторга и безразличия.

— Как бесподобно они танцуют, — шепчет Ирина в антракте.

— Вам нравится балет? — спрашивает Мак Рэд у комсомолки.

— Не совсем. Это пережиток.,. Буржуазное искусство оставшееся в наследство от ожиревшего дворянства. Я предпочитаю цирк и более массовое искусство—кино. Даже Ленин сказал, что из всех искусств для нас самым важным является кино.

— Моя коллега все воспринимает согласно установившейся традиции, основанной на мнениях политических авторитетов,—с невинным выражением, но с оттенком глубокой иронии произносит Ирина.

Перед взором инженеров выходящая публика. Большинство одето незамысловато. Очень мало вечерних туалетов.

— Кто эти зрители?—спрашивает Мак Рэд.

— Это руководящие работники коммунистической партии, члены правительства, советские специалисты, ученые.

— Привиллегированная часть населения красной столицы, —резюмирует Мак Рэд. Но нам бы хотелось увидеть, как выглядит широкая публика советской страны.

— По плану мы посетим один из подмосковных колхозов,—предлагает Молотова.

— Превосходно!—обрадован Мак Рэд.

— С удовольствием,—говорит Де-Форрест.—Мы часто слышали об этом термине «колхоз» и очень хотели бы увидеть, как выглядит это в жизни.

Между тем мимо иностранцев проходят зрители. Снова перед взором Мак Рэда мелькает лицо очаровательной соседки. Она, пристально взглянув на иностранца, слегка улыбается... Прекрасное видение быстро скрывается в человеческом потоке.

— Русские женщины бывают очень красивы. Эта очаровательная дама, наверное «мисс Россия»? — спрашивает Мак Рэд.

— Нет, нет! У нас не бывает этих буржуазных предрассудков—конкурсов красоты,—отвечает Молотова.

Ирина ироническим взглядом оглядывает толстую фигуру коллеги, напоминающую гриб—подосиновик.

5. Мекка и Медина коммунизма

— Разве это пиво!?—допивая свою кружку, недовольно бормочет сидящий за столом полный, краснощекий господин. Он требует у кельнера, кроме сосисок, вторую кружку пива и, получив ее, с жадностью пьет.

— Вот у нас в Баварии пиво... —не может успокоиться он и, взглянув на соседей, фамильярно спрашиввет по-немецки.

— Вы тоже иностранцы?

— Да, мы приехали из Америки.

— Я немец. Вилли Краус — старый коммунист. Приход Гитлера к власти не предвещал мне ничего хорошего... и я, поверив своему другу Эрнесту Тельману, приехал на родину всех трудящихся,—кисло произносит он окончание фразы.

— О, это очень похвально! Мы тоже приехали сюда познакомиться с великим социальным экспериментом, — отвечает Мак Рэд.

— Стоило ли для этого ехать из Америки? Говорят, люди от жира бесятся,—скептически произносит Краус.

— Почему вы так думаете?—удивлен Мак Рэд.

— Поживете-увидите... Слова и обещания не греют. Наши советские коллеги, применив потрясающий террор, сумели превратить русский народ в молчаливого сфинкса, способного только слушать. Вы послушайте только их передачи,—Краус обращает внимание соседей на доносящийся из громкоговорителя женский голос с приятной и вкрадчивой дикцией. Все трое слушают последние новости на английском языке.

«Верховный суд, исполняя волю трудящихся, приговорил к высшей мере наказания, презренных изменников родины и врагов народа... возглавляемых Бухариным, Рыковым и Пятаковым. Все обвиняемые признались в совершенных злодеяниях...»

— Этого я не понимаю,— бормочет Де-Форрест.

«Колхозники башкирской АССР, закончив сев колосовых, послали по этому поводу приветственную телеграмму любимому вождю народов».

«В Сингапуре вспыхнули беспорядки туземцев, направленные против эксплоататоров и империалистов».

— Как мне это надоело за четыре года! Хорошо только у «них»—везде плохо—таков лейтмотив передач. Поживете—увидите. Однако, вы тоже, кажется, подписали договор? Я вас видел в комиссариате тяжелой промышленности.

— Да, мы едем на «Металлургострой». Вы не знаете, где он находится?—интересуется Де-Форрест.

— Отлично. Мы попутчики и отправимся в Сибирь через три дня. Я специалист по строительству доменных печей.

— О, прекрасно, мистер Краус!

— Вы видели уже Москву.—спрашивает немец.

— Не совсем. Мы ждем переводчиц.

— Если желаете кое-что увидеть, избегайте переводчиц и провожатых. Вы тогда ничего не увидите. Желаете вместе посмотреть Москву 1937 года?

— О, да, да, да!—обрадовано отвечает Де-Форрест.

— Каждый год на коммунистическом зодиаке по своему чем нибудь знаменит. Девятьсот тридцатый—началом колхозных экспериментов, девятьсот тридцать третий—потрясающим голодом, а настоящий—небывалым террором, — рассказывает словоохотливый Краус.

— Однако, господин Краус, как будто чем-то недоволен?—настороженно спрашивает Мак Рэд.

— О, нет, нет!... Это просто мои замечания, полученные на опыте,—заканчивает Краус своей любимой репликой,—поживете-увидите!

Три иностранца выходят из гостиницы и теряются в потоке спешащих людей. Большинство из них с серыми, уста-

лыми, невыспавшимися лицами. Они плохо, безвкусно и бедно одетые и с откровенной завистью оглядывают добротные костюми иностранцев.

— Не кажется ли тебе, Дуглас, что печать какого-то тяжелого бремени, лежит на их лицах и мешковатой одежде? —замечает Де-Форрест.

— Мой друг... Не поддавайся первым впечатлениям. Они часто бывают ошибочны,—нравоучительно отвечает Мак Рэд.

Впереди высятся в золотистом ореоле солнечных лучей, характерные кремлевские стены и оттуда доносится все нарастающая мелодия:

«Красит утро нежным светом,
Стены древнего Кремля».

Трех иностранцев медленно всасывает длинная очеведь, извивающаяся, как гигантский, пятнистый питон. К ним медленно, будто плывущая барка, приближается гранитный черно-красный мавзолей.

Мелькают ступени, окаменевшие лица солдат почетного караула и желто-пепельный лик, лежащей в саркофаге мумии.

Посетители не останавливаясь проходят, как на конвейере, к выходу.

— Мы, подобно мусульманским паломникам, посещаем этот черный камень—каабу коммунизма. Москва — Мекка и Медина коммунизма,—шепотом произносит Де-Форрест,—и это мне напоминает процесс механического поклонения божеству нового культа.

— Мекка и Медина! Это образ над которым необходимо подумать! — произносит Краус, выходя на залитую солнцем Красную площадь.—Что вы подразумеваете под этими словами?

— В Мекке родился Магомет,—в Медине он похоронен, —наивно объясняет Де-Форрест немцу.

— Мекка и Медина!—задумчиво философствует Краус. —Да. Всесильная смерть своей костлявой рукой смирила и этого пламенного трибуна революции, которого превозносят и проклинают миллионы людей. Мне кажется, что сидящий за теми кирпичными стенами, очень доволен смертью своего учителя?

— Почему?—удивлен Мак Рэд.

— О, если бы вы знали какие кровавые драмы разыгрываются за этими стенами... Мне по-секрету рассказывали о предсмертном письме Ленина к Крупской, в котором предупреждал партию не избирать генеральным секретарем его ученика, которого не любил и не доверял. В письме есть такие строки: «кавказский повар любит готовить острые блюда».

— Это могло оказаться анекдотом!—оскорблен Мак Рэд.

— Мне кажется, что после этой поездки я или сделаюсь

окончательным коммунистом, или только скульптором... Знаешь, Мак Рэд... вместо того, чтобы засорять мозги всевозможными философиями, я хотел бы вылепить из воска, а потом отлить из бронзы скульптуру этого мавзолея,—говорит Де-Форрест и, достав свой блокнот, делает зарисовку. Едва на бумагу легли несколько мазков карандаша, к плечу незадачливого художника, властно прикасается рука блюстителя интересов революции. Суровый человек в форме НКВД с малиновыми петлицами произносит:

— Предъявите разрешение на зарисовку!?

— Я не понимаю вас?

— Прошу следовать со мной.

Недоумевающий Де-Форрест и Мак Рэд направляются в сторону Лубянской площади.

Отделившийся от них Краус многозначительно произносит:

— Однако нужно позвонить Чернову, пусть выручает своих американских мальчиков! Они очень рано попадают в эту мышеловку.

6. Тайны государственной безопасности

Кабинет руководящего сотрудника НКВД украшен портретом Дзержинского и утыканными флажками картами.

Входит затянутый вновеньку в форму НКВД молодой, щеголеватый чекист. Он четко ударяет каблуками и козыряет.

— Прибыл, товарищ Петерс!

— Здравствуй, Арбузов! Поздравляю с успешным выполнением правительственного задания. Блестящая работа. За последнее время школа ОГПУ имени Дзержинского, выпускает прекрасных чекистов. Я всегда говорил, что нужны новые методы работы. Тебе в раскрытии этой шпионской сети исключительно повезло. Я подал рапорт о награждении орденом.

— Благодарю, товарищ Петерс! Разрешите узнать, что с моими немцами?

— О, они списаны в расход... Приговор приведен в исполнение,—сообщает Петерс.

— Здорово!—доволен Арбузов, насвистывая мотив популярной песенки чекистов:

«Хорошо, когда работа есть,
Хорошо, когда удачь не счесть».

Петерс некоторое время перелистывает бумаги, затем, в упор взглянув на помощника, спрашивает:

— Ты отдохнул, Арбузов?

— Вполне. Чудный был отдых. В Крыму теперь купальный сезон. Солнце, голубые волны и коричневые, загорелые тела!... Совсем неплохо!

— Был роман?—спрашивает Петерс.

— Прошу не сомневаться,—ухмыляется Арбузов.

— Удачный?

— Чекисты не знают неудач!

Некоторое время оба смеются. Петерс поощрительно, Арбузов гаденько и подобострастно.

— Получай новое задание,—говорит Петерс, протягивая подчиненному коробку папирос,—«Наркомтяжпром» пригласил на работу двух иностранных специалистов, консультантами по механизации строительства металлургического комбината. Но эти головотяпы не учли одного обстоятельства.

Арбузов весь подается вперед, выражая всей своей позой угодливость и готовность.

— Какого?—спрашивает он.

— Эти инженеры еще вдобавок и члены американской компартии. Один из них издал брошюру, а отец его когда-то был в России и написал книгу, снабженную предисловием Ленина.

— Крупная рыба. Но...! — произносит Арбузов щелкая пальцами.—Знаем мы их книжечки! Это вроде того мерзавца... как его!?

— Андре Жида,—подсказал Петерс.

— Вот, вот! Андре Жида.

— Это, братец, будет похуже, Жида... Позабористее! Известна тебе судьба́ книги отца этого чудака?

— Нет, а что?!

— Плохой ты чекист!

Арбузов некоторое время моргает глазами и несколько раз открывает рот, но вновь закрывает его, так ничего и не сказав, ошарашенный словами начальника.

— Видишь ли тут дело, правда, деликатное...

Арбузов испускает вздох облегчения.

— Генеральному секретарю пришлось изъять эту книжечку из обращения, несмотря на придисловие Ленина... американец не доглядел роли вождя в событиях революции, а товарищ Ленин не напомнил об этом в своем предисловии. Ясно?!

— Вполне.

— Ну так вот. Естественно, что этому сыну близорукого отца взбредет на ум тоже написать книгу. Он даже об этом заикнулся Чернову. Ты понимаешь, чем это пахнет?

— Догадываюсь,—отвечает Арбузов.

– Мы должны повлиять, чтобы книга была написана в нужном нам аспекте или совершенно не допустить появления вредной книги. Вот суть задания. Кроме того эти гуси еще могут быть и агентами разведки.

— Ну, это само собой разумеется.

— Итак, будь бдителен. В помощь тебе пошлю комсомолку Пашу Молотову. Она будет работать переводчицей. С ней можешь быть спокоен... Не подведет—наш сотрудник. Но вторая переводчица—не наша. Пришлось взять со стороны. С нею будь на чеку...

Арбузов понимающе кивает головой.

— Погоди, сейчас познакомишься еще кое с кем... — заинтриговывает Петерс и его рука тянется к телефону.— Алло! «Дитя Торгсина». Я вас жду... на минуту...

Украшенный несколькими орденами Петерс пристально, по-чекистски рассматривает красивое породистое лицо вошедшей женщины.

— Товарищ Зеркалова, не забывай, что тебе поручается особо важное задание самого Коминтерна.

— До сего времени...

Петерс приглашает ее садиться.

— Я знаю. Но теперь ты получаешь особо важное задание. Иностранцы, в большинстве случаев, приезжают в нашу страну шпионить. Они интересуются решительно всем — нашей доблестной красной армией, ее вооружением, нашими успехами на всех фронтах, даже советским бытом, а потом пишут книги и компрометируют нас. Один из этих инженеров тоже писака...

— Но они же, как будто, коммунисты? Мы, как будто, видели, их в театре?—произносит Зеркалова.

—Это ничего не значит. Для лучшей маскировки, чтобы войти в доверие к нашим людям, разведывательные органы врага посылают даже коммунистов, или якобы коммунистов... За каждой личиной иностранца скрывается агент... По крайней мере—может скрываться. А потому — мы не должны верить их дружелюбным улыбкам, словам и заверениям.

— Мое задание?

— Наши люди фиксируют каждый шаг и каждое слово этих господ: Рэда и Де-Форреста. Ничто, даже малейшая деталь, не должна быть упущена. На-днях, после первых донесений, ты, товарищ Зеркалова, получишь детально разработанный план. Познакомься, это твой коллега, товарищ Арбузов. Он назначается начальником спецотдела «Металлургостроя».

Арбузов, продолжая пристально всматриваться в лицо своей новой сотрудницы, важно кивает головой.

— Может быть ты, товарищ Зеркалова, в чем либо нуждаешься? Займись своим гардеробом.

— Благодарю, товарищ Петерс.

— До свиданья, товарищ Зеркалова!

— Во имя интересов революции, буду стараться, товарищ Петерс!—бросает она. Прекрасное женственное лицо, сразу меняет свое выражение, и на нем мелькает зловещая улыбка демона.

Она уходит повернувшись «налево—кругом»... Петерс подмигивает Арбузову.

— Женщина с огнем! Актриса, да еще какая!... Опытная! Она недавно окончила спецшколу ИНО НКВД, и теперь прикомандирована ко мне на практику.

— Да-а... с такими можно горы ворочать, — отвечает Арбузов.

7. Колхозные миллионеры

В деревянной избе, украшенной лозунгами и портретами вождя, резко звонит телефон. Рослый мужчина в партийной форме берет трубку.

— Слушает председатель колхоза... Что?! Гости, говоришь, будут иностранные?... Хорошо! Живо все порядки наведем!

И, повернувшись к здоровенному детине, типа заплечных дел мастера, председатель приказывает:

— Эй,Кирилло! Живо переодевай свою бригаду. Гости иностранные к нам едут!

Бригадир выходит на подворье и зычно отдает команду. Сразу начинается суета. Все моментально оживляется. Старики подметают, подымая облако пыли. Повар с довольным видом возится у котла, закладывая большие куски мяса.

— Спасибо, спасибо, заморским гостям. Давно мы такого харчу не нюхали!

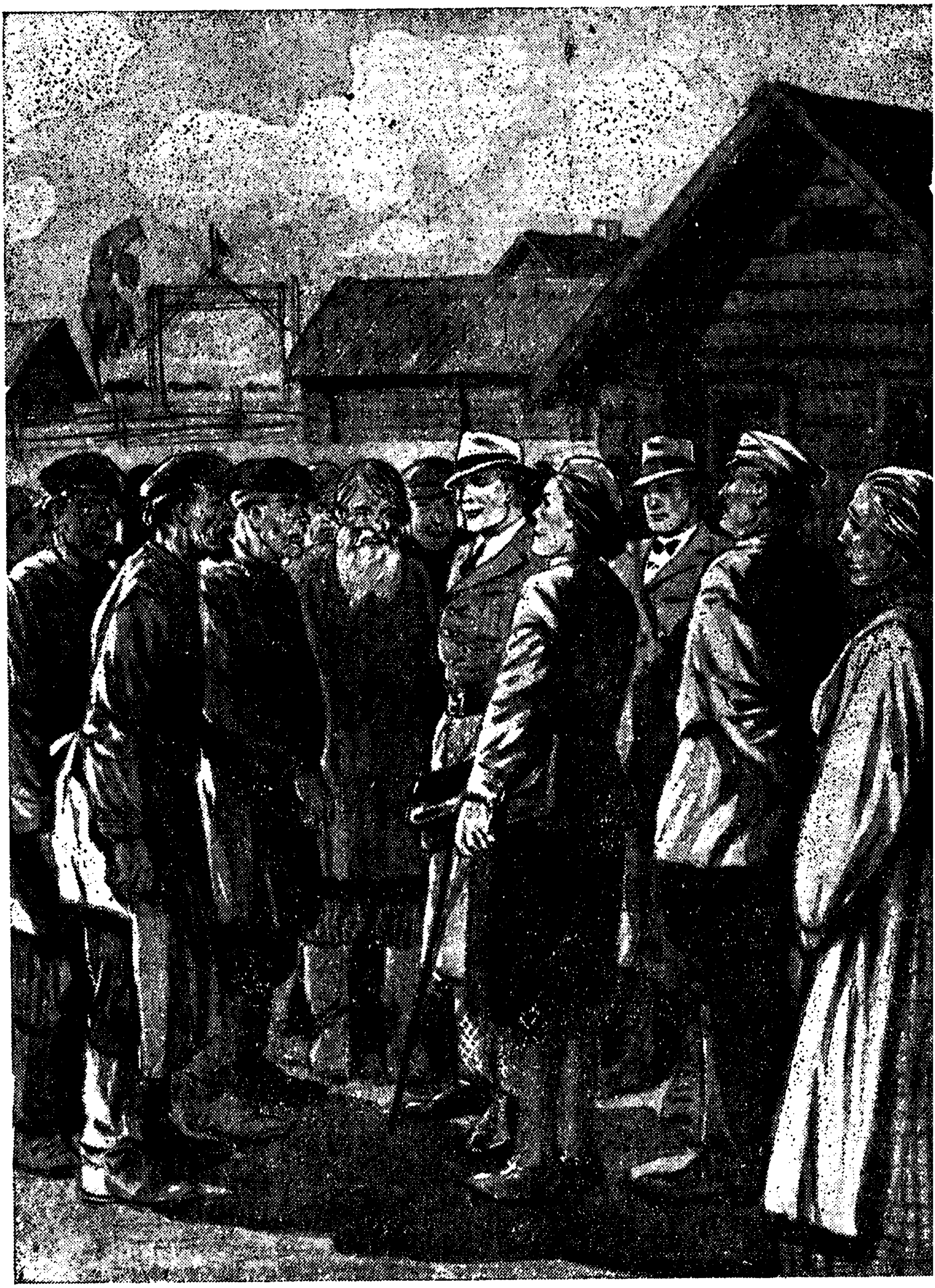
В просторной избе происходит переодевание. Мужики и бабы снимают потертое и грязное тряпье и наряжаются в белые халаты.

Слышны иронические реплики:

— Эй ты, борода, живее!

— Готовься к параду!...

— А ты проваливай, вишь какой тощий!.. Кожа да кости!..



— Интересно знать, какие дивиденты получает каждый колхозник-миллионер со своего капитала?

— Ты хоть подушку себе на брюхо положи-то!... Может гости пощупать захотят...

— Го-го!....

Партийный организатор — шустрый парень, играющий роль распорядителя, самодовольно хихикает:

— Мы им в глаза такую пыль пустим... Ой-ой...!

В темном овине два старых, бородатых крестьянина перешептываются:

— Надоела уж эта пыль!

— При царе без пыли жили.

— Каждый сам себе хозяином был.

— Всего вдоволь было... А теперь одно слово—колхоз! Пыль, она пыль и есть! Тьфу!

— Неужели не услышит Господь молитву нашу и не пошлет избавителя.

Во дворе снова появляется Кирилло. На нем парадный, но мешковатый, черный костюм и красный галстух. Он кричит:

— Первая бригада! Бабы, девки с граблями вперед! Шагом марш!

Десятки колоритных крестьянок, построенных взводом, маршируют под командой Кирилла. Сверкающий автомобиль въезжает во двор и останавливается перед колхозниками. Председатель бежит навстречу. Американцы жмут ему руку и он произносит приветственную речь.

— Это известный колхоз-миллионер имени вождя народов. Члены колхоза выполняя мудрые указания того, чье имя носит их сельско-хозяйственная артель, добились прекрасных успехов в своем хозяйстве! Пусть живет великий вождь мирового пролетариата!

— О, это очень интересно! На нашей родине нет фермеров-миллионеров! — говорит Мак Рэд.

— Неужели они все — миллионеры?! — спрашивает Де-Форрест у Молотовой.

— Конечно, мистер Де-Форрест!

«Миллионеры» в старых зипунах и белых халатах удивленно рассматривают автомобиль и иностранцев.

— Иксплитаторы. Буржуи. Видишь, какие костюмы отхватили...—бросает реплику Кирилло.

— Интересно знать, какие дивиденды получает каждый колхозник-миллионер со своего капитала? Вот вы, например,— спрашивает Де-Форрест у пожилого колхозника с окладистой седой бородой.

Молотова, ревностно исполняя свою роль, переводит:

— Он говорит, что в колхозе в этом году добились рекордного урожая. Поэтому каждый колхозник, получил на

каждый трудовой день по полтора килограмма ржи и девяносто семь копеек деньгами.

Мак Рэд, записывая в блокноте, удивленно переспрашивает:

— Девяносто семь копеек и полтора кило ржи?... Очень малый процент на такой большой капитал. А сколько он зарабатывает?

— Полтора килограмма ржи и девяносто семь копеек,— повторяет переводчица.

— Я уже слышал эту цифру,—раздражается Мак Рэд,— это его дивиденды за то, что он миллионер. Но меня интересует, сколько этот человек зарабатывает? Что он получает за свой крестьянский труд?

—Вот он и получает полтора килограмма ржи и...—объясняет Молотова.

— А дивиденды?

— Какие дивиденды?

— Боже мой! Послушайте.... Он миллионер и поэтому получает дивиденды со своего капитала... Так вот, как велики эти дивиденды?

— Полтора килограмма ржи ..

— Да что вы не понимаете самых простых вопросов...

— Это типичные американские вопросы. У нас вообще нет капитала и капиталистов. Они уничтожены... Это все государственное...!

— Но ведь вы сказали, что они миллионеры...!

Ирина с серьезным лицом слушавшая этот разговор, обращается к Молотовой:

— Видите, Паша! Дивидендами называется...

Молотова, нервничая, резко обрывает коллегу.

— Я не нуждаюсь в ваших уроках!...

Ирина пожимает плечами и отходит. На лицах американцев недоумение

* *
*

Незамысловатый колхозный театр. Грубо сколоченная сцена украшена лубочными портретами вождей.

Зрители сидят на деревянных скамейках. В первом ряду, на стульях, сидят американские гости с переводчицами. Подымается кумачевый, ярко разрисованный золотистыми серпами и молотами, занавес.

Сцена изображает внутреннюю часть свинарника. Молодая, красивая девушка чистит навоз, напевая песенку о радости колхозного труда.

Потом она с материнской заботой подымает на руки белую свинку и танцует с ней. Появляется колхозный чабан и начинается роман.

Вместо объяснения в любви, он достаёт из кармана журнал «Спутник агитатора для деревни» и читает:

— Необходима бдительность к колхозной собственности, чтобы никакой классовый враг не смог проникнуть в свинарник и не отравил бы свиней...

— О... я их берегу, как зеницу ока.

В финале пьесы пастух и свинарка, усаживаются на растрескавшееся корыто и с умилением гладят поросенка.

— Когда он вырастет, приведет двенадцать, те еще по двенадцать и тогда наступит счастливая зажиточная колхозная жизнь...

Занавес падает.

Молотова поднимается со своего места:

— Я должна поблагодарить руководителя театра, за гостеприимный прием.

Мак Рэд и Де-Форре т остаются с Ириной:

— Когда же начнется колхозный театр? — спрашивает Мак Рэд.

— Представление окончилось. Пьесу в одном действии: «На страже колхозной собственности», мы уже видели.

—Неужели это кормление свиней называется пьесой? — удивлен Де-Форрест.

— Наоборот, какой потрясающий реализм! Смелость! Революция в театре, — восхищен Мак Рэд.

— Извините! Это просто свинство, — возмущается Де-Форрест.

Печальная улыбка на лице Ирины. Оглянувшись и убедившись в отсутствии Молотовой она говорит:

— Джентльмены! Вчера вам Паша Молотова грубо и нехорошо солгала... Эти люди в очереди не несли денег государству. Они стояли за текстилем и хлебом. У нас в стране потрясающий товарный голод. В целом ряде областей, в особенности на Украине, в 1933 году миллионы крестьян умерли от голода.

— Успокойтесь, милая. Это вам кажется, — успокаивает Мак Рэд, разволновавшуюся Ирину,—если это так, то почему же они умирают молча, почему они не протестуют, почему об этом не пишут газеты, почему красные сенаторы не подают запрос правительству и, наконец, почему правительство не подает в отставку?

— Я очень прошу не продолжать нашего разговора при товарище Молотовой. Но, если вы хотите познать советскую

Россию и вникнуть в суть «социального эксперимента», о котором вы говорили вчера, мой вам искренний совет—ни о чем не спрашивайте, а только смотрите сами. А чтобы спрашивать, изучите русский язык. Я вам помогу. Тогда вы сможете спрашивать у самого народа, а не слушать лживые реляции и вы узнаете, почему правительство не подает в отставку...

На печальных глазах Ирины появляются слезы.

— О, я охотно воспользуюсь вашим любезным предложением,—отвечает Де-Форрест.

Ирина взволнованно и торопливо заканчивает, обращаясь к Де-Форресту.

— Все, что вы видите — это только старательно раскрашенная декорация, за которой — нищета, убожество, голод, террор. Поймите, что русский народ ждет избавления от большевизма!

8. Потомки Чингизхана

Густой дремучей тайгою, бесшумно пробираются два горных шорца*). В полумраке меж стволов кедров, мелькают их низкорослые фигурки охотников. Прорвавшийся сверху солнечный луч, будто клинок остроотточенного кинжала, нащупывает скуластое монгольское лицо и скользит по изгибу старинного лука...

Полудикие потомки Чингизхана мягкими ичигами**) топчут блеклые, сибирские цветы. Косыми глазами они разыскивают добычу.

— Ушла белка, — произносит старший охотник с луком.

— Скрылся бурундук***)—подтверждает второй, несущий ружье.

— Что теперь делать охотнику?

— Плохо. Беда...

Они подходят к деревянной хижине шамана. На кольях изгороди страшным пугалом торчат рогатые черепа быков, украшенные пестрыми тряпками.

Низко кланяющихся шорцев, встречает старый шаман. Желтое, как высохший пергамент, монгольского типа лицо безстрастно и спокойно.

---

*) Горные шорцы — небольшое племя монгольской расы.
**) Туземная обувь.
***) Пушной зверек.

— Какие вести принесли, мои друзья? — спрашивает шаман.

— С тех пор, как охотники на людей пригнали в наши горы целые стада рабов, и провели движущиеся дома на железных колесах, а скотоводов загнали в табуны, будто животных — наступило очень плохое житье, — говорит старший.

— И моя сестра Айше голодает, — добавляет молодой охотник.

— И ушла белка, скрылся бурундук и наступит голод. Мы пришли к тебе за советом. Ты мудр! Скажи, что делать бедному и обиженному племени горных шорцев?

— Спрошу у великого духа, что живет на вершине Испири. Может быть, он смилуется и даст мудрый ответ на ваши вопросы. Много шорцев со всего Алтая приходят ко мне тайными, таежными тропами...

Танцует, беснуется шаман. Оглушительно бьет бубен. Развеваются пестрые ленты на его отороченной куньим мехом шапке. На старческом лице выступает пот.

Охотники с благоговением ожидают конца заклинания.

Лицо шамана искажено судорогой. У рта появляется пена. Он говорит охотникам:

— Те, что владеют теперь рабами и сгоняют вольных скотоводов в стада, будут царствовать еще пятнадцать зим и пятнадцать лет... Потом смерть на огромных крыльях прилетит из земли, что за далеким морем и страшным, небывалым огнем сожжет их до тла и развеет их прах. Те, что владеют рабами понесут кару.... и страшна будет та кара.... Терпите, друзья, мои.... Ждите радостного дня, когда из страны заходящего солнца прилетят добрые духи....

Охотники вновь низко кланяются:

— Спасибо за совет!... — благодарит старший охотник, протягивая шкурку горностая. — Возьми, мудрый шаман, за радостную весть.

— Нет, нет! Не нужна мне плата. Великий дух одинаково и для меня и для вас сообщил эту радостную весть...

Охотники снова бредут дремучей тайгой.

9. Строители социализма

В переполненном вагоне едут типичные русские люди из простонародья, старики и молодые, бабы и дети. Полки забиты их нехитрыми пожитками — некрашеными, деревянными сундучками, мешками. Заунывно позвякивают жестяные чай-

ники. Уставшие от дальней дороги, небритые, раздраженные пассажиры в каком-то отчаянии и унынии.

Несколько мужиков пьют чай, остальные курят махорочные самокрутки рассматривая мелькающую за окном тайгу. Они обмениваются репликами:

— Вот и Сибирь!

— Она, матушка. На каторгу едем...

— Жизнь ты, жизнь, невеселая!

— Загнали нас, куда Макар телят не гонял...

— Эх, граждане! Объездил я уже всю страну, в поисках хлеба и счастья. Строил пристань на Мурмане, ловил рыбу в Каспийском море, пилил лес на Медвежьей Горе—все узнавал, где жизнь-то получше...—рассказывает молодой, кудрявый парень с гармоникой.

Пассажиры поворачивают к нему испитые лица, прислушиваясь.

— Ну и где же счастье-то?—спрашивает пожилой усатый рабочий Макар Ильич.

Но вместо ответа, бывалый парень, широко растянув мех своей двухрядки, поет минорную песню:

«Всю Россию я объездил,
Нигде я счастья не нашел.»

Долго звучит в вагоне его заунывная песня под аккомпанимент гармонии.

Захар Кузьмич, теребя фельдфебельскими усами, приподымает блинообразное кепи и многозначительно почесывая затылок, речитативом произносит частушку-пародию:

«Жить стало лучше, жить стало веселей,
Что стоило три рубля, теперь стоит сто рублей!»

Захару Кузьмичу аккомпанирует гармонист.

* * *

В комфортабельном салон-вагоне едут командиры социалистического строительства: секретарь комитета коммунистической партии Василий Коробов, несколько советских инженеров, Мак Рэд, Де-Форрест, баварец Краус, переводчицы и одетый в штатский костюм Петр Арбузов. Они сидят за столиками, уставленными едой и многочисленными бутылками.

Происходит обычная дискуссия о советских достижениях. Коробов в растегнутом френче, рисуясь и дымя трубкой, жестикулируя ораторствует:

— Наша промышленная продукция возросла по сравне-

нию с девятьсот тринадцатым годом в три раза. Заработная плата тоже увеличилась в несколько раз. Мы ликвидировали безработицу. Мы строим....

— Однако, в вашей стране отсутствует полнокровный жизненный импульс. Ликвидировав мелкую частную собственность, тем самым вы уничтожили инициативу человека, то есть, ту движущую силу, которая является главным условием процветания и прогресса любой страны,—говорит Краус.

— У нас свободный и радостный социалистический труд!—с пафосом отвечает Коробов,—движущая сила у нас—воля партии и ее вождя!

— Не это ли воля партии?... — иронически спрашивает Краус, показывая на партию заключенных, работающих по прокладке вторых железнодорожных путей. Мак Рэд и Де-Форрест, взглянув в окно медленно проходящего поезда, рассматривают бородатых людей в однообразной грязной оборванной одежде. Несколько человек сгорбившись несут тяжелую рельсу.

— Я, знаете, — продолжает Краус, — прожил в вашей стране четыре года и видел и слышал не мало.

Коробов бросает полный ненависти взгляд на Крауса. Арбузов подергивается на своем кресле.

* *
*

Два охотника шорца бредут тайгой, возвращаясь от шамана. Они останавливаются на горном перевале, прислушиваясь к еле слышному гудку паровоза. Шорцы прячутся за ствол роскошного сибирского кедра и с ужасом глядят на медленно появляющийся поезд. На лице, поросшем жидкой бородкой мелькает полный ненависти взгляд.

Медленно приближается поезд. Старый шорец достает из колчана стрелу. Пробует хорошо ли натянута тетива лука. Зеленые вагоны мелькают сквозь ветви. Шорец вкладывает стрелу и туго натягивает тетиву.... Второй прикладывает к плечу кремневое ружье....

* *
*

В салоне продолжается дискуссия. Коробов попрежнему разглагольствует, а Краус ему оппонирует:

— Дикая техническая отсталость! Труд рабов! А вы говорите догнать и перегнать передовые индустриальные страны? С кем? С этими людьми, которых мы видели? Они едва держатся на ногах и превращены в жалкий и малопродуктивный рабочий скот?...

Старый шорец достает из колчана стрелу.

— Объективные причины.... — начинает Коробов, но Краус перебивает его:

— Я удивляюсь, как вы не боитесь гнева народа; ведь не вечно же он будет бессловесен и покорен. Я тоже коммунист и на мой взгляд....

Арбузов, развалившись в кресле и нагло улыбаясь, произносит:

— Во-первых, уважаемый господин Краус, большевикам вообще незнакомо чувство страха, а во-вторых...

Оперенная стрела разбив стекло застряла в спинке сиденья. Гремит выстрел. Осколки стекла со звоном сыплятся на пол и столики. Пассажиры вздрогнув, нервно поворачиваются к окну, но реакция не знающих страха большевиков—Коробова и Арбузова—сильнее и они дружно, как по команде прячутся под столы... Видя, однако, что серьезной опасности нет они появляются вновь и Коробов говорит:

— Спокойствие, товарищи! Стрела, пущенная каким нибудь потомком Чингизхана, не остановит победного шествия социализма!

Многие улыбаются в ответ на эту тираду.

— Итак «во-первых»—мы видели, Что же «во-вторых»? —не унимается Краус.

— Товарищ Краус! В порядке партийной дисциплины, я призываю вас прекратить неуместный разговор,—резко говорит Коробов.

— Я в порядке критики и самокритики...,—пытается оправдаться немецкий коммунист.

— Что происходит?—удивлен Де-Форрест.

— Может быть, это инсургенты!?—спрашивает Мак Рэд.

Де-Форрест вынув стрелу и расматривая ее произносит качая головой:

— Это мне напоминает семидесятые годы прошлого столетия, у нас, на диком Западе...

10. Вавилон двадцатого века

Начальник строительства Иван Шеболдаев с искренним русским радушием принимает американских гостей в своем кабинете. Жесты его размашисты и подчеркивают широкую, грубовато-добродушную русскую натуру. Обстановка самая простая и даже сердечная. Он говорит громко, как и подобает «отцу-командиру».

— Ну, вот и прекрасно. Теперь наша механизация сдвинется с мертвой точки. Работы не боитесь?—спрашивает он.

— Мы приехали сюда не развлекаться, — отвечает Мак Рэд.

— У нас работы много—Шебалдаев показывает рукой на развернувшуюся за окном панораму огромного строительства.—Идемте, покажу нашу гордость!

Шебалдаев показывает инженерам строительство. Он увлечен и его глаза блестят, будто у влюбленного юноши. Они подымаются на строительные леса доменных печей. Свежий ветер треплет полы пальто и развевает волосы сопровождающей их Ирины.

— Поразительно! Мы не ожидали здесь увидеть строительство такого масштаба,—замечает Мак Рэд.

— Не верили в наши силы? Ленин завещал нам индустриализировать Россию. И мы,—старые большевики-ленинцы, честно выполняем его завещание,—горделиво произносит полный пятидесятипятилетный мужчина. Петлица его пальто украшена красным эмалевым флажком члена правительства

Они сходят вниз и оживленный Шеболдаев ведет иностранцев по территории завода.

— Большой завод,—соглашается Мак Рэд.

— Э, батенька... Русский богатырский размах! Одна строительная площадка тридцать квадратных километров... Не то, что вникнуть в дело, а обойти невозможно. Здесь в стужу, лютые сорокаградусные морозы, когда руки прилипают к металлу, советские, рабочие, отказывая себе во многом, строят детище пятилетки,—объясняет Шеболдаев.

Десятки бездействующих экскаваторов напоминают стадо железных слонов, запутавшихся в непроходимых джунглях строительных материалов.

Горы цемента, леса и рельс свалены в хаотическом беспорядке, Рядом с подъезными путями, в грязи, под открытым небом ржавеют сложные машины и оборудование,

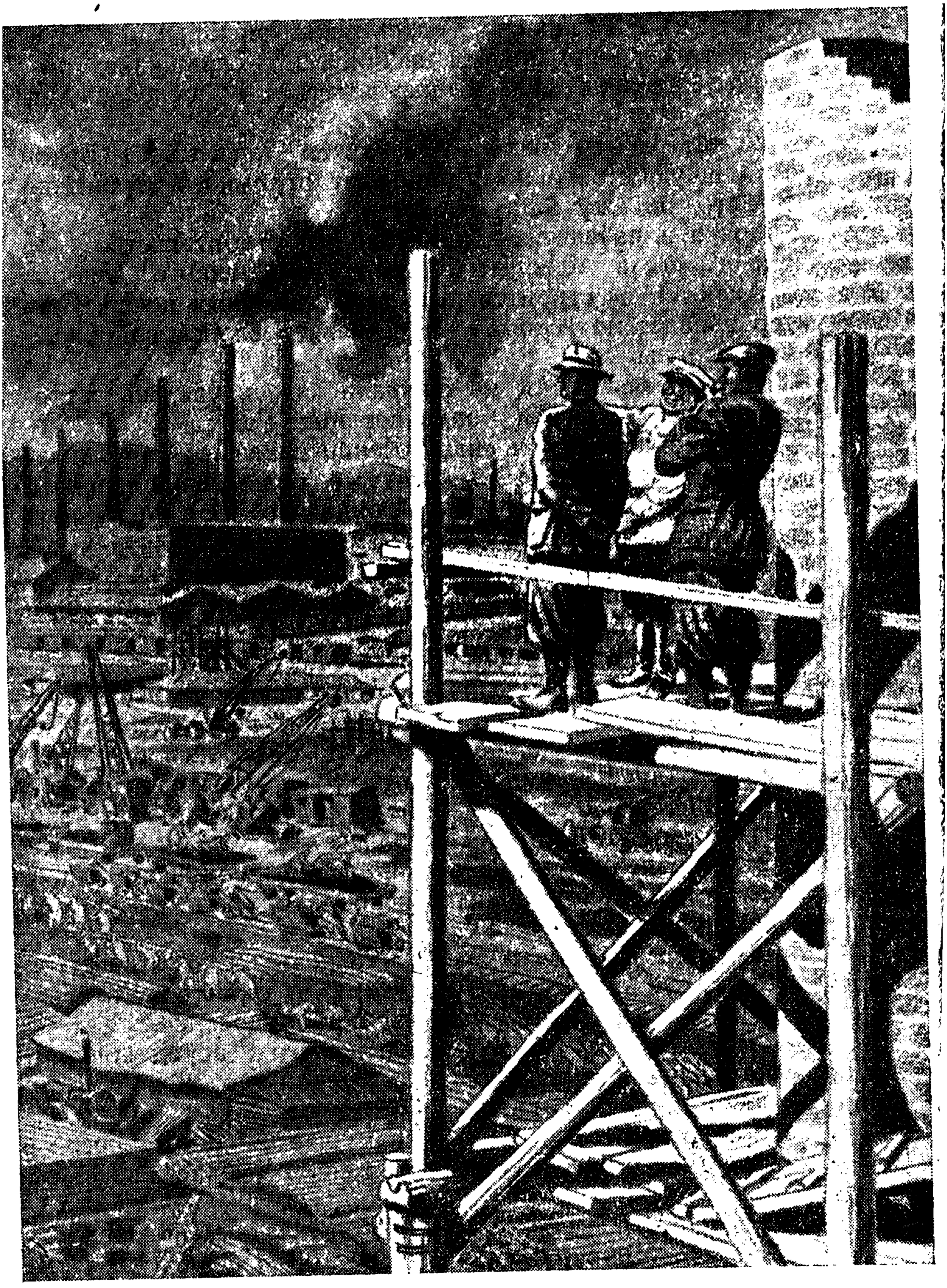
Мак Рэд и Де-Форрест останавливаются перед копировальным американским станком, застрявшем до половины в тинистом неустойчивом грунте.

— Это расточительство!... — возмущается Де-Форрест— вы заплатили долларами за станки и теперь выбрасываете их на свалку...

— Это наш приемный двор..,—объясняет Шеболдаев.

— О... Это техническое варварство! Первым долгом необходимо навести порядок здесь, устроить крыши, смазать машины...

— Мне пять раз меняли главных инженеров... Они дей-



— Здесь в глухой тайге, за очень короткий срок, мы воздвигнем мощный металлургический комбинат!

ствите́льно здорово напутали. Сам я по профессии пекарь и занимаюсь только организационными вопросами. Лишь только теперь мне дали настоящего инженера. А вот и он, — говорит Шеболдаев, кивнув в сторону направляющегося к ним навстречу стройного молодого человека с интеллигентным лицом.

— Познакомтесь, Илья Николаевич, со своими иностранными коллегами, — произносит Шеболдаев и повернувшись к инженерам добавляет,—это мой заместитель. Инже́нер русской школы. Универсал. Золотые руки.

— Очень приятно! — по английски отвечает Шахматов, —очень рад. Мы остро нуждаемся в вашей помощи!

Инженеры пожимают друг другу руки и продолжают шествие.

Мак Рэд и Де-Форрест всматриваются в лица людей. Монголы и финны, русские и грузины, узбеки и стройные аджарцы, говорящие на разных языках, удивленно рассматривают американцев.

Мак Рэд тоже удивленно рассматривает группу плохо одетых рабочих, подымающих огромную строительную рельсу.

— Почему вы не используете механизмов?—спрашивает М к Рэд, указывая Шахматову на бездействующий электро-магнитный кран.

— Он наверное снова испорчен, — с досадой отвечает русский инженер,—из-за большой текучести рабочей силы мы не в состоянии как следует обучить специалистов...

Шахматов направляется к крану и, устранив неполадку в моторе, пускает машину в ход. Отбежавшие в сторону рабочие наблюдают, как кран легко, будто соломинку, подымает тяжелую рельсу.

— Какое у тебя впечатление от этого строительства, Джорж?—спрашивает Мак Рэд.

— Мне, кажется, что я попал на вавилонское столпотворение, где смешались двунадесять языков.

— Вавилон двадцатого века! Образное сравнение, но оно мне не нравится...

— Почему?

— Я не суеверен и лишен предразсудков, но сравнивать... строительство социализма с Вавилоном, не совсем приятно для идейного коммуниста,—недовольно отвечает Мак Рэд.

— Мой друг!—многозначительно и с укоризной качает головой Де-Форрест.—Поживем-увидим.

11. Город, носящий имя вождя

Большой шестиместный автомобиль мчится по улицам еще недостроенного города. Развертывается панорама однотипных пятиэтажных домов, напоминающих огромные упаковочные ящики расставленные на сером конвейере улиц.

— В этих домах живут рабочие,—объясняет Шеболдаев.

— Мало комфортабельно ..—замечает Де-Форрест.

— Выглядят они действительно немножко... ну, как бы это сказать...—скучно, но в Западной Европе...

— Скажите, мистер Шеболдаев, вы бывали в Западной Европе?

— Нет.

— Я замечаю, что у вас часто ссылаются на Европу и Америку люди, не имеющие о них представления. Поглядели бы вы как выглядит рабочий поселок в Америке или Западной Европе. Отдельные односемейные домики, удобные, масса зелени, тишина... Прелесть!... Мне, кажется, что у вас совершенно ложное представление о том, как живут в других странах... Это очень неправильно.

Лицо Шеболдаева становится сосредоточенным и он ничего не отвечает.

На площади возвышается цементная фигура Ленина. Взглянув на монумент, Шеболдаев снова оживляется:

— Это вождь пролетариата и преобразователь России. Идея создания здесь второго металлургического центра страны принадлежит ему. Если бы он был жив, мы бы имели еще большие достижения.

Сидящий у руля Арбузов оборачивается и неодобрительно глядит на Шеболдаева.

Автомобиль въезжает на вторую большую площадь, где возвышается памятник в виде огромной неуклюжей глыбы, изображающей человека в шинели.

Замедлив ход автомобиль проезжает мимо. Шеболдаев не обращает внимания на этот монумент... Тогда Арбузов, остановив машину, обращается к инженерам при помощи переводчицы.

— Этот величественный обелиск воздвигнут в честь инициатора и личного вдохновителя нашей стройки — великого вождя народов. И когда мы выполним его заветы, с апломбом говорит Арбузов, показывая рукой на высящиеся вдали трубы, кауперы и доменные печи металлургического комбината,—тогда наступит первая фаза коммунизма. И это будет скоро!

— Неужели вы считаете, что создав индустрию, этим самым автоматически построили коммунизм? Мне кажется, вы

ошибаетесь. Из имеющегося исторического опыта в ряде стран, давно создана первоклассная индустрия, однако, он там еще не наступил!—говорит Де-Форрест.

— Ну это же само собой понятно... Там ведь частный капитал и эксплоатация... Там буржуазия и пролетариат...— говорит Арбузов.

— Какая разница для рабочего в том, что индустрия принадлежит частному капиталисту или государственному капиталу?—ставит вопрос ребром Де-Форрест.

Арбузов смущен. Он, не находя ответа, поворачивается к рулю, и тихо, по русски бормочет:

— Американские вопросы... Они однако очень острые на язык... и этот язык нужно...

Но Де-Форрест не унимается:

— Мы, коммунисты Нового Света, видевшие уже индустрию не вашего масштаба, несогласны с вашим толкованием коммунизма. Мы видим идеальный коммунизм в полном раскрепощении человека и возвышении его на небывалую высоту. Коммунизм наступит не тогда, когда государство отберет у всех их имущество и сосредоточит его в своих руках... Не тогда, когда всех сделают таким образом равными в бедности, нищете и зависимом от произвола государства состоянии. Нет, мы склонны думать, что царство коммунизма наступит тогда, когда все станут богатыми, имущими, т. е. буржуями, капиталистами... При коммунизме государство должно стараться давать тем, кто не имеет, а не отбирать у тех кто имеет. Но это все утопия!

Во время речи Де-Форреста Шеболдаев сидит угрюмо уставившись в одну точку. Молотова, переводя презрительно грисманичает, Ирина с интересом прислушивается.

— Вы, господа, как я вижу, принадлежите к сторонникам утопического коммунистического мировоззрения. Но такой коммунизм никогда не наступит. Это мировоззрение чуждо генеральной линии нашей партии. Кроме того, мы уважаем специалистов, которые не привыкли рассуждать и дискуссировать в вопросах, в которых мало компетентны, а засучив рукава помогали бы выполнять мудрое решение нашего любимого вождя, —недовольно произносит чекист, показывая рукой на обелиск.

* * *

Автомобиль останавливается у трехэтажного здания украшенного надписью-барельефом: «Дом иностранных специалистов».

Шеболдаев и Арбузов проводят инженеров в приготовленные для них аппартаменты.

Начальник «Металлургостроя» лично открывает краны с горячей и холодной водой, искренне радуется этой технике и довольно улыбается сопровождающему их управляющему домом.

— Молодец! Не ударил лицом в грязь перед иностранцами!

Мак Рэд и Де-Форрест осматривают свои комнаты с видом привыкших разъезжать людей, снимающих номер в отеле.

— Располагайтесь! Вы у себя дома, — приглашает Шеболдаев.

Носильщики вносят солидные кожаные чемоданы, украшенные пестрыми наклейками известных отелей. Мак Рэд рассматривает стеклянный книжный шкаф, в котором видны несколько технических справочников. Остальная часть полок заполнена переводами на английский язык сочинений Ленина и Сталина.

12. Резюме иностранных консультантов

За широким окном просторного кабинета Шеболдаева, как на ладони, видна стройка металлургического комбината.

Ответственные работники строительства, инженеры и техники, собираются на производственное совещание.

Вблизи стола начальника, на мягких стульях, сидят Мак Рэд и Де-Форрест. Они своим поведением, видом и одеждой резко выделяются среди своих советских коллег.

Все много курят. В облаке дыма, Мак Рэд и Де-Форрест разговаривают между собой. Шеболдаев, взглянув на собравшихся, открывает совещание.

— Товарищи! Я получил жесткую директиву политбюро ЦК ВКП(б) форсировать строительство нашего Таштагольского рудника, который находится в глубоком прорыве. Железная дорога все еще не готова. Она строится в сильно пересеченной горной местности. На каждом километре сооружаются тоннели, глубокие выемки и насыпи. Перед нами поставлена конкретная и нелегкая задача—в течение месяца доставить на рудники экскаваторы и сложное рудничное оборудование.

Сидящая возле иностранцев Ирина тихо, но внятно переводит слова начальника.

Мак Рэд и Де-Форрест внимательно изучают рельефную карту горной местности. На них обращено внимание остальных инженеров. После своей речи, Шеболдаев обращается к американцам с вопросом:

— Каково мнение главных консультантов по механизации?

— Нам известен подъездной путь к руднику... Двести километров скверного временного шоссе. Необходимо срочно, поручить закупить вместе с недостающими частями рудничного оборудования и специальные тягачи и платформы «Додж» или Круппа для перевозки сверхтяжестей. Экскаваторы придется размонтировать и доставлять по частям. Передвижения по такой дороге не выдержат никакие механизмы!

— Я очень прошу вас срочно приготовить спецификацию.

— Хорошо!—отвечает Мак Рэд начальнику.

— Благодарю вас! Предварительный заказ мы отправим по телеграфу сегодня же.

— Чтобы выиграть время мы предлагаем новый вариант —пустить экскаваторы своим ходом,—неожиданно предлагает молодой советский инженер.

Де-Форрест, отвечая на предложение, обращается к Шеболдаеву.

— Мы опять возвращаемся к старому... Мы уже указали, что ходовая часть экскаваторов не выдержит этого пути и преждевременно придет в полную негодность. Кроме того рудничное оборудование, в особенности подъемники, не имеют ходовых частей. Без тягачей нам не обойтись.

Де-Форрест садится. Сделавший предложение инженер-коммунист опять просит слово и с улыбочкой говорит:

— Конечно, выполнение в срок задач, поставленных перед нами партией и лично товарищем Сталиным, господ иностранных инженеров не интересует, но это интересует нас...

— Иностранные инженеры указали свои соображения. Как вы можете их опровергнуть, товарищ Баранов? — возражает Шахматов.

— Иностранные инженеры не указали главного соображения. Их интересует, чтобы американские фирмы получили заказ! А «мистеры», за этот заказ, гляди, процентик от фирмы и получат...—ехидничает Баранов.

Некоторые из присутствующих в зале, улыбаются, но большинство красноречивыми взглядами не одобряет выходку коллеги.

13. Цека играет человеком

На расширенном заседании треугольника строительства, кроме начальника Шеболдаева, секретаря городского комитета партии Коробова и председателя профсоюза Егорова, присутствуют Шахматов и Арбузов.

— Итак, товарищи! Я должен вам огласить, может быть, не совсем приятную телеграмму...—и Шеболдаев взволнованно читает: «ЦК считает заказ «дорогостоящих импортных платформ — оппортунизмом на практике и выносит треугольнику «Металлургостроя», строгий выговор с последним предупреждением. Для транспортировки экскаваторов, используйте рабочую силу «Сиблага НКВД» в неограниченном количестве».

— Я считаю, что это перечит здравому техническому смыслу. Мы погубим ценные машины. У нас будут совершенно новые экскавирующие части и полностью амортизирована ходовая часть. Образно говоря—человек без ног. Иностранные консультанты в письменной форме внесли свой категорический протест против транспортирования двадцати экскаваторов на собственных гусеницах,—высказывается Шахматов.

Арбузов и Коробов мечут на инженера зловещие, полные ненависти взгляды.

— Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!—с апломбом заявляет Коробов.

— Здравый технический смысл противоречит крылатым и красивым фразам. Они, может быть, нужны на митинге, но в данном случае, повторяю—мы погубим машины и крепость окажется не взятой,—доказывает Шахматов.

— Что тут долго разговаривать! Мы не собрались здесь заниматься дискуссией, при том еще в присутствии беспартийных...—резко говорит Коробов, бросая на Шахматова презрительный взгляд.—Никто не дал нам права критиковать указания партии под водительством мудрого вождя народов... Мы должны безоговорочно, как на фронте, выполнить приказ!

— Цека играет человеком,—многозначительно и с оттенком полушутливой иронии, произносит Шеболдаев.

— Играет... — загадочно повторяет Арбузов, барабаня пальцами по крышке портсигара и впиваясь колючим взглядом в усталое лицо Шеболдаева.

— Итак, товарищ Шахматов — необходимо выполнять директиву! Экскаваторы должны быть на Таштагольском руднике и баста!—говорит Шеболдаев, дружелюбно похлопывая по плечу главного инженера.

Шахматов уходит.

— Демагог! — коротко, как ругательство, бросает ему вслед Арбузов.

— Безобразие! Техническое руководство тоже подымает свой голос! Я не понимаю, почему на строительство всесоюзного значения не могут прислать главным инженером коммуниста,—недоволен секретарь.

— Присылали, товарищ Коробов!—Пять человек смени-

лось за последний год, а что толку? Напутали, создали свалку из машин и материалов. Поэтому годовой план по капитальному строительству выполнен только на сорок три процента. Шахматов и американские инженеры теперь сдвинули дело с мертвой точки...—докладывает Шеболдаев. — Но моя рука не подымается послать отчет в Кремль.

— Есть выход... пошлем письмо вождю, что план выполнен, а потом наверстаем. Поднажмем и догоним, — предлагает Коробов.—Как вы. товарищи, находите мой план?

— Другого выхода нет, — подтверждает председатель профсоюза товарищ Егоров.

Взоры присутствующих обращаются на бесстрастное, злое лицо Арбузова.

— Интересно, каково мнение по этому вопросу начальника специального отдела, товарища Арбузова?—спрашивает Шеболдаев.

— Я остаюсь при своем особом мнении...—таинственно отвечает он.—Вместо посылки дутых телеграмм о выполнении плана, что стало уже системой, обратили бы внимание на стахановское движение... Это единственный выход вывести строительство из прорыва!

— Чека играет человеком, — едва слышно шепчет Шеболдаев.

14. Ева с кремлевским яблоком

— Здравствуйте, господа! Разрешите представить вам корреспондентку «Москов Дейли Ньюс» товарища Зеркалову,— произносит Коробов, представляя молодую, обаятельную женщину в изящной кожаной курточке с фотографическим аппаратом через плечо.

— О, мистер Мак Рэд, мистер Де-Форрест! Наша газета очень интересуется, как себя чувствуют иностранные специалисты на ударной социалистической стройке. Я прилетела на самолете за пять тысяч километров, специально, чтобы получить у вас интервью.

—О, прекрасно! Тем более нам очень приятно увидеть здесь такую очаровательную советскую даму, вдабавок превосходно говорящую по-английски,—снимая шляпу знакомится Мак Рэд.

— О, да, да, да!—бормочет Де-Форрест, пожимая руку Зеркаловой.

— Джентльмены! Я попрошу разрешения сфотографировать вас на фоне социалистической стройки.

— О! Будьте любезны!—соглашается Мак Рэд.

— Сделайте милость,—и полное добродушное лицо Де-Форреста расплывается в довольной улыбке.

Зеркалова нацелившись «Лейкой», несколько раз фотографирует инженеров на фоне высоких кауперов и доменных печей, контрасно выделяющихся на белых облаках.

— Благодарю вас! Это будут величественные кадры...—улыбаясь благодарит корреспондентка.

— Если, господа, не откажутся, я попросил бы их пожаловать на маленький файф-о-клок,—приглашает Коробов.

— Прекрасно! И мы там сможем побеседовать. Поэтому я поддерживаю приглашение товарища Коробова, — улыбаясь говорит корреспондентка.

— Хорошо,—соглашается Де-Форрест.

— Сделайте милость!—добавляет Мак Рэд.

Все четверо идут рядом. Зеркалова беседует с Мак Рэдом.

— Как вы себя чувствуете на «Металлургострое»? Не скучаете ли вы здесь?

— О, нет, нет! Мы заняты работой. Ее более чем достаточно.

— Прошу!—приглашает Коробов к себе.

Его приемная обставлена тяжелой и неуклюжей мягкой мебелью. На стене неизменный портрет Сталина. Грузный стеклянный шкаф полон книг. Мак Рэд рассматривает корешки переплетов произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

— Раздевайтесь, господа! Чувствуйте себя, как дома..

— Хотя я и первый раз в этом доме, но разрешите мне, как женщине, играть роль хозяйки? — произносит Зеркалова, кокетливо щуря свои бархатистые глаза.

— О, пожалуйста!

— Товарищ Коробов, где у вас приборы?

Секретарь парткома подает рюмки и ставит на стол неизменную водку.

Зеркалова быстро и умело сервирует стол. Коробов приносит кипящий самовар.

— Если пароход изобретен Фультоном, локомотив Стефенсоном, то эта чайная машина без сомнения изобретена русским, — шутит Мак Рэд, кивнув с сторону самовара.

— Неужели вы считаете, что русские имеют так мало технических изобретений? Возьмите наших ученых: Менделеева, Яблочкова, Циолковского? Радио изобретено русским Поповым, но итальянец Маркони лишь усовершенствовал его и стал знаменитым,—произносит Зеркалова.

— Видите ли, на мой взгляд, вы очень плохо популяризируете своих ученых. Я очень мало читал о русских изобре-

тателях. Очевидно советское правительство держит в тайне открытия своих ученых и это мероприятие тормозит технический прогресс.

— Это отчасти верно. Но вы не забывайте, что мы, находясь в капиталистическом окружении, естественно, не можем опубликовать всех изобретений,—разъясняет она.

— Прошу за стол.,. Будем угощаться и беседовать,— приглашает Коробов.

— О! Вы так гостеприимны!—Мак Рэд подвигает кресло гостье и садится рядом. Хозяин дома наполняет рюмки.

— За успех великого социального эксперимента! — улыбаясь произносит Зеркалова.

— За очаровательную советскую женщину!

— О, товарищи! Я очень высоко ценю русских женщин! Они выполняют великую миссию... — произносит Де-Форрест, поглядывая на Зеркалову.

— Получив равноправие, они не отстают от мужчин в построении социализма в одной стране,—добавляет Коробов.

Звенят четыре рюмки.

Мак Рэд смотрит в разгоряченное и красивое лицо Зеркаловой.

Она отвечает взглядом на взгляд и долго пристально смотрит в глаза Мак Рэда, как бы гипнотизируя его. В кульминационную минуту Мак Рэд первым опускает глаза и допивает водку.

— Пожалуйста, угощайтесь! Мистер Рэд... вы плохо закусываете,—ухаживает она за соседом, подвигая коробку с икрой и наполняя его тарелку крабами.

Коробов ревниво следит за рюмками, все время наполняя их.

— Итак! Выпьем еще раз,—предлагает он.

— Бываете ли вы в клубе для иностранцев? — интересуется журналистка.

— Очень редко... Там скучно... Кроме того у меня много работы днем, а вечерами я понемногу пишу,—объясняет Мак Рэд.

— О, это очень интересно. Разрешите полюбопытствовать, что же вы пишите? Техническую книгу, не правда ли? —вопросительно приподняв дугообразную бровь улыбается она.

—. О нет, не совсем...—замялся Мак Рэд с продолжением ответа.

— Дорогие гости! Предлагаю вашему вниманию особый сорт коньяка, присланного мне из араратской долины, — показывает бутылку с золотыми звездочками, хозяин дома.

— Не правда ли, эта долина является колыбелью всего человечества?—спрашивает Мак Рэд.

— За колыбель человечества! — звонко смеется Зеркалова, первой подымая рюмку, наполненную золотистой жидкостью.

Мак Рэд снова пьет до дна, Де-Форрест неодобрительно наблюдает за своим разгулявшемся другом.

— Я не настаиваю, но мне очень было бы любопытно услышать тему вашей книги?—едва прикоснувшись своим плечом собеседника, спрашивает Зеркалова

— Я пишу книгу о социальном эксперименте.

— О, это очень интересно! Я тоже пишу книгу на подобную тему. «Социальной эксперимент»—идеальное название. В нашей стране происходят грандиозные сдвиги и перестройка жизни на совершенно новый лад.

— Вот я-то и хочу вникнуть и понять этот новый, иногда для меня не совсем понятный лад,—обрадован Мак Рэд.

— Конечно, иностранцам кое-что в нашей стране может казаться непонятным. Не думает ли, мистер Мак Рэд, остаться в нашей стране дольше предусмотренного договором срока? Вы же коммунист, А вы знаете, что у коммунистов равно. как и у пролетариата, нет какой-то своей личной родины и они не останавливаются перед малым. Для нас конечная и главная цель—всемирная революция. Весь мир!

— Вот это бизнес! — восхищен Мак Рэд.—Идеал моего друга—скопить немного денег и купить домик на берегу Теннесси, но для меня это... может быть, даже вполне возможно... Я имею сведения, что в нашей стране сейчас безработица,,.

— Зато наша страна навсегда освобождена от этой болезни. Безработица—рак желудка капиталистического общества.

— Очень образно!—рассмеялся Мак Рэд,—Должен сказать, что коммунисты очень часто умеют находить уязвимые места своих противников.

Зеркалова встает с рюмкой в высокоподнятой руке, и в неудержимом фанатичном порыве, произносит:

— Иностранные коммунисты должны создать точку опоры и тогда мы перевернем весь старый мир и восторжествуем во всем мире! Пусть живет мировая революция.

— Браво! Браво! Вы—коммунистическая Жанна ДъАрк! Я такой всегда представлял себе женщину будущего коммунистического общества!—восхищен Мак Рэд.—Я приглашаю вас прибыть к нам с ответным визитом.

— Благодарю. Я с удовольствием приму ваше предложение и мы продолжим нашу милую беседу. Вы, я вижу, хо-

рошие парни. Учтите, что СССР—школа коммунизма. Учитесь здесь. Вы можете поступить в Коммунистический университет Народов Запада и впоследствии будете... может быть, даже председателем совнаркома Америки...

— Над этим нужно подумать!—отвечает Мак Рэд, полупьяными и влюбленными глазами глядя на заинтересовавшую его женщину...

Прощаясь Мак Рэд пожимает руку Зеркаловой.

— Благодарю за интервью!—улыбается она.—До скорого свиданья, мистер Мак Рэд.

15. Мастер плетущий сети

— Цека играет человеком!—зловеще произносит Арбузов, запирая ключем железную дверь своего таинственного кабинета с зарешетченным окном.—Нет, гражданин Шеболдаев... Не Цека, а Чека! Товарищ Арбузов доберется и к тебе,.. Нечего сказать—ответственный работник! Завел тесную связь с иностранцами и бывшими оппозиционерами! Кроме того,.. удивительное дело... старый большевик часто цитируя Ленина, никогда не упоминает о вожде народов. Это очень подозрительно!? Да... Работы у тебя, товарищ Арбузов, непочатый край... Тридцатитысячный коллектив и о всех необходимо знать решительно все.

Чекист достает из несгораемого шкафа бумаги с пометками «Совершенно секретно», разбирает ворохи служебной переписки и рассматривает персональные анкеты рабочих и служащих, и донесения секретных сотрудников.

— Рабочий коллектив, нечего сказать. Если не лишенец, то скрывший свое социальное прошлое... Чорт знает, что такое? На такую ответственную стройку понабирали бывших раскулаченных, лищенцев и оппозиционеров всех мастей. Придется тебе, товарищ Арбузов, не взирая на лица чистить эту разношерстную публику.

Держа в руке одну из анкет, он иронически читает:

— Иван Седых, кладовщик материального склада, в прошлом осужден за растрату.. А это что еще? Начальник заготовительного отдела, служил в чине офицера царской армии... Безобразие! Может быть, еще добавил бы в Лейб—гвардии Его Величества полка!?

Несколько карточек »спецучета» отбрасываются в сторону.

— Чистить и чистить... Работы здесь хватит! — ворчит Арбузов. Усевшись за машину, он пишет длинный список...

В кабинет входит партийный организатор.

— А, Товарищ Петров! Что нового в доменном цеху?— спрашивает чекист,

— Вот принес донесения. Кроме того на стройке усиленно заговорили об американских штанах. Дескать в Америке штанов и всего вдоволь, а в пролетарском отечестве ничего нет.

— Мерзавцы! Штанов захотели! Все классовые враги орудуют наверно?

— Да нет. Даже потомственные пролетарии Макар Ильич, Захар Кузьмич и другие заговорили об этом.

— Ты выполнил план вербовки новых секретных сотрудников?

— Да... Уже есть новые девять...

— Учти, Петров, бдительность—ваше всего. Мы должны выкорчевать контрреволюционеров, как сорную траву, на социалистическом огороде. Завод засорен! Сам говоришь—штанов захотели. А это что? Контрреволюция, недовольство существующим положением в стране и генеральной линией партии. Если при помощи жесточайшего террора мы не обуздаем их—они сметут нас! Ты понимаешь? Так ставит вопрос сам вождь!

— Да... задача серьезная,—мрачно соглашается Петров.

— Иди. К завтрашнему дню приготовь список анекдотчиков...

После ухода парторга чекист продолжает писать:

«.. Дальнейшее пребывание на строительстве указанных лиц является чрезвычайно опасным»...

Арбузов смакуя перечитывает свой рапорт.

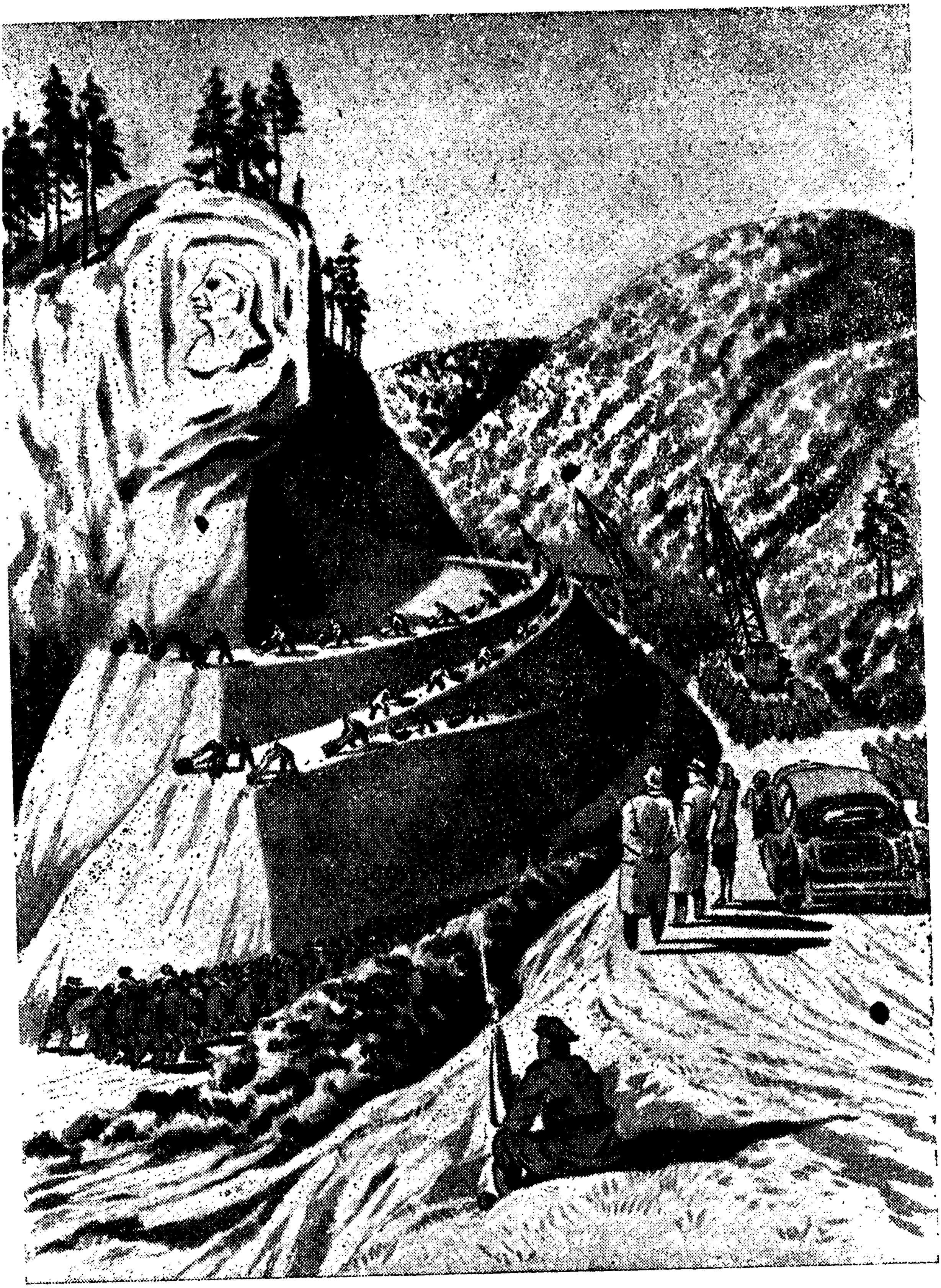
— Однако рыба воняет с головы! Дело 3303 тоже распухает, как на дрожжах...

16. Пирамиды XX века

Через ветровое стекло автомобиля видна развертывающаяся в междугорьях панорама строительства железной дороги. Тысячи людей издали похожи на смертельно уставших от непосильного труда гномиков. Они ломают камни у огромной скалы и одноколесными тачками отвозят их в гигантскую коническую насыпь.

— Это мне напоминает строительство пирамид!—говорит Де-Форрест.

— За формой ты не видишь сути,—недовольно отвечает Мак Рэд.



Несколько медленно ползущих тяжелых грохочущих экскаваторо останавливаются у начала горного перевала.

Несколько медленно ползущих тяжелых грохочущих экскаваторов останавливаются у начала горного перевала. Их моторы оглушительно шумят, но машины беспомощны взять этот барьер,

Раздается команда. Из под нависших скал появляется колонна людей, подгоняемых вооруженными конвоирами.

Заключенные будто мурашки, облепив машины и толкая их вперед, поют заунывную песню:

«Еще раз—взяли...
Эй дубинушка—ухнем!»

— Почему среди этих рабочих находятся солдаты с оружием? —удивленно спрашивает Мак Рэд.

— Их... охраняют от диких зверей... Волки, шакалы и медведи тысячами приходят из тайги и нападают на людей,— отвечает Молотова.

— А я было подумал, что это пресловутый принудительный труд?—произносит Де-Форрест.

Перед глазами Ирины вооруженный стрелок ведет седобородого крестьянина. Девушка вытирает платком набежавшую слезу.

— Этих младенцев необходимо побыстрее обучить русскому языку...—шепчет она.

Де-Форрест из окна автомобиля фотографирует колонну экскаваторов.

— Какая техническая отсталость. Подобный труд применялся в древнем Египте. Это варварство!—недоброжелательно произносит он.

Выйдя из автомобиля инженеры направляются к экскаваторам. Навстречу им подходит руководящий передвижением техник,

— Как успехи спрашивает Мак Рэд.

— С трудом проехали первую половину пути—сто километров.

Консультанты осматривают изуродованные гусеницы экскаваторов. Де-Форрест неодобрительно качает головой.

— Техническое варварство!

— Действительно. пока экскаваторы дойдут до места назначения, их ходовая часть придет в негодность, — соглашается Мак Рэд.

— Нет, нет! Это не Америка. Там подобные работы выполняются машинами,—разъясняет Де-Форрест технику, показывая справочник с рисунками тягачей и платформ для перевозки сверхтяжестей.

Русский техник с удивлением рассматривает иллюстрации справочника.

«Эй дубинушка ухнем»!

монотонно поют заключенные: Среди них мелкают лица потомков Чингизхана. Два охотника шорца в шеренге каторжников с ужасом глядят на высеченный на скале гигантский барельеф коммунистического вождя. Закрыв руками лицо. они как бы защищаются от символического врага.

— Де-Форрест удивленно рассматривает это произведение искусства, вызвавшее страх у полудиких шорцев.

— Этот баральеф напоминает сфинкса!.,.. Пирамиды, сфинкс, рабы и египетские методы труда... Мне кажется, что я перенесся из двадцатого века во времена Хеопса!,—задумчиво произносит Де-Форрест.

17. Любовь и политика

— Вот это женщина! Настоящий боевой товарищ. Такой я себе представлял идеальную даму будущего коммунистического общества,—восхищенно произносит Мак Рэд, рассматривая фотографию Зеркаловой

— Ты бы женился на ней?—спрашивает Де-Форрест.

— О! Как ты считаешь, Джорж, согласилась бы она?

— Ты серьезно мечтаешь о женитьбе?

— Эта женщина увлекла меня сразу. Я серьезно подумываю над тем, чтобы навсегда остаться в России.

— А я совсем иного мнения о этой стране. Социальный эксперимент для меня уже разрешен... Я, кажется, вылечиваюсь от коммунистических идей,—отвечает Де-Форрест.

— О, ты взял резкий курс вправо! Мне кажется, на тебя уже кто-то сумел повлиять. Но на эту тему мы еще поговорим, Джорж! Но все же скажи свое мнение о этой женщине?

— Любви все возрасты покорны!—смеется Де-Форрест— И ты в прошлом женоненавистник, хочешь жениться на этой женщине?

— Да, я с удовольствием женился бы! — решительно заявляет Мак Рэд.

— Но будешь ли ты счастлив с ней в семейной жизни? Я бы не хотел, что-бы моя избранница была актрисой, или еще хуже—пламенным трибуном революции, — иронизирует Де-Форрест.

— Я же не какой нибудь консервативный буржуа, а прогрессивный человек.

— Знаешь, Дуг! Меня поражает, какая-то скрытая в этой женщине сила. Она большая актриса — знает и думает

больше, чем говорит. Направив тему разговора, она любит слушать, что говорят другие, Кроме того она осталась почему-то здесь, гораздо дольше, чем необходимо для интервью, Не, кажется ли тебе

— Оставь, Джорж! Анна Зекалова вне подозрений в связи с какой нибудь политической полицией. Эта женщина...

— А назойливая заинтересованность твоей книгой? Мне кажется, что ты ослеплен идеалистическим коммунизмом и любовью. Они мешают тебе видеть жизнь, как она есть. А я начинаю постепенно вылечиваться от первого. Для таких отпетых коммунистов, как ты—самое лучшее лечение, горячо опечься, Я вижу, что ты, как мотылек, летишь прямо на огонь: Зачем тебе понадобился этот университет для подготовки платных агентов Коминтерна Для большой политики ты, правда, довольно упрям, но слишком самоуверен и глуп.

— Джорж, я не ожидал от тебя подобных и резких суждений. Но ты мне скажи может ли она меня полюбить?

— Ты одержимый! Слушай дальше. За эти месяцы я узнал очень много. В этой стране уничтожена частная собственность и личная инициатива? Под видом социализма здесь процветает ничем неприкрытый государственный капитализм. Все фабрики и заводы, земля. недра и транспорт принадлежат государству. Все это объединено и контролируется огромными концентрированными трестами. Но эта централизация не дает хороших результатов. Руководители предприятий лишены собственной инициативы, а выполняют только распоряжения, присланные сверху.

— Это не совсем так!

— Неужели после экскаваторной кампании ты не согласен с этим? А наша стройка?

— Пожалуй кое в чем ты близок к истине,— соглашается Мак Рэд.

Поэтому централизация управления не дает теоретически ожидаемых результатов. Низкая реальная заработная плата порождает низкую производительность труда. Рабочие естественно не хотят отдать полностью свой труд за заработную плату, не покрывающую их прожиточного минимума. Поэтому русский рабочий производит гораздо меньше американского.

— Но они обещают догнать...

— Ах, милый Дуг! Они очень много чего обещали русским рабочим во время революции, но выданный вексель остался неоплаченным.

Мак Рэд посматривает на часы, но Де-Форрест продолжает свой бичующий разговор.

— Даже американская поговорка «Время—деньги» не-

понятна советским людям. Они не могут измерить времени, потому что в стране удивительно мало часов.

— Слушай, Джордж! Все же ты не плохого мнения о Зеркаловой?

— О! Зеркалова! Она заполнила собой весь твой мир. Ты витаешь в облаках, поэтому с тобой трудно разговаривать! —разсерженный Де-Форрест собираясь уходить открывает дверь.

— Джорж! Еще один вопрос. Если бы я появился с Зеркаловой в Нью-Йорке, скажем, в «Вальдорф Астории »

— Зеркалова!!!—вскрикивает раздраженно Де-форрест, хлопая дверью.

На дворе крупными пушистыми хлопьями падает снег.

18. Теорема Пифагора

На уединенном и безлюдном участке строительства медленно бредут два старых рабочих — Макар Ильич и Захар Кузьмич. Встретив иностранных специалистов, они раскланиваются с дружелюбным приветствием.

При помощи мимики, нескольких английских и русских слов, усиленно жестикулируя, они пытаются изъясниться.

Макар Ильич материалист. Щупая добротный костюм Де-Форреста и одобрительно кивнув усатой головой, он спрашивает;

— Гуд... Добро материал. Сколько стоит такой оверкот в Америке?

— Тридцать пять долларов.

— А сколько уоркер... такой как он или такой как я, зарабатывает в неделю?

— Шестьдесят-восемьдесят долларов.

— Это выходит можно заработать целых два костюма в неделю!—размышляет вслух Захар Кузьмич.

— Не может быть,—сомневается Макар Ильич.

Они переспрашивают еще раз.

— Я уже несколько лет на приличный костюм не соберусь,—безнадежно машет рукой Захар Кузьмич.

— Мистер Де-Форрест, мистер Де-Форрест! — зовет запыхавшаяся Инна.

Инженер обрадованно обращается к ней.

— Мы разговариваем и поняли только наполовину друг друга. Что интересует русских друзей?

— Да интересовались мы, барышня, насчет иностранных

штанишек. Спрашивали, когда их в наш заводской кооператив привезут?—полушутя говорит Макар Ильич.

Ирина переводит вопросы и ответ Де-Форреста.

— Очевидно ваше правительство, экономя средства для построения социализма, не закупает необходимых товаров заграницей. К примеру, когда строится дом небогатым человеком, он вынужден отказывать себе во многом и экономить даже в одежде,—объясняет американский инженер.

Макар Ильич подымает свое блинообразное кепи и многозначительно почесывает пальцем за затылком.

— На кой шут мне такой социализм нужен! Что я из него штаны себе сошью, что ли? Вот вишь — грешное тело потомственного пролетария и строителя этого, так сказать, социализма прикрыть нечем,—укоризненно говорит рабочий.

— Срам один. Когда революцию делали, коммунисты пообещали отдать фабрики рабочим, а землю—крестьянам!

— Революцию сделали, а потом землицу-то отобрали в колхозы, а на фабрике пролетария первейшим подлецом сделали. Попробуй опоздай на работу—тюрьма. Не выйди на работу один день—тюрьма... Скажи слово — тюрьма. В общем коммунизм—сплошная тюрьма!

Залпом, перебивая друг друга, рассказывают Макар Ильич и Захар Кузьмич.

— Де-Форрест внимательно слушает Иринин перевод и угощает рабочих сигарой. Вдали появляется тень соглядатая.

Оба пролетария. испуганы, Макар Ильич приставив палец ко рту, шопотом обращается к Ирине.

— А вы, барышня. не выдайте нас. Знаете какие времена настали. Слова сказать невозможно!

— Нет, нет, папаши! Не сомневайтесь, — успокаивает Ирина.

— До свиданья, мистер Де-Форрест!

— Спасибо за беседу,—торопливо прощаются рабочие.

— Славные эти русские старики. Мне кажется, что они переживают какуюто глубокую потрясающую драму? — спрашивает Де-Форрест.

— Мистер Де-Форрест! Не только они, весь русский народ переживает потрясающую драму.

* * *

Макар Ильич выкладывает огнеупорным кирпичем изнутри мартеновскую печь. Сквозь отверстие виден проходящий Де-Форрест.

— Видел на иностранце костюмчик?--таинственно спрашивает Макар Ильич у своего соседа.

— Ну и что тебе с этого... На чужой каравай рта не разевай,—недовольно отвечает пожилой рабочий.

— В Америке, говорят, рабочий в неделю может заработать два таких костюма.

— Мало ли что говорят! Говорят, что у них капиталистическая эксплоатация. А у нас говорят и эксплоататоров нет, а житьишко совсем некудышное стало. При царе-батюшке в России жизнь хороша была. Ты ведь не молокосос, помнишь наверно?

— Как не помнить? Я на Путиловском работал. Пятьдесят рублей в месяц получал... Целый капитал был. Кроме того наградные и подарки на праздники, — вздыхает Макар Ильич,

— Чего нужно было?

— Революции наверно?—иронизирует Макар Ильич.

— Кабала одна!

— Эх! Война кабы, что ль?—чешет затылок рабочий, откладывая кирпич.

— Чего тебе на войне делать?—удивлен Макар Ильич.

— Да. может быть, коммуну прогнали б. Сбросили с шеи русского народа кровопийцу—самозванного Ирода!

Увидав подкрадывающийся силуэт, Макар Ильич делает предостерегающий жест рукой.

В горниле печи снова звенят молотки каменщиков.

19. Северная романтика

Вдоль по извилистой замерзшей реке мчится тройка. Кони храпят. пугаясь длинных вечерних теней. Они, вмете с ярко-пурпурными лучами заходящего солнца, ложатся на мягкий снег контрастными мазками акварели.

Пушистый покров инея украсил огромные кедры.

На склоне сопки*), напоминая средневековье, мелькает огороженный деревянным частоколом, с башнями по углам, городок. Оттуда доносится человеческий вопль и свирепый собачий лай.

— Господи спаси и помилуй не доведи попасть в этот страшный лагерь,—шепчет молитву бородатый ямщик, опасливо оглядываясь. Сани стремительно несутся по накатанному пути.

---

*) Горы.

Вдоль по извилистой замерзшей реке мчится тройка.

Близость женщины и сибирский пейзаж волнуют закутанного в меха седока.

— Красиво?—спрашивает Зеркалова.

— Как в сказке,—отвечает Мак Рэд и его мужественное лицо, обрамленное меховым полярным капюшоном, оборачивается к спутнице.—Я впервые испытываю такую езду и будто читаю книгу Джек Лондона о прекрасной романтике севера.

— Романтика, смелые люди, пылающие снега,—задорно отвечает она, напевая:

«Слышен звон бубенцов издалека,
Это тройки знакомый напев.
А вдали растилался широко
Белым саваном искристый снег.»

Мак Рэд обнимает свою спутницу, закутанную в меха.

— Нравится вам русская песня?

— Очень.

— Тройка мчится вдоль по реке. Землю скутывает таинственный вечерний полумрак.

— Обогреться, может быть, хотите?—спрашивает, оглянувшись, ямщик.—Здесь недалече есть лесничья заимка. Там живет Тимофеич—самобытный мужичек. Курит прекрасный первач*) и варит хмельную брагу**)

Анна переводит Мак Рэду предложение ямщика.

— Да, да! Перватч—это очень интересно. И согреться хорошо было бы,—радостно соглашается Мак Рэд.

Вскоре тройка останавливается у рубленной русской избы. Украшенные инеем лошадиные головы тянутся к освещенным окнам.

— Здравия желаем! Гостей принимай, Тимофеич!—басит ямщик.

— Милости просим!—приглашает, вышедший на крылечко, бородатый сибиряк.

Мак Рэд войдя в горницу осматривает прекрасной ручной работы резной киот и старинного письма многочисленные иконы

— Это драгоценность! Я бы с удовольствием купил такую вещицу,—говорит он снимающей меха Анне,

— Ах, религия! Это—опиум!—скептически отвечает она.

Инженер глядит на раскрасневшееся лицо своей спутницы.

— Вы, Анна, сегодня особенная...—говорит он.

В углу горницы ямщик беседует с хозяином.

---

*) Самодельная водка.
**) Хмельной напиток.

— Угощенье раздобудь! Знатные господа. Он иностранец и видать богатей,—таинственно подняв палец, шепчет ямщик.

— Иностранец? Вот как? А не опасно принимать? Потом скажут —шпион ..

— Да нет... он у них на службе... Завод строит ..

Стол уставлен деревянной резной посудой в старинном русском стиле. Гостям прислуживает дородная девушка с тяжелой русой косой. Тимофеич подымает резную ендову с пенистой брагой.

— Как вас величать — господа, товарищи, аль бары? Выпьем эту чару за здравие живущих и за упокой преставившихся!

Зеркалова очаровательно улыбаясь подымает деревянную чару.

— Грибками закусывайте, солененькими рыжиками! После водки хорошо,—угощает Тимофеич.

— Спасибо. Как живется здесь в тайге?—интересуется Зеркалова.

— Слава Богу, что на отшибе одна одинешенька наша заимка. Поэтому Бог миловал. А в поселке, говорят, всех мужиков в колхоз согнали...

— Вижу кулацкие настроения у тебя проскальзывают,— недовольно замечает гостья.

* * *

Тимофеич бережно приносит старинный граммофон с огромной трубой. Истертая пластинка надрываясь шипит:

«Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкой тропой».

Какой-то неурочный и запоздалый путник стучится в завьюженное окно. В избу входит обсыпанный снегом бородатый изможденный старик. Он без шапки, в ветхой телогрейке, ватных брюках и истоптанных лаптях.

Тимофеич жестом приглашает его за стол, наливает водки.

— Выпей, странник—человек Божий! Согрейся с дальнего пути.

Старик крестится. Взглянув на гостей, он крякнув пьет.

— Кто это?—спрашивает Мак Рэд.

Зеркалова, удивленно разглядывая, спрашивает старика:

— Кто ты, отец?

— Я был крестьянин. В 1929 году разорен советской властью, так сказать, ликвидирован, как класс, и сослан в

Сибирь на каторгу,—произносит старик.—Когдато я имел девять десятин земли и хорошее хозяйство. Белая украинская хата, фруктовый сад, пчельник и огород, на котором с утра до ночи трудилась моя семья. Я имел хлеб для себя и отдавал государству. Целыми возами привозил отборную, как золото, пшеницу на элеватор.—Старик глубоко вздыхая после гнетущей паузы, продолжает свой рассказ.

— И вот.,. Не снилось мне и не гадалось. В темную ночь ко мне примчались несколько чекистов в кожаных куртках. В собственном доме напали они, будто на злодея, раскулачили все имущество, связали старуху, дочь и двух сыновей. В зарешетченных товарных вагонах привезли нас, как нищих, в Сибирь. Мы жили в страшных землянках, имели название не людей, а спецпереселенцев». Болели и цынгой, и тифом... За восемь лет похоронил я всю свою семью, кроме бежавшего сына и не вмоготу мне стало. Захотелось на старости умереть только на родной украинской земле. . Бегу я.., Не знаю дойду, аль нет!

— Кто это?—удивленно спрашивает Мак Рэд,

— Это.., обломок ликвидированного класса. Те, кто упорствовал против мероприятий советской власти. Они не хотели строить новую жизнь и их раздавило колесо истории,—объясняет Зеркалова.

— Наступит время и гнев народный сметет власть сатаны!—произносит старик, встав во весь рост.

— Что говорит этот старик!—интересуется Мак Рэд.

— Он грозит... Но мы коммунисты не суеверны,—смеется Зеркалова.

Старик грозит ей пальцем.

— Смотри, дева! Бог накажет тебя!...

В горницу входит облепленный снегом ямщик.

— Вьюга—зги не видать! Буран разыгрался не на шутку. Принимай, Тимофеич, на ночлег.

— Если не побрезгаете чистой горницей, — предлагает Тимофеич.

— Ехать сейчас опасно!—решает Анна.

Старик, прощаясь, крестится.

— Благодарю Всевышнему и хозяину! Я пойду.

— Куда ты, в такую непогодь,—спрашивает Тимофеич, —оставайся чай до утра то!?

— Нет, нет... За мной наверно идет погоня, Я слыщал лай собак.—произносит старик, открывая дверь. Ветер развевает его седые волосы.

* * *

Мак Рэд и Зеркалова одни в светлице.

— Анна! Какой счастливый случай! Я рад, что я встретил вас—идеальную женщину будущего коммунистического общества. Именно такой я представлял свою избранницу. Я не нашел такой, как вы, на своей родине,—восторженно говорит Мак Рэд.

— Неужели у вас в Америке нет жены, невесты или любимой девушки?

— Представьте себе, нет. Я видел немало красивых женщин, но они удивительно бессодержательны, пусты и поэтому никогда не увлекали меня,

— Я не вполне верю мужчинам. Они всегда так говорят, находясь. вдали от дома—кокетливо шутит Зеркалова.

— Видители, я человек идеи,.. Брак и семья в буржуазном обществе строится не по любви, Неравные браки типичны для буржуазного общества. Несчастье супружеских пар ведет за собой взаимную ненависть.

— И вы боялись, чтобы ваша супруга из ненависти не совершила против вас преступления?—игриво улыбаясь спрашивает собеседница.

— Хотя бы...

— Поэтому вы решили ждать до коммунизма, когда семья не будет обузой, ибо воспитанием детей будет заниматься государство?

— Анна! Мы связаны общностью наших идей и душ. Физически мы представляем гармоничную пару... Я прошу вас доверить мне свою судьбу. Согласились бы вы быть моей женой?—страстно спрашивает Мак Рэд.

— О, мистер Мак Рэд! Искренно ли вы это говорите?

— Я говорю голосом моего разсудка и сердца. Отвечайте же, Анна!

— Я тоже люблю вас. Вы энергичный мужчина. Но формальный брак? Это очень сложный вопрос. Вы иностранец, а я не могу покинуть своей родины, Кроме того я не знаю, как на это посмотрит партия?

— Неужели партия может вмешиваться в интимные дела своих членов?—удивлен Мак Рэд,

— Для коммунистов не может быть каких либо интимных дел и тайн перед своей партией.

— Я не знал этого.

— У меня возникла идея! — прижмурив глаза и сверкая ослепительными зубами, заинтриговывающе произносит Зерка-

— Я согласен на всё, Анна, лишь бы вы согласились стать моей женой и искренним другом.

лова. На ее щеках появляются обворожительные ямочки, которые волнуют Мак Рэда.

— Какая?—нетерпеливо спрашивает он.

— Слушайте, Дуглас! я расскажу вам одну короткую историю. Один мой знакомый, по национальности монгол, сумел сделать головокружительную карьеру, поступив в Коммунистический университет народов Востока. Теперь он занимает в Коминтерне ответственнейший пост и руководит делами всех стран с населением родственным монгольской расе. Он более всесилен, чем лхасский Далай-Лама.

— Это интересно... Однако, Анна, поймите, я люблю вас! Люблю!

— Дорогой, Мак! Все это возможно, если вы будете послушным мальчиком. Поступайте учиться в Коммунистический Университет. Через пару лет вы сделаете блестящую карьеру. Вы талантливый организатор и способный писатель-социолог. Только вам на мой взгляд необходимо еще немного подучиться. Штудируйте Марка, Энгельса и в особенности изучайте новейших марксистов Ленина и Сталина. Изучайте их по первоисточникам. Я научу вас русскому языку и мы вместе будем заниматься...

— О, Анна, вы гениальны и так начитаны! Вы цитируете на память Гегеля, Маркса и Ленина.

— Нам нужны кадры... И когда вы получите заграничную командировку, я с удовольствием буду сопровождать вас. Мне очень хотелось бы посмотреть заграницу.

— Я согласен на все, Анна, лишь бы вы согласились стать моей женой и искренним другом. Мы будем идти рука об руку к конечной нашей цели—коммунизму. Я уже вижу тот прекрасный мир, перестроенный по учению Маркса!

— Дополненному Сталиным, мой милый,—шепчет Анна, приближая свои губы для поцелуя. Мак Рэд страстно целует ее.

— Я вспоминала об одной формальности. Вам необходимо будет принять советское подданство... Членам коммунистической партии нельзя выходить за иностранцев.

— Разве существует специальный закон?

— О, мой милый! Не все пишется в законах, но граждане должны соблюдать известные порядки.,, Например, советским подданным не запрещено, но и не рекомендуется, вести с заграницей переписку. Религия у нас не запрещена, но некоторые органы интересуются религиозными людьми.

— Я слышу об этом первый раз... Однако, Анна, моя любовь к вам настолько велика, что я согласен на все. Я согласен принять подданство! Скажите, что я должен делать?

— О, это пустая формальность... Вы можете остаться и американским подданным... и получить советский паспорт. Это необходимо лишь для регистрации нашего брака..

— Я готов!

— Сначала нужно написать заявление.., Я могу составить хоть сейчас, — предлагает Анна, доставая из сумочки блокнот.

— Где подписать?—нетерпеливо спрашивает Мак Рэд.

— Вот здесь...

После подписи Мак Рэд снова целует Анну, Она освобождаясь из объятий, достает плетенную бутылку и наливает в серебрянные рюмки коньяк.

— Выпьем, Дуглас!

— За очаровательнейшую женщину и друга!

— Большого друга.

Мак Рэд заключает Анну в объятия.

— Романтика севера!—шепчет он, целуя.

— О, Дуглас!

— Дорогая Анна!

20. Атракцион великого факира

— Что здесь происходит?—спрашивает Мак Рэд, рассматривая толпу рабочих, собравшуюся на строительной площадке.

— Очевидно снова какой-то митинг по случаю выпуска нового займа, или их собрали прочесть письмо к вождю, или еще какая нибудь очередная выдумка...—отвечает Ирина.

— Русские по моим наблюдениям больше митингуют, чем работают,—замечает Де-Форрест.

— Стахановщина! О, Боже, как все это надоело,—шепчет про себя Ирина.

Но инженеры не разделяют взглядов переводчицы, наоборот, они живо интересуются происходящим событием, и напоминают удивленных деревенских парней, впервые попавших на шумную городскую ярмарку с замысловатыми головоломками, каруселями и непонятными атракционами. Они интересуются речью, произносимой Коробовым с украшенной флагами трибуны.

— Товарищи! Наше пролетарское отечество находится в капиталистическом окружении... Поэтому мы должны поднять производительность труда и побыстрее дать сталь, которая нужна для строительства новых пушек и самолетов... Это нас приблизит к всемирной революции...

— Кто же на кого?—бросает реплику Макар Ильич, приподымая кепи.

— ... На основе социалистического соревнования и стахановского движения, мы должны делом ответить на призыв нашего любимого и дорогого вождя... Инициатор движения Стаханов покрыт неувядаемой славой и в историю достижений рабочего класса вписана новая, незабываемая страница. Передовые рабочие «Металлургостроя» должны ответить делом на призыв рабочих Донбасса и к первому ноября выполнить годовой план строительства.

Наши передовики-стахановцы Бодрющенко и Байбаков первыми ответили на призыв и обязуются ежедневно выполнять три нормы по кладке огнеупорного кирпича. За успешное выполнение своего задания они награждаются передовым красным знаменем строительства. Товарищи Байбаков и Бодрющенко, примите знамя!

Ирина вкратце передает инженерам содержание речи.

Бодрющенко и Байбаков проталкиваются вперед и смущенно берут кумачевый флажек,

Мак Рэд фотографирует торжественный момент.

Гудок объявляет конец обеденного перерыва. Митинг расходится. Захар Кузьмич иронизирует:

— Опять без баланды*) остались...

— Молчи! Можно и от митинга быть сытым,—отвечает ему Макар Ильич.

Стахановцы в изорванной и замусоленной спецодежде несут красный флажок и укрепляют его на доменной печи.

Проходящие рабочие бросают иронические реплики.

— Бодрющенко и Байбаков заработали!

— Дурак и красному рад!

— Потише. Не то услышит сексот**)... будет тебе за священный красный цвет,—произносит пожилой степенный рабочий.

* *
*

С лица стахановца катится пот. Его быстрые движения напоминают потерявшую управление машину. Поймав налету брошеный кирпич, он быстро смазывает раствором и молниеносно кладет один за другим.

— Ну, как, товарищи стахановцы? Работа спорится? Сколько норм выполнили?—спрашивает Коробов.

— Да около трех, товарищ секретарь!—отвечает Бодрющенко.

---

*) Тюремная еда.
*) Секретный сотрудник НКВД.

— Поднажмите, товарищи! До вечера еще нужно четвертую норму дать. Ваши портреты уже заказаны... Если сегодня выполните четыреста процентов—получите всесоюзную известность.

— Постараемся, товарищ Коробов!... Только вы нам записочку в закрытый распределитель устроили бы. Штаны купить не мешало бы... исхудились дюже,—и стахановец показывает голое тело, просвечивающее сквозь многочисленные дыры.

— Выполните задание, а уж о штанах я лично позабочусь, Не сдавайте темпы... На вас сейчас обращены взоры всего завода. До свиданья!

— До свиданья, товарищ секретарь!

— Ну, как ты думаешь. Штаны мы теперь купим?— спрашивает Байбаков, глядя вслед уходящему Коробову.

— Обещал пан дать кожух, но только слово его было теплое,—иронически отвечает народной пословицей, флегматичный украинец Бодрющенко.

* * *

— Где здесь домна номер три?—спрашивает бегущий фоторепортер товарищ Кислов.

— Вон там... где красное знамя, — отвечает встречный рабочий.

— Товарищи Бодрющенко и Байбаков! Я по поручению партийного комитета, нашей заводской и центральной печати. Разрешите вас увековечить на фото,

— Что ж... это можно!—отвечает чумазый Бодрющенко, вылезая из отверстия печи. Однако непрезентабельный вид героев социалистического труда не удовлетворяет эстетических требований фоторепортера. Он недовольно бормочет:

— Это совершенно не фотогенично!

Однако фоторепортер долго не раздумывая, применяет испытанное средство и снимает свой пиджак.

— Одевайтесь!—приказывает он Байбакову.

Установив стахановца на фоне высящихся доменных печей, репортер режиссирует:

— Теперь сделайте веселое лицо.

Но на угрюмом и грубом лице Байбакова никак не получается хорошая мина,

— Ну, разве можно так... Неужели вы не можете улыбнуться?

Но для стахановца это оказывается труднее, чем выпол-

нить четыре нормы: его лицо от напряжения становится кирпично-красным.

— Снимаю. Делайте веселое лицо... Жить стало лучше. жить стало веселей...

Бодрюшенко заливается неудержимым саркастическим смехом.

— Прекрасно. Готово. Благодарю вас... Теперь позвольте мой костюм.

Рабочий нехотя снимает костюм репортера

— Хороший пиджак...

— Видать из экспортного материала!

— Известное дело. Они там ближе к власти,.. А тут четыре нормы давай.,. — чешет за ухом Бодрюшенко. глядя вслед удаляющемуся репортеру.

— Давай и давай!

* *
*

На строительство домны номер три совершает паломничество начальник строительства, иностранные консультанты, Шахматов и Ирина,

— Здравствуйте, товарищи! Ну, как идет футеровка?

— Хорошо, товарищ главный инженер, Третью норму кончаем,—фамильярно отвечат Бодрюшенко.

Шахматов взглянув на работу морщится. Проверив по отвесу он видит; что облицовка печи из огнеупорного кирпича совершенно волнистая и обращает внимание Шеболдаева и Мак Рэда.

— Кладка имеет погиб и совершенно не годится,.. Она грозит аварией всей печи,—заявляет Мак Рэд.

— Разобрать!—приказывает Шеболдаев.

— Да и впрямь нагородили... — соглашается Байбаков, почесывая затылок.

— Что же вы, товарищи стахановцы, погнавшись за тремя нормами забыли, о качестве?—Укоряет Шахматов.

* *
*

Под руководством Коробова у заводских ворот водружаются трехметровые портреты стахановцев и красное полотнище. На нем метровыми белыми буквами начертана надпись: «Застрельщики стахановского движения «Металлургостроя», товарищи Бодрюшенко и Байбаков, покрыв себя неувядоемой славой, выполнили норму по кладке кирпича на 400 процентов».

Шеболдаев прочтя аншлаг возмущается.

— Товарищ Коробов! Бодрющенко и Байбаков—браководелы! Они испортили драгоценные магнезитовые плтики.

— Не может быть!?

— Только что комиссия экспертов в моем присутст. ии установила это,—показывает Шеболдаев в сторону трех инженеров.

— Ах, вот что! Комисси ! Вы знаете, что срываете с т ким трудом организованное стахановское движение...

— Мы только что были на домне номер три и смотрели их работу в присутствии начальника строительства и иностранных консультантов. Совершенно недопустимая футеровка грозит аварией всей печи и принята быть не может ни в коем случае,—хладнокровно и обстоятельно объясняет Шахматов.

— Ах, так! Мы будем говорить в партийном комитете!— вскрикивает Коробов, обращаясь к Шеболдаеву, одновременно бросая уничтожающий взгляд на Шахматова.

Американские инженеры подойдя к портретам, рассматривают их. Мак Рэд прислушивается к все нарастающему спору между руководством строительства.

— Что за спор? Насколько мы понимаем они разговаривают о рабочих, которые испортили печь... Нет, мы ничего не можем нонять...—произносит Мак Рэд.

— И ничего не поймете, — махнув рукой соглашается Ирина,

21. Обладатель серого паспорта

Бумажными снежниками сыплется конфети на многочисленных гостей. Среди них жены местных партийных запрявил, удивленно рассматривающие нескольких иностранцев. Торжественно бьет гонг. Коробов открывая торжественный банкет произносит речь:

— Джентльмены и лэди! Товарищи и коллеги! Сегодня мы собрались за этим столом, чествовать нашего нового гражданина и поздравить его с новой жизнью. Да, товарищи! На наших глазах происходит перерождение людей. Идейный американский коммунист товарищ Мак Рэд делом ответил на призыв партии и приехал в нашу страну с великой и почетной миссией, помочь нам строить коммунизм, Здесь он нашел сердечных друзей и вместо того. чтобы заработав свои деньги уехать, изъявил добровольное желание остаться, заявив письменно, что обрел для себя новую родину. Разрешите мне от

имени бюро горкома коммунистической партии искренне поздравить нового гражданина! Пусть живет наша славная родина! Пусть живет всемирная революция и великий вождь мирового пролетариата! Ура!!!

— Ура! Ура!!!—хором кричат гости.

Закончив речь, Коробов протягивает Мак Рэду темно серый советской паспорт.

Зеркалова, сидящая рядом с Мак Рэдом и переводившая вкратце слова секретаря, шепчет ему, как суфлер, слова ответной речи.

— Благодарю, товарищи! Надеюсь быть примерным гражданином моей новой родины. Моя супруга обещает мне помочь в этом, Пусть живет всемирная революция!—отвечает Мак Рэд, быстро засовывая паспорт в карман.

— Товарищи! Выпьем эти бокалы за здоровье нашего дорогого товарища Мак Рэда!—произносит Коробов и все гости, будто по команде »смирно», вытягивают вперед, будто грозное оружие, свои рюмки.

Начинается обычная и бесцветная попойка. Мак Рэду хочется улучшить испортившееся настроение и он опоражнивает до дна второй стакан. Из глубины зала доносятся звуки джаза. Начинаются танцы.

— Разрешите?—кланяется Арбузов подойдя к Зеркаловой.

Настроение Мак Рэда все более портится. Он неподвижно и меланхолически смотрит в блюдо. На обладателя серого паспорта укоризненно глядит селедочная голова с широко раскрытым ртом и вытекшим глазом.

Мак Рэд еле заметным движением прощупывает бумажник со сбережениями и американским паспортом.

— Поздравляю, Дуг! Поздравляю,—иронизирует сидящий рядом Де-Форрест, пристально вглядываясь в серые стальные глаза своего друга,—ты серьезно решил остаться в этой огромной лаборатории социальных экспериментов?

— Нет, Джорж! Это лишь пустая проформа, необходимая для брака с Анной...

— Пустая проформа,.. Нет друг! В этой стране ничего не делается даром, ничего не проходит зря. И за все придется платить,., Может быть, даже очень и очень дорого... Ты же знаешь чудовищную историю с Краусом?

— Слышал, но в чем дело не знаю?

— Острая критика советских порядков не понравилась большевикам. Поэтому германского коммуниста, бежавшего от Гитлера, спустя четыре года арестовывают и обвиняют в связи с немецким фашизмом и шпионаже!

— Вот как,—задумчиво произносит Мак Рэд.

— Мне, кажется, что ты поступил необдуманно и опрометчиво... Или, можеть, быть, ты хочешь,.. выиграть доллары Джефа?

Мак Рэд, не отвечая, прислушивается к голосу поющей Зеркаловой.

22. Исповедь старого большевика

— Вы меня звали, Иван Лукич?—спрашивает Шахматов, входя в кабинет начальника строительства.

— Дорогой Илья Николаевич! Эту неприятную историю со стахановцами неебходимо замять. Никакого брака нет и не было. Бодрющенко и Байбакова пожалуйста переведите на другую домну и исправьте недочеты в номере три.

— Да, но...

— Эх, Илья Николаевич! Я очень устал! Кроме того на меня ополчилось бюро парткома,—тяжело вздыхает астматичный Шеболдаев,

— Я понимаю вас, Иван Лукич!—сочувствует инженер,

— Тяжело! Вы знаете я разочаровался сейчас в людях. И откуда подлецов столько наплодилось. Я вступил в партию по идейным соображениям в девятьсот пятом году, в семнадцатом делал революцию... Я верил в будущее России, в то, что она преобразуется и будет свободной, демократической страной... Но теперь.,,—Шеболдаев пытливо взглянув утомленными глазами на уважаемого им инженера продолжает.—Недавно я был в Москве и мне старые друзья прочли письмо Ленина к Крупской, в котором Ильич предупреждал об опасности избрания Джугашвили на пост генерального секретаря. Этот кавказский повар состряпал несколько острых блюд: коллективизация разорила основу крестьянского хозяйства. В результате потрясающего социального эксперимента, страна перенесла ужасающий голод, унесший в могилу шесть миллионов человеческих жизней, А террор! Вы знаете, Илья Николаевич, что сейчас в нашей стране пятнадцать миллионов заключенных. Десять процентов всего населения находится за колючей проволокой!

— Да... Иван Лукич! Тяжело слушать такие печальные новости. Но где же искать правду?

— Мы, старые большевики подымали свой предостерегающий голос, но нас разбили. Нас победили не в честном открытом бою, а уничтожали преступно и тайно по одному или группами. Бухарин погиб потому, что восстал против хи-

мерной идеи коллективизации. Запомните его мудрые слова— пусть крестьянин станет зажиточным и он врастет в социализм. Неужели нам нужно государство нищих и недовольных людей? Ведь в будущем военном столкновении, граждане «счастливой страны» толпами побегут даже к смертельному врагу...

— Неужели в Кремле не видят своих ошибок?

— «Он»—упрям. Удивительно упрям.

— И в этом упрямстве могут быть роковые последствия для России. Я, ИванЛукич, не враг истинной советской власти, но против диктатуры коммунизма, террора и насильной коллективизации!

— Да. Я ошибся! И теперь я одинок... и нет ни одного друга,—вздыхает Шеболдаев.—Ведь почти всех моих друзей и товарищей по партии уже нет. Они ушли в могилу. И очевидно мне тоже придется вскоре уйти со сцены... Я мечтаю о тихой спокойной жизни, где нибудь в глухой тайге, вдали от людей.

— Разве это так трудно сделать?

— Невозможно! Я просился—не отпускают. Но я чувствую...

Резкий телефонный звонок нарушает задушевную беседу. Шеболдаев берет черную эбонитовую трубку.

— Да... я Шеболдаев! Чрезвычайное заседание бюро горкома... Да. да... Хорошо. Буду без опоздания. .

— Вот видите... Я чувствую и предугадываю события. Сегодня ожидаются какие-то неприятности.., Прощайте, Илья Николаевич!

— Почему не до свиданья, Иван Лукич?

— Дал бы Бог!—тяжело вздыхает добродушный старик, хлопая по плечу инженера.—Кстати, какие у вас отношения с иностранцами?

— Вполне нормальные, а с Де-Форрестом даже дружественные.

— Эти прекрасные специалисты приехали из за океана помочь строить тот коммунизм, за котсрый боролся и я... Но они разочаруются в нем! Вот увидите. При случае предупредите их, но очень деликатно, что эта Зеркалова...

— Что именно?

— В общем вы понимаете, она секретный сотрудник, какого-то там непонятного даже мне отдела НКВД...

— Хорошо, Иван Лукич. Я выполню ваше поручение...

Шахматов опускаясь по безлюдной винтовой лестнице произносит:

— Однако и среди коммунистов нередко встречаются душою русские люди.,. Они увлеклись идеей коммунизма, но почувствовав. что погубили Россию теперь вдвойне страдают от этого...

23. Подарки мужа-иностранца

Мак Рэд и Зеркалова входят внутрь большого наполненного товарами магазина «Инснаб»*).

— Это настоящий храм торговли!—восхищена спутница инженера.

— Доброе утро, мистер Рэд! Давно вы не были у нас, Что прикажете?—мелькает подобострастная, кельнерская улыбка шефа.

— Доброе утро, товарищи! Сегодня я попытаюсь закупить полмагазина,—улыбается в ответ Мак Рэд и, обращаясь к невесте, добавляет,—моя дорогая! Выбирайте самые лучшие вещи, какие только понравятся.

— О, Дуглас! Вы не боитесь оказаться расточительным? —сверкают в улыбке белоснежные зубы Зеркаловой. Увидев роскошное меховое манто, она с вожделением глядит на него.

— Оно вам будет к лицу,—говорит шеф подавая манто.

Анна у зеркала кокетливо примерят манто и меховую шапочку.

— Очаровательно! Очень хорошо! — подбадривает Мак Рэд,

— Но ведь это наверно стоит очень дорого?—нерешительно спрашивает она.

— Ничего, дорогая! Вы для меня дороже всего..,

— Благодарю, милый Дуглас!—расплачивается она очаровательной улыбкой.

— Сколько это стоит?—спрашивает Мак Рэд.

— Девятьсот рублей.

— Хорошо! Запишите в мой счет.

В ювелирном отделе Мак Рэд выбирает пару обручальных колец.

— Коммунисты не носят колец,—останавливает от покупки Анна.

— Странно, а я даже не знал этого, — удивляется Мак Рэд, рассматривая изящные золотые дамские часики.—О, это известная швейцарская фирма,

---

*) Магазин снабжающий иностранцев.

Мак Рэд одевает изящный браслет на руку невесты.

— Благодарю, мой дорогой! Хорошие часы—моя страсть!

— Природный ум и естественная красота, наилучшее украшение женщины, Но кроме того представительница прекрасного пола всегда и везде остается женщиной. Ей хочется нравится окружающим и в этом есть естественная закономерность ее пола.

— О, вы высказываете гениальные мысли,. Но что по вашему должна делать женщина, чтобы нравиться окружающим?—кокетливо спрашивает Зеркалова, пытливо всматриваясь в лицо Мак Рэда.

— Даже самой красивой женщине всегда хочется быть еще более блистательной.

— Вы, конечно, правы... Но как вы считаете, может ли коммунистка носить гранатовый кулон? — спрашивает Анна, останавливаясь перед стеклянной витриной с украшениями.

— Дамы во времена первобытного коммунизма тоже одевали лучшие, более мягкие меха и носили украшения из глины и камней,.. Мне кажется, что вам понравился этот кулон?

— О, как это мило! Красный цвет—мой любимый... Это цвет революции! А игра?—восторгается Анна примеряя кулон. Ее шея будто обагрена капельками крови.

— Покупайте, Анна! Покупайте все! Мне нравится как вы покупаете!—входит в азарт Мак Рэд.

— Благодарю, Дуг! Я буду покупать,

Зеркалова покупает массу вещей. Служащие выносят вороха покупок и грузят в автомобиль.

Анна в новом манто выходит из магазина...

Крупные хлопья снега, будто конфети, осыпают идущих под руку Мак Рэда и Зеркалову.

— Какая чудная погода... Я не прочь немного пройтись.

— Чудесно!—смеется Мак Рэд, отправляя свой автомобиль.

24. Лягавый делает стойку

В тревожную апрельскую ночь 1937 года ответственные коммунисты «Металлургостроя» собрались на чрезвычайное заседание бюро городского комитета партии. Среди избранных большевиков мелькают знакомые фигуры—Коробова, Арбузова и грузная туша Шеболдаева.

Покрытый красным сукном стол украшен бюстом гене-

рального секретаря. Его же необыкновенных размеров портрет с хитроватой кавказской улыбкой пристально и недоверчиво глядит со стены.

Оглядев мутным взором собравшихся, Коробов зычным голосом произносит:

— Товарищи! Заседание бюро горкома считаю открытым. Слово для особо важной информации имеет секретарь ЦК*)

На неболшую трибуну подымается энергичной и грузный человек в партийной форме. Резким голосом он произносит погромную речь:

— Товарищи! Я хочу вас ознакомить с решениями мартовского пленума Цека, в частности с резолюцией, принятой по докладу генерального секретаря «О бдительности». Вождь народов указал, что не менее четверти населения страны враждебно настроены против генеральной линии партии... Ряды членов коммунистической партии густо засорены презренными и гнусными остатками разгромленного троцкизма, оппозиционерами всех мастей, оппортунистами, великодержавными шовинистами, украинскими националистами и иными всевозможными последышами, мечтающими о реставрации буржуазного строя. Прислужники и агенты иностранных разведок замаскировались во многих партийных организациях. Цека партии получило тревожные сигналы с детища пятилетки «Металлургостроя» о том, что здесь среди местного руководства, свили себе прочное гнездо презренные последыши разгромленной еще в 1926 году, ленинградской рабочей оппозиции. Центральный комитет партии не взирая на лица и прежние заслуги, предлагает безжалостно, до конца, выкорчевать из ваших рядов этих двурушников, предателей и изменников! Бдительность —превыше всего!

Невозмутимо спокойный, с наглым лицом, сидящий в первом ряду, начальник спецотдела, нетерпеливо ожидает последнего «пиль», чтобы броситься и уничтожив вчерашнего друга, выслужиться и сделать себе карьеру.

— Факты?—спрашивает возмущенный Шеболдаев.

— Пожалуйста! Слово для информации имеет товарищ Арбузов.

Чекист, на ходу поправляя зеленую гимнастерку, подымается на трибуну и с злобной яростью обрушивается обвинительной рочью.

— Большевистская прямота и непримиримость, против, врагов учит нас не взирать на лица. Начнем с головы, Бывший член оппозиции Иван Шеболдаев, будучи начальником «Метал-

---

*) Центральный комитет.

лургостроя», создал вокруг себя окружение из недобитых последышей рабочей оппозиции!

— Вы молокосос! Как вы смеете мне говорить такую чушь! Мне, старому большевику, которого принимал в партию сам Ленин,..—возмущается руководитель «Металлургостроя».

— Замолчи, Шеболдаев, не мешай докладчику. Будешь говорить потом!—резко обрывает Коробов.—Будем голосовать! Кто против исключения Ивана Шеболдаева из партии?

Никто не поднял руки в защиту старого большевика, собутыльника и друга. Вчерашние приятели холодно смотрели на Ивана Лукича.

Создалась неприятная и гнетущая пауза. Каждый из присутствующих был всецело поглощен собой, размышляя—не явится ли он очередной жертвой молодчика с малиновыми петлицами.

Фамилии следующих обвиняемых посыпались, как из рога изобилия. Коммунистическая партия по сигналу вождя, будто стоголовая фантастическая гидра, начала уничтожающее самопожирание,

Партийные билеты осыпались, как листья в бурный листопад,

Шеболдаев, пользуясь замешательством, медленно удаляется из зала.

25. Дитя Алтайских гор

Клубятся седые вершины Алтая. Темно-серые тяжелые облака сталкиваются с горами и катятся вниз, цепляясь за зубчатые вершины скал.

— Гроза! Быстрее!—кричит Ирина, идущему с ягдташем за спиной Де-Форресту. Они бегут по склону сопки, поросшему мелким перелеском и высокой, в рост человека, зонтичной травой.

Величественная панорама горного кряжа быстро темнеет, как завуалированная фотопленка. На головы бегущих падают первые капли, а за ними сразу льются потоки дождя,

— О, Господи! Разверзлись хляби небесные, — шепчет девушка.

Де-Форрест, заметив шорскую хижину, показывает Ирине. Путники бегут к ней.

На темных деревянных стенах висит нехитрая охотничья утварь. Широкие лыжи, обтянутые оленьей шкурой, присло-

нены к прокопченому срубу. В полумраке едва виден. лежащий на полатях чедовек.

— Это женщина,—говорит Ирина, прикасаясь к плечу хозяйки хижины и рассматривая ее худое лицо.

За окном сверкает молния, отражаясь яркой искрой в косых монгольских глазах. Мгновенье и искра гаснет, Так тухнет под пеплом ярко вспыхнувший в последний раз догорающий огонек.

— Что с вами? Мы хотим помочь,—шепчет Ирина.

— И ушла белка... бежал бурундук,—шепчет в беспамятстве по шорски женщина.—Ушли охотники и некому прогнать голод! О. яман, яман!*) И ушел бурундук и пришла ко мне голодная смерть! Уйди прочь!—вскрикивает шорка, пытаясь подняться. но обессиленная вновь падает на свое ложе.

— Она галлюцинирует! — шепчет Ирина, осматривая жилье. У пустого чугунного котла, над давно потухшим очагом, брошен полуизжеванный кусок кожи, — она голодает!—вскрикивает девушка.

Инженер протягивает фляжку с кофе и Ирина поит больную. Едва шевелятся выдающиеся скулы на исхудавшем лице. Ее губы едва шепчут:

— Ушли охотники...

— Мне кажется, это молодая девушка... Но какой у нее жалкий вид?—растрогана Ирина, — мы должны помочь ей. Нельзя оставлять умирающего человека на произвол судьбы.

Де-Форрест утвердительно кивает головой,

— Если мы не поможем ей—она умрет. Она давно оставлена охотниками... Очевидно с ними в тайге произошло какое-то несчастье.

— Мы ее заберем отсюда,—соглашается инженер.

26. Последний визит ветерана

В ветренную весеннюю ночь в квартиру Мак Рэда входит взволнованный Шеболдаев.

— Извините, мистер Мак Рэд, за беспокойство. Сейчас очень поздно?

— Второй час,—отвечает инженер, всматриваясь в обезумевшее лицо начальника строительства.

— Я увидел у вас огонек и решил зайти... На прощанье... Мне жутко одному .. Нет ли у вас стакана водки?

---

*) Плохо.

— Пожалуйста! Что случилось? — удивлен Мак Рэд необычайной таинственностью визита.

— Они сошли с ума... Главный повар приготовил для русского народа острое, кровавое блюдо...

— Я не совсем понимаю вас!

— Вождь, заподозрив в измене, объявил «врагами народа», четверть населения страны и требует потрясающих жертв. Безумная и неудержимая волна террора охватила всю страну. Число арестованных на нашем заводе достигло тысячи человек! Меня, старого идейного большевика, который перенес подполье, ссылку и отдал все силы революции, исключили из партии и объявили врагом!

— Не понимаю! Но почему же вы, русские коммунисты, не подымаете своего предостерегающего голоса?

— Вот именно это и послужило причиной потрясающего разгрома всей оппозиции. Когда-то я тоже подымал голос предостережения. И сегодня наказан за это... Мы сами совершили революцию и теперь от нее же и гибнем...

— Я не могу понять этого.

— К сожалению наша действительность настолько трагична, что становится непонятной. Дракон пожирает самого себя!

— Может быть, это неправда?

— Это, к сожалению, правда... «Любимый» вождь сильнее огня боится своих подданных...

— Я ничего не нонимаю.. Ничего решительно,—произносит Мак Рэд, наливая Шеболдаеву еще стакан водки.

— Выпьем, мистер Мак Рэд, в последний раз. Недолго осталось пить водку... старому большевику...—говорит Шеболдаев. Его зубы выбивают нервную дробь о край стакана.

* * *

За окном в густом утреннем тумане медленно плывут гулкие удары часов.

По корридору управления «Металлургостроя», идут Мак Рэд и Де-Форрест. Их взор задерживается на массивной, обитой кожей, двери кабинета Шеболдаева.

— Что случилось? — удивлен Де-Форрест. Кивнув на новую надпись «Врид.*) Нач. строительства тов. Коробов», он вопросительно смотрит на Мак Рэда. Войдя в кабинет удивленные инженеры видят сидящего за столом Коробова.

---

*) Временно исполняющий должность.

— Сегодня ночью арестован Шеболдаев! Он оказался враг народа,—сообщает новость Коробов

— Вы так думаете? Я уверен, что Шеболдаев очень честный и порядочный коммунист,—отвечает Мак Рэд.

Коробов, смерив иностранца холодным взглядом, начальническим тоном произносит:

— По всем техническим вопросам я буду принимать лично ежедневно от трех до четырех пополудни...

— Он не совсем корректен, -входя в свой кабинет недовольно произносит Мак Рэд.

— Эти Коробовы, Арбу овы, Ег ровы, Петровы являются типичными представителями советской аристократии, рабски подражающей во всем своему вождю. Они хамоваты, грубы и бездарны.,.

— Да, мне кажется здесь на «Металлургострое» не совсем удачно подобраны кандидаты носителей коммунистического прогресса.

— Вот именно прогресса,—криво улыбается Де-Форрест, —как надоел этот средневековый прогресс! Мне очень хочется домой. Ночами меня мучат кошмарные сны и непри..тные предчувствия.

— Какой ты суеверный Джорж.., Все это тебе кажется..

— Не кажется ли тебе, Дуг. что ты страдаешь дальтонизмом и черное тебе кажется белым? — иронизирует Де-Форрест.

27. Противники идеи Маркса

Таинственный полумрак Убогая кладбищенская часовня. Тёмные лики святых скупо освещены парой темных свечей.

— Господи! Спаси и помилуй мою многострадальную родину!—страстно произносит коленопреклоненная Ирина. Рядом с ней молится Илья Шахматов и несколько пожилых рабочих.

После вечерни люди тихо и незаметно расходятся. Они озираются по сторонам, соблюдая меры предосторожности.

— Это мне напоминает гонения язычников на заре христианства,—шепчет Ирина.

* * *

Шумит осенний ветер в вершинах старых елей, на заброшенном кладбище. По заросшей травою дорожке медленно

движутся три фигуры. Их силуэты скрадываются в вечерней сизой дымке.

— Мне очень грустно сегодня. Это место напоминает о бренности человеческой жизни. Ведь около тысячи наших знакомых схвачены в эти дни,—с дрожью в голосе произносит Ирина.

— По слухам, многие уже расстреляны. От края до края страны прокатилась волна протеста против террора, выразившаяся в взрыве промышленных предприятий, — возбужденно произносит молодой человек с волевым энергичным лицом,— в ответ на террор НКВД мы должны ответить протестом Я предлагаю взорвать одну из доменных печей.

— Что это даст?—спрашивает Шахматов.

— Этим мы солидаризируемся с остальным движением сопротивления, именуемом большевиками вредительством. Для этой цели я могу пожертвовать собственной жизнью! Я хочу отомстить за погибших родных, Они были раскулачены и вывезены в Сибирь. Мой отец находится здесь вблизи в лагере.

— Дорогой, юноша! Поймите, что вредительство не полноценный метод борьбы с коммунизмом. НКВД даже заинтересовано во вредительстве. Мне известны случаи, когда чекисты сами инспирировали взрывы и аварии для оправдания безумного террора, Для сбережения сил, я категорически выступаю против вредительства.

Вы очень нерешительны!—оппонирует горячий юноша.

— Благоразумие, дорогой... Взорвав несколько цехов, или подняв восстание в какой либо области, не располагая достаточным количеством оружия—безумие. Мне известно немало попыток, окончившихся неудачно.

— Что же делать? Где искать выход?

— Ждать... Возможен военный конфликт!

— А если конфликта не будет?—горячится юноша.

— Он будет! Запад с интересом присматривается к большевизму. Рано или поздно мир поймет смертельную красную опасность. Даже первые иностранные последователи Маркса, как Мак Рэд, возвратясь отсюда, я думаю, не станут так рьяно защищать коммунизм. Кроме того, сюда приезжают и более трезвые люди.

— Очень долго ждать...

— Молодой человек! Исторические события не происходят так быстро, как в личной жизни человека. Они должны выкристаллизоваться, вызреть. Гнойный фурункул сначала должен созреть, а потом прорывает...

— Но ждать...—разочарован юноша.

— Мы хорошо помним кровавую летопись большевистского владычества! Кронштадт, Антоновщину, антиколхозные восстания и голодные бунты на Украине, Дону, Кубани, геройское сопротивление черкесов, или басмачество в средней Азии. Эти смелые попытки потоплены в реках крови! Чекисты —мастера подавлять восстаныя. Но поймите, что без мощного центра, координирующего все антибольшевистские силы, выступление обречено на неуспех. На наших глазах здесь произошло восстание шорцев и алтайцев скотоводов. Их, вооруженных луками и кремневыми охотничьими ружьями, стеснили на небольшом участке леса и поголовно уничтожили. Мне сообщил об этом случае, сам участник карательного отряда. Он с потрясающим цинизмом рассказывал, как они забрасывали гранатами этих лесных детей...

Они по безлюдной дороге неспеша направляются в сторону виднеющегося вдали города. На переднем плане виднеется давящая громада огромной тюрьмы.

— Там воспитываются антикоммунисты,—шепчет Ирина, показывая на семиэтажное железо-бетонное здание.

— За одного битого, дают двух небитых, — отвечает Шахматов словами народной пословицы.

— Пятнадцать миллионов политических заключенных— колосальная сила. Каждый из них имеет семью, родственников, друзей, которые... естественно не могут быть довольны тем, что их близкие заключены. Поэтому цифра репрессированных округляется до пятидесяти миллионов!

— Тюрьма опора коммунизма и тюрьма его гибель! — делает вывод Ирина.

Над силуэтом социалистического города сгущаются сумерки. Шквалы холодного северного ветра гонят зловещие черные тучи. Небо напоминает бушующее море.

Лишь последний слабый отблеск на западе освещает мужественные лица идущих...

28. Сомнения мистера Рэда

Мак Рэд глубокомысленно философствует в своем домашнем кабинете. Подойдя к писменному столу он рассматривает бумаги.

— Мне кажется. что здесь кто-то был. Коммунизм это хорошо, но этого подглядывания я не люблю,—произносит ин-

женер, всматриваясь в окно. В палисаднике мелькает тень человека, скрывающегося во мраке ночи.

Инженер раздраженно опускает тяжелую занавесь и, задумавшись, разгуливает по кабинету. Потом он, вынув из жилетного кармана ключ, открывает несгораемый шкаф и достает объемистую книгу. Его взор на мгновенье останавливается на красном переплете с надписью:

«ДУГЛАС МАК РЭД.

«Социальный эксперимент.»
(Дневник инженера)»

Автор усаживается за стол и открыв вечное перо произносит:

— И так, запишем виденное сегодня...

Мягко шуршит золотое перо. На бумаге появляются слово за словом его сокровенные мысли:

«10 июня 1937 года».

.... Каждый день мне приносит все новое и новое. Мне кажется, что я подмастерье скульптора с мировым именем, который втайне от меня ваяет необыкновенной красоты произведение.

И вот я, пробравшись в таинственное ателье и, сняв покрывало со скульптуры, вместо воображаемой прекрасной девушки, увидел безобразную и горбатую старуху... У меня появилось горькое разочарование...

....Я не подаю вида при Джордже, но мне кажется, что я начинаю сомневаться в оценке положительных качеств великого социального эксперимента. Я замечаю с каждым днем, все больше, что эти добродушные, несколько грубые, но славные русские парни не очень довольны своим положением... Им был выдан вексель... И они хотели бы получить то, что им обещано... Каждый день я наблюдаю все новое и новое.., Я еще не могу понять советских людей .. Однако Шахматов, Шебодаев, Бодрюценко и Байбаков представляют несомненный интерес. Сегодня я был свидетелем следующего случая. Коммунистическая администрация завода призывала рабочих принять участие в стахановском движении. Двое, наиболее эфективно работающих русских, получили в виде награды красное знамя, которое у них, может быть отобрано в любое время, если найдутся другие рабочие, сделавшие больше, Однако, мне пришлось видеть работу стахановцев и она оказалась очень скверной. Ее пришлось переделать. Но из-за этого разгорелся горячий спор, между коммунистической и техниче-

ской администрацией строительства. Я стал на защиту русского инженера. Нельзя рабочих поощрять делать брак»...

Раздается звонок и в комнату входит оживленная и румяная Зеркалова. Онавносит с собой запах весенней ночи, игриво ладонями закрывает глаза Мак Рэду, спрашивая:

— Угадай, кто это?

— Прекр снейшая в мире!—отвечает инженер, обнимая и усаживая себе на колена супругу.

— Чем занимается мой благоверный?—спрашивает она, глядя на закрытую рукопись. — Я у тебя никогда не видела этой книги! Интересно?

— Это мой дневник, Анна,—отвечает Мак Рэд отодвигая рукопись.

— Неужели ты не доверяешь мне, как другу?

— Бывают вещи, которые до поры до времени должны принадлежать одному. Здесь мои еще не вполне выношенные и не оформленные мысли и наблюдения. Придет время и они окончательно созреют. Я критически их взвешу, оценю, произведу селекцию, как терпеливый садовод, выращивающий семена редкостного растения...

— Однако ты даже садовод...—иронизирует Зеркалова. —Что за диковинное растение взращивает мой милый?

— Видишь ли, Анна, между утопическим коммунизмом, которым я так увлекся на моей родине и применением учения Маркса на практике, я замечаю разницу, которая с каждым днем становится все более и более разительной.

— В чем именно?—нахмурившись спрашивает Анна.

— Я присматриваюсь к быту советских людей и у меня создается впечатление, что их примитивная и тяжелая жизнь оставляет желать много лучшего. Они переносят материальные лишения, живут в скверных бытовых условиях. Кроме того, мне кажется, что очень многие советские люди смертельно устали и напуганы чем-то потрясающим... Помоги, Анна, мне разобраться в этом!

— Ты не стойкий коммунист! В тебе заговорило мелкобуржуазное прошлое, та среда в которой ты вырос... — укоризненно качает головой Зеркалова.—Но ничего, Я тебе помогу... С сегодняшнего дня мы ежедневно будем заниматься историей ВКП(б). Я достала учебник на английском языке.

— Хорошо, Анна!—соглашается Мак Рэд.

— А пока, покажи, что ты там написал...

— Нет. нет, Анна. Я не делаю тайны из своего дневника, но....придет время и я покажу тебе его...

Гримаса демона мелькает на лице Зеркаловой. Она, разсердившись, подымается и уходит.

29. Слоны, рождающиеся из мух

«Хорошо когда работа есть»—раздается песенка в зарешетченном кабинете.

— Работы много, товарищ Арбузов,—самодовольно произносит он,—и мы, сталинскне чекисты, призваны уничтожить сорную траву на нашей социалистической ниве. На стройке уже арестована тысяча разных последышей и контрреволюционеров.

Арбузов прислушивается к стуку. Пришедшая женщина передает корзину изорванных клочков мелкоисписанной бумаги.

Чекист, высыпав бумажки на пол, сортирует их, подклеивая прозрачной лентой изорванные черновики и бережно складывает их в толстую папку с надписью:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО,

Дело № ИН-А—3308.

Иностранных специалистов «Металлургостроя» Дугласа Мак Рэда и Джорджа Де-Форреста. Начато 15 января 1937 года.»

— Здравствуй, товарищ Арбузов. Вот принесла рапорт,—докладывает вошедшая Паша Молотова,

— Что нового? Чем занимаются твои нностранцы?

— Инженеры заняты на стройке. У нас образовался глубокий прорыв и они работают, как угорелые.

— Угорелые! Работают! А как это ты—комсомолка, допустила такое безобразие? Твои «младенцы» снова отличились!? Нянька называется! Да тебе самой няньку нужно приставить,—разносит чекист.

— В чем дело?—недоумывает переводчица.

— Все тридцать тысяч рабочих «Металлургостроя» заговорили о проклятых американских штанах! Это антисоветская агитация! Где, когда и с кем они разговаривали на эту контрреволюционную тему?

— Кроме как о домнах, локомотивах, рельсах и стройматериалах никакого разговора не было. О штанах они не вспоминали. Я неотступно следую за ними всюду.

— Вранье! Ты недосмотрела злостную вылазку агентов мировой буржуазии!

— Да не могу же я за ними в мужскую уборную ходить!

— Бдительность, бдительность, и еще раз бдительность, товарищ Молотова!—внушает Арбузов, записывая в блокноте своего бювара:

«Устаиовить осведомительные пункты во всех уборных «Металлургостроя». Очевидно этот единственный, оставленный

без осведомителей участок и является разсадником антисоветских анекдотов и высказываний.»

Просмотрев рапорт Молотовой, чекист вкладывает его в Дело № 3303».

— Переведи эти бумаги,—приказывает он.—Здесь контрреволюцией не пахнет?

Молотова читает подклеенные листы бумаги с техническими чертежами, написанные рукой Мак Рэда.

— Товарищ Арбузов. Это формулы расчета металлических конструкций под'емников.

— Технические формулы,—иронизирует Арбузов. — В технике мы должны раскрыть вредительство... В разговорах—опасные мысли и контрреволюцию. Связь с заграницей всегда пахнет шпионажем!

— Вот здесь обрывок надписи к фотографии: «Кто не пользуется транспортными площадками «Додж», применяет египетские методы труда»!—обрадованно восклицает Молотова, протягивая лист бумаги.

— Египетские!?!—вскрикивает Арбузов.

— Да, так и написано!

— Это они о нашей социалистической стройке так пишут?

— Возможно,—соглашается Молотова.

— Вот тебе и техника! Да это уже целый слон!

— Я тоже вижу, что здесь пахнет контрреволюцией,—соглашается Молотова.

— А и славная ты бабенка, Паша! — фамильярничает начальник.

— Да, ну уж, товарищ Арбузов,—жеманничает Паша.

— Вот расшифруем этот американский вопрос, на курорт определенно поедем,—заигрывает Арбузов, обнимая Пашу за крутые плечи.

— А ударная стройка?

— Мне нет дела до стройки. Особое задание правительства о бдительности — выше всего. Чинуши из «наркомтяжпрома» найдут других специалистов или сами будут обвинены во вредительстве и баста!

— Вот это по большевистски!—восклицает переводчица.

— Ну пока, Паша... Следи за каждым их шагом. Мне необходимо написать срочный рапорт.

— Ну пока, товарищ Арбузов! – прощается Молотова.

Он усаживается в кресло и глубоко задумавшись рассуждает:

— Значит, мистер Де-Форрест, на социалистической стройке применяются египетские методы труда? Как змею не пригревай, она норовит ужалить. Телята... вы не учли, что за

каждым вашим движением наблюдает опытный чекист, окончивший школу имени Дзержинского!

Глубоко затянувшись дымом папиросы, он обдумывает вариант какой-то новой коварной комбинации.

* * *

— Между прочим, товарищ Мак Рэд... Не можете ли вы сказать мне с кем из советских рабочих вы на днях беседовали о американских шпанах? — спрашивает Арбузов, встретившись с инженером на стройке.

— Что за нелепость. Неужели политическую полицию интересуют такие вопросы?

— Да. Это нас очень интересует!—произносит чекист, многозначительно взглянув на Молотова.

— Ничем вам не могу помочь,—пожимает плечами Мак Рэд.— Я отношусь с презрением к доносчикам.

— Ах так... Значит этим самым вы признаетесь, что занимались антисоветской пропагандой и превозношением капиталистического строя и не хотите выдать своих сообщников. По этому случаю мы будем делать соответствующие выводы о вашей лойяльности к советскому правительству!

— Я не желаю отвечать на подобную глупость! Оставьте меня в покое,.,—отвечает вспыливший Мак Рэд.

30. Постановка с пиротехническим эфектом

— Пст! Типе!—раздаются придушенные возгласы среди рабочих. Обычные разговоры и шум, сразу стихают при появлеиии Арбузова в ожидалке. Рабочие незаметно толкая локтем друг друга, изподтишка бросают на вошедшего недружелюбные взгляды.

Арбузов прислушиваясь медленно проходит мимо сидящих рабочих. Молчание его бесит. В нем опытный чекист чувствует нарастающее недовольство.

— Это уже сговор,—злобно шепчет он.—На это чекисты должны ответить двойным террором.

В темном углу помещения он читает надпись на стене:

«Мы требуем прекращения красного террора».

«Долой НКВД и коммунистов!»

— Это уже вылазка врагов против диктатуры пролетариата! Ленин учил нас на каждое проявление террора отвечать

тройным террором! Ну, хорошо! Посмотрим, кто кого?— шипит чекист.—Цель оправдывает средства!...

* *
*

Ночь. На фоне слабо освещенных силуэтов строящихся доменных печей идет человек в кожанной куртке. Поравнявшись с печью № 3 он зовет:

— Бодрющенко! Байбаков?

— Кто там?—спрашивают стахановцы.

— Это я, Арбузов! Зашел проведать вас. Вы почему-то за последнее время сдали стахановские темпы?

— Стараемся... Выполняем... Вот насчет штанов, товарищ начальник... Штаны до зарезу нужны.

— Хорошо! Устрою вам штаны,—безразлично отвечает Арбузов, подсовывая объемистый пакет в отверстие печи.

— Хорошо было бы?

— Ну пока, товарищи. Желаю успеха.—прощается арбузов и, взглянув на часы, быстро удаляется со стройки.

* *
*

— Прошу салатик и стопку водки,—заказывает Арбузов в ночном ресторане, Заняв место у окна он, с видом безстрастного сфинкса, наблюдает. Зловещие тени мелькают на его несимпатичном лице. Порой он поглядывает на часы и бросает взгляд на окно, за которым будто в белой багетной раме, виден ночной ландшафт завода.

— Пора,—еле слышно шепчет он,

На покачнувшемся столе дробезжит посуда и падает стакан с вином. Через секунду раздается потрясающий взрыв.

За окном виднеется взметнувшееся к небу зарево огня и густого черного дыма.

— Взрыв на заводе! Враги народа .. Товарищи за мной! —кричит Арбузов, подымая из за столов ужинающих. Вбежав с телефонную будку он звонит:

— Коммутатор НКВД... Особый отдел! Да, да, да... Это я—Арбузов. На заводе взрыв... Авария на домне номер три.,. немедленно примите меры...

* *
*

Разсвет. Части войск НКВД оцепляют завод.

Несколько ответственных работников государственной безопасности совещаются с Арбузовым в его кабинете.

— Мы должнъ изолировать всех подозрительных по этому списку. Между ними определенно должны оказаться вредители, взорвавшие домну № 3. Общественное мнение должно быть обработано соответствующим образом и славные соколы сталинской разведки окажутся героями дня.

Начальник городского НКВД, товарищ Буревой, быстро просматривает список, делая красным карандашем пометки на полях.

— Что собой представляет главный инженер Шахматов?

— Он не наш человек. Пытался сорвать стахановское движение и кроме того тайно посещает церковь...

— Имеете более веские доказательства, чтобы его сделать главным преступником?—интересуется майор Буревой.

— Этим пусть займутся следователи. Я думаю они сумеют доказать ему любую вину.—отвечает Арбузов.

* * *

Таинственный, закрытый, арестный автомобиль стоит у подъезда здания управления. Чекисты приводят и усаживают в «черный ворон» арестованных. Среди них мелькают лица Шахматова, Макара Ильича, Захара Кузьмича.

Начальник спецотдела из окна наблюдает как Егоров расклеивает возвания профсоюза:

«Рабочие «Металлургостроя» требуют примерного наказания вредителей и врагов народа».

«Мы требуем смерти убийцам стахановцев Бодрющенко и Байбакова».

Арбузов цинично ухмыляется:

— Однако постановка удалась па славу! Неплохо придумано.,. Чекисты умеют работать... Ха, ха, ха... Кто бы мог подумать, что эта постановка с пиротехническим эфектом сыграна по пьесе, написанной по инструкции самого комиссариата государственной безопасности?.. Ха, ха, ха!

31. Выполнение особого задания

Уютно обставленный будуар, Зеркалова, занятая прической, сидит в удобном кресле перед трельяжем и мечтает вслух:

— Иногда чрезвычайные задания выполняются в сложной обстановке. Для того, чтобы лучше узнать врага необхо-

димо даже принести некоторые жертвы. Интересно, что думает эта голова с высоким лбом?—произносит она, постукивая пальцем по фотографии Мак Рэда,—Однако. он мне даже немного нравится. Дуг не плохой муж и настоящий джентльмен, но не поддавайся, Анна, мимолетным слабостям женщины.—уже более серьезно добавляет она.

В комнату входит Мак Рэд. Зеркалова улыбаясь встречает его словами:

— Как твоё самочувствие? Что нового на «Металлургострое»?

— Масса работы. Большой размах строительства, вопиющая неразбериха и хаос. Все это отнимает массу лишнего времени.

— В чем же заключается этот хаос?

— О, дорогая! Ты не можежь себе нредставить. Сегодня безследно пропал локомотив и тысяча тонн рельс...

— Это трудности роста.,,

— Однако, милая, надоели мне производственные разговоры на службе. Дома я хочу покоя и немного нежности, —Мак Рэд, обняв супругу и заглядывая ей в глаза, спрашивает,—что делала, моя дорогая половина?

— Я была на совещании в отделе культуры и пропаганды горкома партии. Получила общественную нагрузку по проверке выполнения указаний шестнадцатого партийного съезда для работы среди домашных хозяек и жен инженерно-технического персонала. Потом была в спортивном зале. Здешняя физкультурная группа готовится к городской спартакиаде и всесоюзной олимпиаде...

Мак Рэд удивленно слушает быструю и непонятную речь супруги, качая головой. Резко звонит телефон и инженер нехотя подымается.

— Это я,.. Да, да.. Мак Рэд!... Хорошо, приеду!—недовольно швыряет он трубку,

— Что случилось?—спрашивает Анна.

— Какая-то авария, Просят срочно приехать на строительство. Придется снова ехать.

— Мой милый! Это твой священный долг!

Мак Рэд обнимает жену. Она нежно гладит его плечи, улыбается, Одновременно она незаметно и ловко достает из жилетного кармана ключ.

— Я жду твоего возвращения, милый!

— Я постараюсь скоро вернутся,

Мак Рэд уходит. Зеркалова прислушивается к шуму удаляющегося автомобиля и когда он окончательно утих, она,

подбросив на ладони ключ, мягкими кошачьими шагами подходит к сейфу.

Яркие блики лампы падают на руки, достающие из глубины сейфа рукопись с надписью на обложке:

«Социальный эксперимент»,-

Зеркалова быстро перелистывает толстую книгу.

— Это очень интересно!? Однако!!?

Включив две лампы с рефлекторами она кладет на пол рукопись и «Лейкой», поспешно фотографирует каждую страницу.

Работа окончена и манускрипт водворяется в сейф.

Зеркалова оглядев комнату, садится читать нашумевший советский роман о шпионаже. На серую обложку с заголовком «Боксеры» ложится тень ее каштанового локона Читательница часто улыбается.

Усталый и расстроенный Мак Рэд возвращается домой.

— Я ждала тебя, мой милый. Что случилось?

— Взорван газопровод доменной печи.

— Вредительство,—решает Зеркалова.—Враги народа на каждом шагу саботируют строительство социализма.

— Может быть, несчастный случай...—отвечает Мак Рэд, снимая дождевик.

— Мой милый Дуглас! Ты сегодня выглядишь очень утомленным,—шепчет Зеркалова. Обнимая мужа она незаметно опускает ключ в его карман...

32. Фабрика «врагов народа»

Следователь в форме лейтенанта НКВД допрашивает Захара Кузьмича и Макара Ильича,

— Ну, скажите, мерзавцы! Сколко штанов зарабатывает в неделю американский рабочий?

Избитый и изможденный Макар Ильич выражает полное безразличие.

— Это ты разговаривал с иностранными шпионами? Сознайся, мерзавец, что еще в Ленинграде примыкал к «рабочей оппозиции»? НКВД располагает достаточными данными!

— Нет.

— Мы располагаем данными, что остатки оппозиции, были специально собраны врагом народа Шеболдаевым в контрреволюционных целях!

— Это неправда!

— Отведите его на конвейер! Он там заговорит!—приказывает следователь двум чекистам.

* * *

В кабинете следователя появляется давно небритый и астматичный бывший начальник «Металлургостроя».

— Садитесь, Шеболдаев. Продолжаем наш допрос. Несмотря на ваши отрицания мы все же сегодня предъявляем обвинительное заключение!

— В чем же вы меня хотите обвинить?

Чекист читает:

— Обвиняемый Иван Шеболдаев, бывший член ВКП(б) с 1905 года и лидер оппозиции. Будучи начальником «Металлургостроя» он, использовав свое служебное положение, сколотил вокруг себя контрреволюционную группу из участников первой антисоветской стачки, направленной против рабоче-крестьянского правительства, а также участников контрреволюционного Кронштадского восстания и бывших членов ленинградской рабочей оппозиции, которые после разгрома в 1925 году ушли в подполье. Кроме того, обвиняемый имел контрреволюционную связь с представителями мировой буржуазии Дугласом Мак Рэд и Джорджем Де-Форрест, с которыми неоднократно вел антисоветские разговоры и превозносил капиталистический строй,

— Это чушь!—восклицает Шеболдаев.

— А, что вы делали в два часа ночи в квартире Мак Рэда?

— Я зашел к нему выпить стакан водки.

— Только водки!? Что же по вашему квартира иностранцев—кабак, что ли? Кто вам поверит? — иронизирует следователь.

— Ты щенок! Будешь допрашивать меня—старого большевика и революционера! Мой партбилет подписывал сам Ленин!—возмущается подследственный. — Вы в этих стенах творите контрреволюцию! Чека опошлила террором и насилием идеи революции!

— Замолчи, враг народа!—взбешен чекист.

— Не знаю кто из нас. Сегодня ты имеешь силу, а завтра...

— Уведите его!!!—вопит чекист..,

— За Шеболдаевым закрывается литая дверь тюремной одиночки.

— Вот она—свобода, равенство, братство!—иронически шепчет он, хватаясь за грудь от припадка астмы.

* * *

Шахматов читает свое обвинение:

«Являясь правой рукой врага народа Шеболдаева, бывший главный инженер «Металлургостроя» Шахматов сорвал стахановское движение и выполняя задание вредительской группы, произвел взрыв газопровода доменной печи № 3, Преступление доказано свидетельскими показаниями и остатками взрывчатых материалов, найденных в его кабинете.»

— Это чушь! Я никогда не одобрял вредительства и в ночь взрыва находился за триста километров от завода!—отвечает Шахматов.

— Это не имеет никакого значения! Вы могли руководит взрывом находясь на разстоянии,—цинично заявляет следователь.

— Для чего, спрашивается? Где же логика? — удивлен Шахматов.

— На конвейер! На конвейер врагов народа! Одного за другим... в массовое производство.,.!—Взбешен чекист.

33. Монгольская Мадонна

Рука Ирины листает календарь и отрывает листочек. За ее движениями с любопытством следят слегка косые монгольские глаза.

— Что это?—спрашивает Айше.

— Это листья жизни.:. Каждый день—один листочек,—объявляет Ирина.

Шорская девушка, глядя на листочек, щурит глаза, будто перед ее взором представляется листопад в тайге.

— Три недели ты живешь у нас и все молчишь. Это нехорошо, Айше! Что думаешь ты делать дальше?—спрашивает Ирина.

— Ушла белка. Ушел бурундук. Айше не хочет обратно в тайгу. Страшные охотники поймали отца и брата... Я ждала их целую зиму,.. Потом пришел голод... Айше хочет убирать эту хижину и готовить чай господину. Ты очень попроси хозяина дома... Он хороший и не захочет прогнать бедную Айше в тайгу... Ей там страшно одной....

— Хорошо, Айше! Я скажу ему...

* * *

Айше хозяйничает в квартире Де-Форреста. Сняв с ди-

вана сиденье, она устраивает его на полу, стелет ковры и шкуру медведя, создавая уют в монгольском стиле.

Подойдя к столу, она с благовением прислушивается к размеренному тиканью часов и, догадливо прикладывает руку к груди.

— В них есть сердце, как и у Айше. Они знают, когда придет хозяин... Когда этот пальчик покажет здесь, тогда придет он... Однако скоро... И девушка расставляет на крышке круглого столика чайный сервиз и бисквиты.

Звонок. Айше, открывая дверь, встречает Де-Форреста радостной улыбкой.

— Айше, одень новое платье,—протягивает он сверток.

Девушка убегает в свою комнату, а Де-Форрест, закуривая. оглядывает приготовленный для чаепития столик.

— Однако она, чего доброго, переделает меня в монгола,—добродушно произносит он.

Проходит минута и Де-Форрест осматривает свою гостью в шелковом кимоно...

— Настоящая японка!—улыбается американец, всматриваясь в светящееся искренней радостью, изумительное лицо.

— Пить чай!—улыбается Айше и протягивает ему чашку дымящегося чая.

— Садись пить чай, Гейша! Понимаешь?

— Я—Айше!—улыбается девушка, усаживаясь на ковер с особенной восточной грацией. Де-Форрест, в свою очередь, предлагает ей чай.

Низко поклонившись и приложив руку к груди, она берет протянутую чашку,

Де-Форрест сидя на корточках с наслаждением пьет крепкий чай и созерцает неподвижно сидящую Айше. Она кажется отлитой из бронзы статуэткой.

— Какая благодарная натура!.. Ты знаешь, Айше, я когда-то занимался скульптурой и создам твой образ. Образ монгольской Мадонны. Он будет лучшим подарком. привезенным из этой холодной страны. Я им украшу свою комнату... Ах, да,.. ты ведь не понимаешь всего...—шепчет Де-форрест, соверцая широко раскрытые монгольские глаза.

Молчит Айше, будто бронза, принесшая из седины веков смутную загадку Тамерлана.

* * *

Рука скульптора с длинными пальцами костяной палочкой сглаживает мягкий воск. С каждым движением все яснее вырисовывается очертание, сидящей на корточках восточной Мадонны.

Айше терпеливо позирует. Охваченный творческим энтузиазмом Де-Форрест носвящает все свободное время этому занятию. Творя, он становится фантастом и мечтателем, Ему кажется, что эта маленькая монгольская маска кинематографическим наплывом затемняет образы женщин; веселых, улыбающихся, серьезных и в слезах—курчавых блондинок, брюнесок...

Де-Форрест долго и неподвижно глядит на пламя камина. В него уходят будто тени прозрачные женские лица и все яснее вырисовывается образ Айше — ее изумительный лоб, черные блестящие косы и агатовые, монгольские глаза...

За окном буря. Грохочет гром.

— Мне страшно!—шепчет Амше, инстинктивно прижимаясь к Де-Форресту.

Они вдвоем смотрят на скульптуру.

— Я украшу ею большую красивую компату. Тысячи людей будут приходить любоваться тобой, Айше, и я им расскажу историю твоего маленького, забытого племени...

— А... Айше... снова останется в лесу? — испуганно спрашивает девушка,

— Нет, нет... Айше тоже поедет со мной в большую заморскую страну.

Она доверчиво склоняет голову на грудь инженера. Де Форрест страстно обнимает свою живую монгольскую Мадонну.

34. Испанская серенада

— Я выполнила задание!—рапортует Зеркалова, протягивая чекисту кассету с пленкой.

— Что здесь?

— Заснята рукопись, находящаяся в сейфе «младенца».

— О, наконец! Хорошо! Теперь мы узнаем, что там написано. Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!—доволен Арбузов.

— И сейфов, которых не смогла бы открыть наша разведка,—улыбаясь добавляет Зеркалова.

— Хотя особые задания требуют даже некоторых жертв, —двусмыслению ухмыляется Крбузов...

— Раз этого требуют интересы революции—приносятся любые жертвы.,. Знаешь, товарищ Арбузов,.. Я не дрогнув послала на расстрел собственного отца.

— За что он внал в немилость?

— Он скрыл, что был белым офицером!

— Молодец Анна!—восхищен Арбузов.—Вот это я понимаю...

Выпьем с тобой. Кстати, мой друг привез прекрасное вино из Испании. Он там руководил революционным движением...—говорит чекист, наливая в рюмки золотистую малагу.

— О, это интересно... Испанцы! Не плохо было бы, что бы они стали одной из наших республик! Тогда бы они показали бой быков и спели серенаду на Красной площади во время первомайского парада.

— Испанскую серенаду? К сожалению, она спета для нас не совсем удачно,—кисло произносит чекист.

— Придет время, мы заполучим и серенаду..

— Вот закончим разгром врагов .. На этом можно сделать хорошую карьеру. Мне Петерс предлагает поступить в школу иностранной разведки... Ты бы тоже очень подошла потому что знаешь языки. Кроме того у тебя шикарный, заграничный вид... Тогда бы мы поехали за границу для ответственной работы.

— Я напишу об этом Петерсу,—говорит она, чокаясь рюмкой.

— За нашу удачу!—смеется Арбузов.

— Прекрасное вино,—отвечает Анна, — налей еще. У меня сегодня настроение школьницы. Хочется напиться и... наделать глупостей.

Арбузов наливая вино, целует Зеркалову.

* * *

Массивные бронзовые часы медленно и торжественно бьют двенадцать. Мак Рэд чем-то удручен. Он взволнованно ходит по кабинету, устланному огромной бурой шкурой. Нервным шагом он задевает шкуру и инженеру кажется, что голова притаившегося медведя глядит на него искрящимися желтыми глазами.

— Где же она может быть?—произносит он наливая из сифона сода-виски. Приподняв голову с пригубленным стаканом, он видит висящие на стене огромные рога оленя.

— Но где же Анна? До сих пор она никогда не приходила так поздно! Может быть, произошел несчастный случай?

Мак Рэд подходит к телефону, но у входной двери раздается звонок. В комнату входит Зеркалова.

— Анна?—удивленно спрашивает он.

— Я знаю... Ты снова со своими правами... Я была на партийном собрании.. Ревнуешь? Ха, ха, ха!

— На собрании? Однако, что с тобой, Анна? — разглядывает ее Мак Рэд.

— Ха, ха, ха...—неудержимо смеется она и снимая горностаевый жакет кружится по комнате.—Какой обед нам подавали, каким вином нас угощали! А я пьяна, пьяна.., ха, ха, ха,—поет Зеркалова арию из «Периколы». Мак Рэд сосредоточенно молча наблюдает супругу.

— Ха, ха, ха.., милый, ты... дурачек, глупышка... а я пьяна, пьяна... дай я тебя поцелую.,. в твою глупую мордочку... Да.. да.. да .. а потом я тебя... расстреляю.., ха, ха, ха..

— Что с тобой, Анна?

— Ха, ха, ха!—неудержимо смеется она.

35. Сфинкс и потомки Чингизхана

Воодушевленное и сосредоточенное лицо скульптора склонилось над своим произведением.

Легкий ветер, ворвавшись в открытую форточку, волнует ажурные занавеси.

— Ветер с банановым запахом! Запоздавшая сибирская весна приносит такие контрастные и пьянящие запахи,—мечтательно произносит Де-Форрест, взглянув на модель.

Она, сидя на корточках, играет на узенькой туземной мандолине грустную и тихую, как шум степного ковыля, мелодию. Айше подымает лицо. В ее глазах светится любовь нежная и скромная, как черемуха, цветущая за окном.

* *
*

— Теперь осталось снять с воска формы и отлить бронзу... Нет... бронза дешева... Золото? Банально .. Я знал одного дегустатора, он смешивая вина, творил новые чудесные сорта... Я металлург... и создам совершенно новый оригинальный сплав... Но, как назвать скульптурную группу? Ей нужно имя... «Таинственный восток».,, нет... это слишком по газетному. «Монгольская Мадонна»... Это старо и неинтересно... но название придет. Оно не может не прийти,—рассуждает в муках творчества Де-Форрест.

* *
*

В маленькой художественной мастерской, заваленной хламом и гипсовыми формами, бородатый мастер рассказывает Де-Форресту и Ирине:

— Были времена, хорошие вещи делали. Наше литье славилось на всю округу. Вот. — протягивает он бронзовое распятие чудной тонкой работы,—а теперь... один социальный заказ остался,—пренебрежительно добавляет он, кивнув в сторону многочисленных и аляповатых бюстов вождя.

Де-Форрест сосредоточенно рассматривает распятие.

Тем временем мастер заканчивает отделку гипсовой формы. Лицо Де-форреста, освещенное контрастными бликами у пылающей печи, напоминает средневекового алхимика. Он бросает в тигель куски бронзы, серебра, и развязав кожаный кошель, добавляет еще несколько горстей золотых монет.

Отблеск пламени освещает бородатое лицо старого литейщика, пробующего монету на зуб.

— Червонное золото!—одобрительно улыбается он.

Каскад искр и ослепительная струя расплавленного металла льется из тигля в гипсовую форму. Взгляд скульптора целеустремлен на форму.

— Отлив наславу. Ни одного свища!—радостно говорит мастер, рассматривая скульптуру сквозь лупу.

Де-Форрест, взглянув на свое ослепительно сверкающее произведение, ревниво покрывает его куском материи,

* *
*

— Джорж! Ты совершенно забыл меня, — произносит с укоризной Мак Рэд.

— Садись, мой друг! Сегодня я окончил свою работу,— торжественно объявляет Де-Форрест, снимая покрывало.

Мак Рэд осматривает скульптурную группу. Голова сфинкса своим холодным окаменевшим взором устремлена на фигуры двух охотников шорцев, страстно защищающих сидящую на корточках монгольскую Мадонну.

Мак Рэд потрясен. Он долго молча созерцает.

— Какая экспрессия! Чудесно схвачены движения этих лесных людей! Откуда эта тема Джорж?... Бесстрастный и в одно и тоже время садистически жестокий сфинкс. И эти поднятые ладони Мадонны... зашищающейся от чудовища и натянутая тетива лука монгольских охотников. Безподобно, Джордж! Твоя скульптура создает свое, особое и непередаваемое настроение... Так вот над чем ты трудился последние полгода? Блестяще!!!

— Да, дорогой Дуг! Я был поглощен этой работой,

— Мне кажетея, что эта бронза приоткрывает загадку потомков Чингизхана?

— Вот, вот,.. Ты нёдалек от верного понятия моего за-

мысла... Но не совсем. Ты поймешь несколько позже,.. Я сам его еще не совсем могу объяснить, — страстно говорит возбужденный Де-Форрест.

— Как же ты решил назвать ее?

— Сфинск и потомки Чингизхана! Мне только сейчас явилась эта идея.

— Прекрасно! Название с таинственной и экзотической загадкой. Эта вещь тебе создаст славу. Ты молодчина, Джорж! А я думал, что ты влюблен в свою модель и ревнуешь ее даже к старому другу?

— Ах да... модель. Я с тобой хочу поговорить, Дуг! Если я появлюсь с Айше, скажем в «Бристоле»?

— Это будет необычайно и экзотично. Поверь, мой друг, она затмит многих дам и будет только одна такая, женщина под неразгаданной маской таинственного востока.

И я хочу иметь такую маску,—счастливо улыбается Де-Форрест.

— Ты, молодец Джорж!

Оба приятеля, улыбаясь, пожимают друг другу руки...

36. Лиса меняет логово

Хаос в будуаре спешащей женщины. Бесстыдно разбросаны интимные части туалета.

Зеркалова поспешно пакует вещи в вместительные чемоданы. В один засовывает манто чернобурой лисицы, во второй белье, костюмы и платья. Она увлечена и не замечает, что за ее спиной, на пороге появляется молчаливо наблюдающий Мак Рэд. Взглянув в зеркало, она видит скептический взгляд и сжатые губы мужа.

Зеркалова ошеломлена его неожиданным приходом, но она умело овладевает своим чувством и резко поворачивается к нему, улыбаясь. Но Мак Рэд замечает на лице супруги контрастную смену настроений.

— О, милый Дуглас! Как хорошо, что ты пришел. Мне нужно с тобой поговорить...

— Что это за вещи?

— Дорогой Дуг! Сегодня вечером я уезжаю в Москву.

— В Москву?!—изумлен Мак Рэд,—ведь еще не прошел и месяц со дня нашей свадьбы. Как же так?

— Дела, Дуглас! Я получила директиву партийного комитета немедленно прибыть на занятия коммунистического университета.

— Вот как!?

— Неужели ты, женившись, думал засадить меня на кухню? -кокетничая спрашивает Зеркалова.

— Можно подумать, что ты сама решаешь судьбу государства?

— Ты ведь знаешь, что в нашей стране каждая кухарка должна уметь управлять государством, А я ведь передовая женщина и член господствующей партии!

— Да,. — раздражен о отвечает Мак Рэд, — управлять, конечно, можно, но жить в государстве управляемом кухаркой, вероятно, было бы очень трудно.

— Ты чем-то раздражен, мой милый.. возможно у тебя на строительстве были неприятности и тебе кажется?

— Мне ничего не кажется. И имею глаза и вижу. Должен тебе напомнить, что теперь у тебя есть семья. Подумала ли ты об этом, Анна?

— Ты дорогой, воспитан в буржуазном обществе, где на женщину привыкли смотреть, как на собственность или рабыню.

— Да, но какая-то мораль, этика, любовь и элементарные семейные обязанности у вас в конце концов существуют? —раздражен Мак Рэд.

— В период построения бесклассового общества и завершения построения социализма в одной стране, многие коммунисты приносят в жертву семейную близость и часто находятся в разлуке,—объясняет Зеркалова,

— Это основы советской марали? И ты считаешь, что это хорошо? Или это приносит особое счастье людям уверовавшим в идею Маркса?—спрашивает Мак Рэд, и в его голосе чувствуются еле заметные нотки иронии.

— Мой милый, не устраивай сцен. Ничего не поможет. Я уезжаю вечером, а пока, как говорится словами советской песни:

«Давай пожмем друг другу руки,
И в дальний путь на долгие года,»

Мак Рэд отворачивается и сквозь морозное окно рассматривает неясные, расплывчатые силуэты социалистического города...

37. Эрзац полновесных долларов

— Распишитесь!—произносит кассир, вручая Мак Рэду и Де-Форресту денежные пакеты.

Де-Форрест взглянув на содержимое, прячет пакет в

карман. Но Мак Рэд проверив наличие, удивленно обращается к кассиру:

— Потрудитесь проверить, В этот пакет забыли вложить доллары!

— Нет, нет, товарищ Мак Рэд! Здесь полностью причитающаяся вам заработная плата. Кроме вычетов по займу, подоходному налогу, чистый остаток—шестьсот рублей,.

— В советских рублях! Однако, как вам известно, я получаю половину жалованья в долларах?

— Товарищ Мак Рэд! До тех пор пока вы были мистером, вы аккуратно получали доллары, а теперь, пожалуйста—по товарищам и денежки. Мистер Де-Форрест попрежнему получает доллары,

— Бросьте шутить, товарищ Иванов! Объясните в чем дело!?

— Начальник финансового отдела поручил мне сообщить вам о постановлении Совета народных комиссаров, гласящем, что все советские подданные, находящиеся внутри страны, получают вознаграждение только в рублях,.. Советские граждане могут получать заработную плату в валюте только в случае, когда они непосредственно находятся за границей.

Лицо кассира в глазах Мак Рэда расплывается вне фокуса.

— Мерзавцы!—роняет Мак Рэд по-английски. Инженер решительно встает, одевая пальто.

— Ты куда?—спрашивает Де-Форрест,

— Милый Джордж! В моей голове такой сумбур.,. все смешалось. я хочу остаться наедине, собраться с мыслями, подумать. Мне хочется немного одиночества,.,

Мак Рэд идет по улицам города направляясь на окраину в рабочие кварталы. Перед его взором мелькают землянки и убогие хибарки. Свирепый ветер развевает полы его пальто и срывает ржавую жесть с лачуг.

Мак Рэд входит в магазин с пустыми полками. Стоящие в очереди люди покупают протухшую, кислую капусту.

— Какое унылое зрелище. Как они могут кричать о счастьи этих серых, обездоленных людей!? И мне в дальнейшем предстоит перспектива такой жизни?... Нет! Благодарю покорно. Я решил подвести итог своему неудачному социальному эксперименту. Я хочу домой.., Очевидно приведется уплатить Джефу, проигранную тысячу долларов!. .

* *
*

Мак Рэд снова в своем кабинете. Он возбужденно говорит вошедшему Де-Форресту:

— Джордж! Я заставлю этих негодяев уважать мою личность, выполнять договор и платить мои доллары! До коммунизма на практике еще довольно долго ждать!

— Мой друг!?

— Однако мне пришла идея! — кричит Рэд, хлопая по плечу коллегу.

Усевшись за машинку, он пишет письмо. Де-Форрест наблюдает за пальцами друга, читая появляющийся текст:

«Генеральному консулу США.

На основе заключенного договора, я был принят на должность одного из главных консультантов по механизации строительства «Металлургострой». Однако, советская фирма односторонне нарушила договор, отказавшись выплачивать предусмотренное вознаграждение в долларах.

Прошу представителя моего правительства повлиять на советское правительство, чтобы последнее выполняло взятые на себя обязательства. Я же остаюсь попрежнему гражданином США и всегда готов защищать мою демократическую родину.

Примите уверение в совершеннейшем почтении.

Дуглас Мак Рэд —инженер.

25 декабря 1937 года.»

— Я полагаю, что наше правительство сумеет повлиять на большевиков!—произносит Де-Форрест.

— И поможет получить мои доллары!

— Едем в Москву! Кстати я поговорю с консулом о Айше. Я хочу забрать ее в Соеди енные Штаты,—предлагает Де-Форрест.

Друзья быстро собираются в путь и выходят на засыпанную снегом улицу. Час спустя их лица мелькают в толпе суетливых пассажиров, садящихся в поезд.

38. Похититель драгоценной скульптуры

Поздне зимнее утро. Солнечный луч прорывается сквозь проталину в разрисованном узорами окне. Яркие зайчики прыгают по разбросанным вещам в пустой квартире Мак Рэда.

Паша Молотова вторично звонит у двери и безпадежно прислушивается.

— Что случилось!? Где делись инженеры? Их нет на заводе, нет и дома? Очень подозрительно!—озабочена переводчица,—ох, влетит мне от товарища Арбузова!

Появившаяся уборщица отпирает своим ключем квар-

тиру Мак Рэда. Обе женщины удивленно осматривают покинутое жилье.

— Какой беспорядок! Вчера только де ала уборку...— удивлена женщина.

Переводчица поспешно набирает номер телефона и снимает трубку.

— Товарищ Арбузов! Инженеры исчезли... Да...да...я искала их везде, теперь звоню с квартиры Мак Рэда. Вчера, при выплате денег он был очень взволнован...

* *
*

Арбузов, открыв отмычкой дверь, вбегает в пустой кабинет Де-Форреста.

— Бежали! И ес и они доберутся в свое проклятое консульство... Нет, голубчики, не узкользнете!—рычит чекист.

На пороге комнаты появляется женская фигура в кимоно Нежданный посетитель сталкивается лицом к лицу с Айше. Вид чекиста гасит улыбку на ее лице.

— Айше! Где Форрест?

— Он ушел в большой, большой город.

Арбузов глядит на Айше тяжелым остановившимся взглядом. Нехорошая улыбка посетителя, пугает морскую девушку. Она, скрестив на груди руки, готовится к защите.

— Т. к! Идея!—шепчет Арбузов.--Нет, ты не уйдешь. Вы, иностранцы, не учились в школе имени товарища Дзержинского!

Его взгляд нащупывает на письменном столе нож для разрезания книг.

Айше, охватив руками голову в ужасе бросается бежать. Чекист настигает ее в глубине спальни.

Короткая борьба. Легкий стон. Потухающий взор косых монгольских глаз.

Арбузов хладнокровно осматривает свою жертву и щупая пульс, добавляет:

— Поза хороша! Убийство из ревности .. Вполне правдоподобно.

Осматривая комнату и вскрыв ящики письменного стола, он неторопливо складывает ценности и бумаги в портфель. Его внимание привлекает стоящая на столе скульптура.

— Хороша вещица!—смакует он, упаковывая скульптуру в покрывало,—за границей за нее дадут кучу долларов!

Арбузов удаляется из квартиры инженера. Зашелкнув дверь, он осклабливается по-рысьи и снимая перчатки произносить:

— Чистая работа!

— Поза хороша! Убийство из ревности... Вполне правдоподоб

39. Рулетка фортуны

Грациозная дама в нарядном манто и меховой шапочке входит в кабинет.

— Товарищ Петерс!

Седой чекист подымается и по-приятельски пожимает ей руку.

— Товарищ Зеркалова! Однако, какая ты сегодня нарядная! Откуда это?

— Это... своеобразная иностранная премия за выполнение чрезвычайного задания,—игриво шутит она.

— Как оно выполнено?—интересуется чекист.

— Блестяще, товарищ начальник,—отвечает Зеркалова, доставая из сумочки объемистый, запечатанный сургучем пакет,—это от товарища Арбузова.

Петерс, вскрыв пакет, просматривает донесение и фотографические снимки рукописи Мак Рэда. Заинтересовавшись он глубокомысленно читает. Анна, усевшись в мягкое кресло, курит папиросу.

— Да! Мое чутье никогда не подводит!—говорит Петерс, поворачивая лицо к Анне,- эта книга в руках наших врагов могла бы оказаться острым оружием.

— Антисоветская пропаганда заработала бы полным ходом,—соглашается Зеркалова.

— Орден! Не меньше «Красной звезды»! — улыбается Петерс.

Резко звонит телефон. Чекист снимает трубку.

— Слушаю... да... да.. Вот так новость... Говоришь, они скрылись?

Петерс, повесив трубку. возмущается:

— Идиоты. болваны! Выпусники школы имени Дзержинского... Таких китов выпустили,—и обращаясь к Зеркаловой, он сообщает новость,—американцы бежали!

— Вот как!—поражена она.

— Ничего... Я сейчас дам приказ о всесоюзном розыске, и этих молодчиков поймают, как куропаток,—говорит Петерс.

* *
*

Залпы телефонных звонков раздаются одан за другим сразу в нескольких комендатурах НКВД.

Агенты в форме НКВД и в штатском, толпами выходят на перроны, входят в вагоны. Они всматриваются холодными пристальными взглядами в лица людей:

— Граждане! Предъявите ваши документы!...

* *
*

В двухместном купе спального вагона царит полумрак. Видны головы спящих Мак Рэда и Де-Форреста. Последний блаженно улыбается.

Иллюзия сна воскрешает воспоминания полузабытого юношества. Он на берегу Тенесси удит рыбу. На его леске бьется крупная и сильная добыча...

Рука агента тормошит за плечо. Спящий резким движением делает выпад рукой, стараясь схватить добычу, но вместо рыбы хватает руку чекиста.

— Гражданин! Ваши документы?

Де-Форрест бормочет сквозь сон:

— Не люблю когда снятся рыбы. Это всегда приносит неприятности.

— Это иностранцы!—произносит чекист.—Паспорт!

Два агента НКВД просматривают паспорта полусонных инженеров.

— Руки вверх! Вы арестованы! Следуйте за нами!...

* *
*

— Чорт возьми!—рычит в телефонную трубку человек с львинным лицом,—товарищ Петерс! Что за эпидемия!? Большинство приезжающих к нам иностранных коммунистов разочаровываются и становятся нашими врагами! Работу необходимо перестроить.., Спрашиваете как?... Вербовать заграницей из скомпрометировших себя людей и идейных коммунистов новых кандидатов в наш университет народов запада. Да... Это задание. Средств не жалейте, Приеажайте ко мне с подробным докладом по делу номер 3303 и получите новые инструкции...

40. Признание в несовершенном преступлении

Де-Форрест, шагая по корридору, морщится от резкого специфического запаха социалистической тюрьмы, смеси прелого человеческого пота, аммиака, разлагающейся крови и кислой капусты. Надзиратель вталкивает новичка в пустую и таинственную одиночную камеру.

Человек первыми робкими движениями напоминает мышенка, осматривающего захлопнувщуюся мышеловку. Он испытывает ни с чем несравнимое чувство неожиданной потери сразу всего: свободы, любимой женщины и собственного достоинства.

— Что за нелепость?! Как они смели арестовать меня —американского гражданина? — задает он один и тот же навязчивый вопрос,—эти стены очевидно хранят многие кровавые тайны.. Я предпочел бы попасть в плен к китайским хунхузам, пиратам или оказаться заложником у отпетых гангстеров... Но в стране, где все окутано густой непроницаемой завесой тайн, это может кончится очень печально.. Я ... — меланхолически произносит Де-Форрест, и умолкает пугаясь собственного голоса. Он чувствует, что его прежнее, гордое «Я» уже не существует. Оно раздавлено потрясающим комплексом удивительного морального и материального воздействия и приняло бесформенные формы, будто улитка под пятой чудовища. Вместе с сумерками в таинственную камеру подкрадывается все смелее, назойливее фантастический страх...

* *
*

— Обвиняемый Де-Форрест! Как долго вы будете упорствовать! Мы имеем доказательства, что вы занимались шпионажем!—спрашивает молодой, но седой чекист.

— Как вы смеете говорить мне это?!—возмущен американец.

— Признайтесь, что в припадке ревности, будучи в состоянии аффекта, вы убили проживающую у вас девицу Айше?

— Айше!? Убили!!? — взволнованно кричит Де-Форрест.

— Вы убили ее!

— Я? Это абсурд! Я очень любил Айше,—отвечает Де-Форрест. В его отяжелевшей, будто налитой свинцом, голове все перемешалось; весть об убийстве Айше, железные решетки, малиновые петлицы следователя и конвейер—за всем этим смертельная усталость, жажда и пустота.

— Обвиняемый Де-Форрест! Сознайтесь! Тогда вы понесете лишь небольшое наказание. Если будете упорствовать —вас расстреляют!

— Нет. Я никогда не смогу сознаться в несовершенном преступлении!

— Все равно придет время и вы сознаетесь... Здесь все сознаются...

— Нет... нет! Этого не будет...

— Примите подследственного на конвейер!—кричит следователь.

Де-Форрест вздрагивает. Два чекиста уводят его. В пустой комнате ему одевают огромный тяжелый кожаный шлем, наполненный песком. Стоящий сзади чекист опускают с раз-

маху тяжелую дубину на голову американца. Подследственный надает на пол, хватая воздух, будто выброшенная на берег рыба.

Довольные мастерским ударом чекисты обмениваются репликами:

— Прекрасная работа.

— Знаменитый удар!

— Гидра шпионская! Возьмем в ежовые рукавицы— сознаешься, что было и чего не было...

* * *

— Хотите закурить?—предлагает следователь сигару.

Де-Форрест жадно затягивается несколько раз дымом, чувствуя странный привкус какого-то сильнодействующего наркотика. Спустя несколько минут его охватывает удивительное оцепенение. Его воля будто уплывает в бесконечную перспективу. Сопротивление сломлено. Ничего не нужно. Все безразлично.

— Может быть, смерть будет лучшим избавлением,— шепчет он,—я больше не могу переносить побоев и жажды... Две недели ни капли воды... а впрочем все равно... а пока так приятно...

Де-Форресту, кажется, будто он плывет на волнах чудесной фантастической реки в сказочный город,

Следователь протягивает обезумевшему Де-Форрссту протокол допроса для подписи.

.... признаюсь в том, что будучи в состоянии аффекта, убил ударом ножа девицу Айше, находящуюся в моей квартире. Кроме того переслал иностранной фирме фотографии транспортируемых экскаваторов...

И странно. Так рьяно и упорно отбрасывающий ранее это несуразное обвинение Де-Форрест чувствует, что это ничтожная привычная и до невозможности надоевшая пошлая шутка, будто совершенно не касающаяся его...

— Давайте! Я подпишу! Я хочу конца, —говорит помимо воли он.

— Вот и прекрасно!—доволен следователь.

* * *

Де-Форрест лежит на койке в своей одиночке. Охватив руками голову, узник постепенно начинает сознавать неисправимую, роковую ошибку, совершенную им на допросе. Подписанный протокол, кажется, медленно опускающимся паровым молотом, на его череп.

— Не хватило силы воли сопротивляться до конца,— шепчет он,—но конец у них смерть... Теперь я понимаю почему признавались обвиняемые на московских процессах. Для того, чтобы понять этот ужас—необходимо пережить.

В камеру, будто гадюка, вползают вечерние сумерки...

41. Изменник чужой родины

Небольшой судебный зал. По сторонам сидящего Мак Рэда стоит вооруженная охрана из солдат конвойных войск НКВД.

— Встать! Суд идет!

Перед взором обвиняемого появляется три субъекта в военной форме и переводчик.

Сразу же один из членов суда читает:

.... Военная коллегия Верховного суда... в закрытом судебном заседании слушает дело по обвинению гражданина Дугласа Мак Рэда в преступлениях предусмотренных ст. 58-1, 58-6 уголовного Кодекса. Обвинение поддерживает государственный обвинитель—прокурор республики, при защите юриста Абрамова. Обвиняемый, вы знакомы с обвинительным заключением?

— Это какая-то чудовищная нелепость и потрясающее недоразумение. Я требую элементарной справедливости. Будучи честным инженером я точно выполнял взятые на себя по договору обязательства, не вмешивался в политику, ни в кого не стрелял и не призывал к свержению существующего строя. Я совершенно не виновен и настаиваю на немедленном освобождении из под стражи,—произносит Мак Рэд.

— Будем говорить языком конкретных документов. Это ваша подпись, обвиняемый?—спрашивает председатель суда.

Мак Рэд внимательно изучает свою подпись под заявлением о приеме в советское подданство, написанное рукой Зеркаловой.

— Подпись здесь действительно моя, но содержание текста мне неизвестно, потому, что он написан по-русски.

— Этим заявлением вы изъявили желание стать советским подданным, и правительство удовлетворило вашу просьбу,

— Повторяю, мне совершенно незнаком текст...

— Это ваше письмо?—спрашивает судья, показывая письмо к консулу.

— Это письмо явилось следствием явного нарушения договора.,.

— Обвиняемый Мак Рэд, садитесь. Суду понятно. Слово предоставляется государственному обвинителю.

Человек с седой шевелюрой, едва взглянув на обвиняемого, произносит:

— Товарищи судьи! Этот агент, состоящий на службе мировой буржуазии, заслан в нашу страну под видом члена одной из братских компартий.

— Это наглая ложь и провокация! — возмущается Мак Рэд.

— Он, для лучшей маскировки, даже принял советское подданство и женился на советской гражданке. Это все не случайно и является одним из коварных приемов, которыми пользуются наши враги. Фотографии экскаваторов с компроментирующим текстом, найденные при обыске, являются неоспоримым доказательствами шпионажа. Найденное письмо доказывает антисоветскую связь с контрреволюционными группами. Государственное обвинение настаивает без никаких компромисов на вынесении приговора—высшей меры наказания!

После речи прокурора, слово предоставляется представителю государственной защиты. Адвокат лениво произносит:

— Преступление моего подзащитного так велико, что я, как честный советский гражданин, могу сказать, что он, достоин самого тяжелого наказания и не должен расчитывать на снисхождение советского суда.

— Последнее слово предоставляется отвиняемому.—произносит судья.

Обессиленному Мак Рэд кажется, что из него уже выжаты все соки, но тем не менее он подымается:

—. Никогда не может правда стать неправдой!—громко и отчеливо произносит он по-английски.

Суд уходит на совещание.

Сосредоточенное лицо обвиняемого слушающего чтение приговора:

.... именем советской... коллегия... Верховного суда... рассмотрев дело по обвинению гражданина Дугласа Мак Рэда, родившегося заграницей, бывшего члена коммунистической партии, с высшим образованием .. на основании материалов предварительного и судебного следствия, признала его виновным в преступлении, предусмотренном статьей 58 пункт 1, то-есть в измене родине и пригорорила: ПОДВЕРГНУТЬ ГРАЖДАНИНА ДУГЛАСА МАК РЭДА, ВЫСШЕЙ МЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ—РАССТРЕЛУ.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Осужденному предоставляется последнее право—подать в те-

чении семидесяти двух часов просьбу о помиловании на имя председателя ЦИК.

Мак Рэд довольно спокойно выслушивает приговор.

— Это все?

— Да. Это все!—отвечает судья.

— Благодарю вас!—иронически отвечает смертник.

* *
*

Лежащий на соломенной подстилке Де-Форрест рассматривает маленькое окно, кроме решетки закрытое глухим металлическим козырьком.

Узник припоминает, что произошло с ним. Он становится на колени и совершает крестное знамение.

Он видит изображение Христа в терновом венце, влекомого на страсть. И как странно, его ведут солдаты... с красными звездами на шапках...

— Если ты перед смертью уверовал в Него -этим спас свою душу!—крестясь вспоминает Де-Форрест слова Священного Писания.

42. Возвращение к Господу

Полночь. Бьют глухие удары часов. Узники встревоженно прислушиваются. В эти страшные часы, обычно, выводят на расстрел.

Их нервы напряжены до крайности. Смертники прислушиваются к каждому шороху и даже к ударам собственного сердца.

В коридоре слышны приближающиеся шаги. Тихо открывается дверь.

Чекисты вызывают старого крестьянина. Он обнимает Де-Форреста и целует в чело.

— До скорого свиданья в Чудесном Саду Господа Бога. Там,—показывает он на узенькую полоску лунного неба.

Лицо обреченного озарено, каким-то внутренним, неземным светом.

— Идем, палачи! Я с радостью готов принять смерть! Она мне не страшна и кажется единственным избавлением от мученической жизни, устроенной вами на земле! Я никогда не откажусь от веры в Бога. Скажите следователю, что его старания были напрасны. Знайте, что придет Мессия и избавит Россию от вас!

— Замолчи, старина! Ты уж достаточно пожил на белом свете. Пойдем!

Чекисты уводят старика, а Де-Форрест, забившись в угол камеры, обезумевшим взором смотрит на железную дверь. Он галлюцинирует. Узнику все чудится прозрачная и невесомая тень старика, показывающего на небо. Эхом повторяются его слова: «Мы еще встретимся в Чудном Саду Господа Бога».

* * *

Мак Рэд размеренными шагами ходит из угла в угол по камере. Он думает и, порой, беседуя сам с собой, бросает реплики по мучившему его вопросу...

— ... И мой социальный эксперимент может окончиться здесь... Оказывается тюрьма является тем цементом, который связывает кучу диких камней в фундамент, являющийся основой большевистского государства. Я думал, что идеальный коммунизм и тюрьма несовместимы друг с другом... Но это все земное... Мне нет дела больше до земных дел. Интересно, что там, по ту сторону физической жизни человека? Мое тело вероломно украдено и принадлежит уже не мне... Они могут каждую минуту его окончательно и навсегда уничтожить. Но что будет с моей душой? Или она погибнет, как утверждает учение Маркса. или отделившись от тела будет жить дальше в Чудесном Саду Творца Неба, Земли и всего живого... или будет носиться в космических просторах.. Бородатый Карл — мальчишка: Он не мог окончательно доказать этого но... это сделала религия...

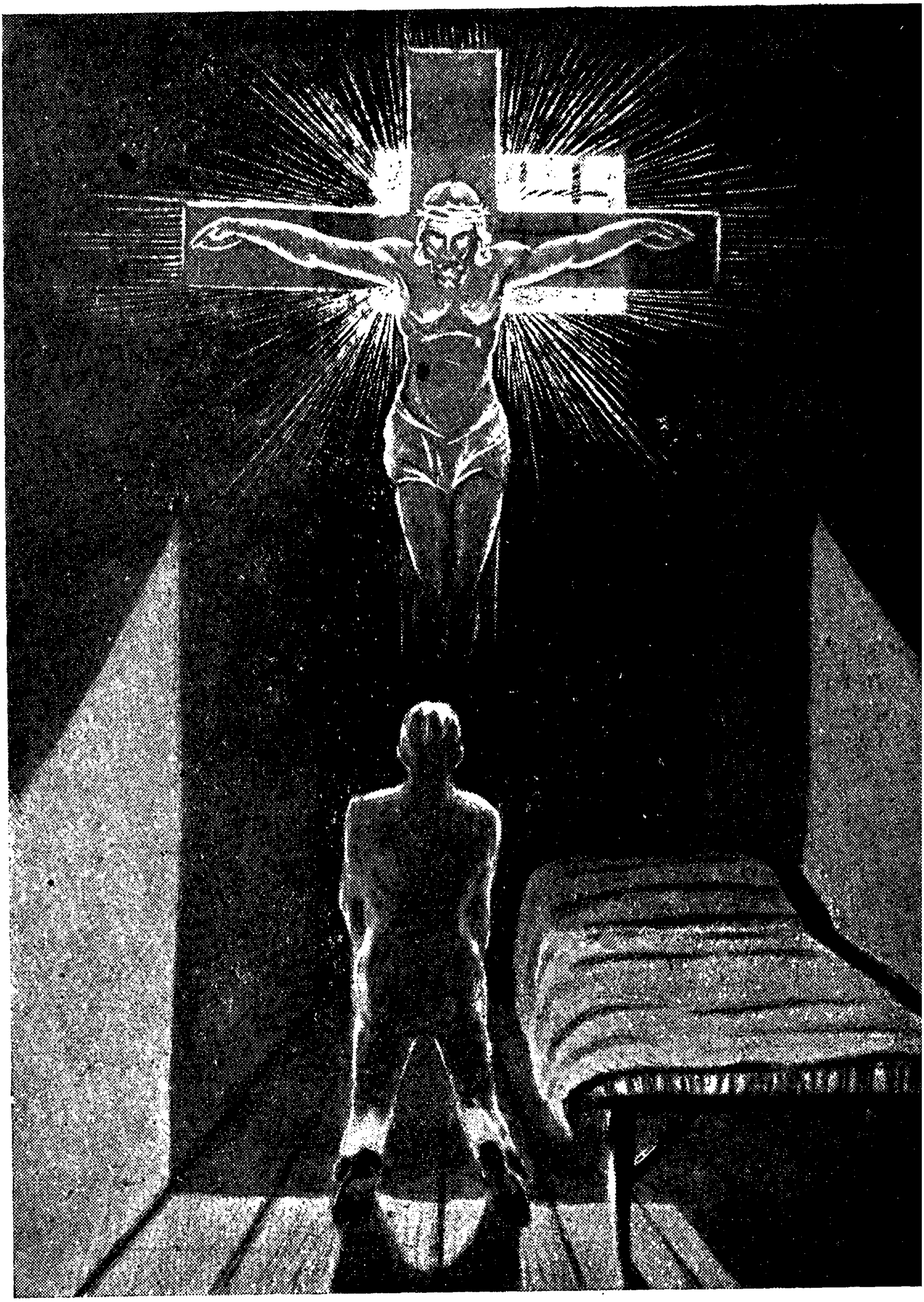
И перед глазами Мак Рэда проходят поддернутые дымкой времени видения детства, Он, десятилетний мальчик. слушающий проповедь пастора в церкви. Потом, вместе с пастором беседуя они шагают по чудесной зеленой лужайке в цветущем саду. «Это все создал Бог». Все создано Богом,—повторяет за пастором юноша.

— О, Господи! спаси и помилуй меня, заблудшего раба, который забыв Тебя, познал снова,.. Я возвращаюсь, как блудный сын, в лоно церкви. Я не хочу умереть грешником!

Коленопреклоненный Мак Рэд долго и горячо молится в углу своей одиночки. Ему чудится появившееся на стене прозрачное видение Распятого Христа в терновом венце.

* * *

Канцелярия тюрьмы. По корридору проводят партии заключенных.



— О, Господи! Спаси и помилуй меня, заблудшего раба, кото забыв Тебя, познал снова...

Начальник, в черной форме, достает из железного ящика папку с надписью:

«Дело

по исполнению приговоров

высшей меры наказания за 1938 год,»

Он сортирует приговоры на две кучки. На каждом листе бумаги просвечивает лицо человека: моряка, священника, рабочего, крестьянина, командира армии, профессора, старика с белой бородой.

Взгляд читающего задерживается на приговоре с лицом Мак Рэда. В папке лежит бумага с римским профилем Де-Форреста.

— Почему не отправлена просьба о помиловании по этим приговорам? Их срок уже истек?—спрашивает начальник у секретаря.

— Они очевидно отказались от помилования.

Рука начальника набирает номер телефонного аппарата и берет трубку.

— Верховный суд, Приговоренные вами Мак Рэд и Де-Форрест отказались от просьбы о помиловании... Как поступить? Ввести в расход или...

Начальник прислушивается к хрипу в трубке и подтверждает приказ:

— Задержать до особого сообщения... Хорошо!

Папка листается дальше. Жизнь в тюрьме идет своим чередом. Толпы заключенных проходят в сводчатые каменные ворота. По корридорам разносят бочки с дымящимся, зловонным варевом и раздают жидкую еду. Чекисты получают списки людей, которых должны расстрелять ночью...

* *
*

На валике телеграфного аппарата движется лента:

«Осужденным Дугласу Мак Рэду и Джорджу Де-Форресту заменить высшую меру наказания — расстрел, заключением в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет»...

В камеру входят два чекиста в кожанных куртках.

— Мак Рэд?

— Я!—отвечает потрясенный узник.—Вы уже пришли за мной?

— Прочтите здесь и распишитесь. Расстрел вам заменен десятью годами.

Мак Рэд расписывается и после ухода чекистов искренне молится.

— О, Господи! Благодарю Тебя за спасение! Вразуми, помилуй и научи, как я должен провести дни своей жизни, родившись вторично...

43. Практическое изучение коммунизма

Полярный холод. На скале растет одинокая уродливая сосна.

Сквозь ее ветви и крупные хлопья падающего снега виден однообразный и унылый сибирский пейзаж. Такие же чахлые сосны поросли на склонах сопок.

Сильные порывы ветра развевают полы одежды медленно бредущей партии заключенных. Построенные по четыре в ряд, в бесконечную колонну, они потеряли облик людей. Их изможденные, землистого цвета лица будто посыпаны пеплом.

Потерявшие свободу передвижения, личное «я», веру в будущее, эти человекоподобные существа, превращены в своеобразный организм;—огромную гусеницу-сороконожку, открытую учением Маркса.

Мозговой и управляющий центр гусеницы — человек с трехлинейной винтовкой в руках и жестоким лицом сфинкса. В его одном, бесчеловечном лице, воплощение силы и мощи государства,

— Партия! Поворачивай вправо!!!—командует сфинкс. Чудовищная сороконожка беспрекословно сворачивает и ползет вправо.

В рядах заключенных видна голова Мак Рэда, ведущего под руку Де-Форреста, находящегося в состояние тяжелой психической травмы. Они проходят в концентрационный лагерь, огороженный высоким частоколом и напоминающий средневековый древлянский город со сторожевыми башнями по углам.

В длинном и темном бараке Мак Рэд разыскивает место на трехэтажных нарах, где вповалку лежат заключенные и бережно укладывает больного друга. Смертельная усталость клонит его ко сну,

* *
*

Ночь. Глухие удары в висящую рельсу плывут над лагерем. Это гонг на завтрак.

Мак Рэд и Де-Форрест, выбежав из барака и поеживаясь от холода, поражены представившейся картиной.

На фоне снега, колючей проволоки и тайги видны десятки огромных чугунных котлов, подвешенных на столбах. Возле них несколько поваров в черных халатах деревянными веслами размешивают варево.

Мак Рэд и Де-Форрест подпрыгивая бегут за заключенными Заняв место в конце очереди они становятся составной частью черной, обезличенной сороконожки. Лицо Де-Форреста искажено от ужаса.

— Дуг, Дуглас! простуженным голосом говорит он,— мы векикие грешники. Нам суждено попасть в преисподнюю! В ад!!!

— Ад!?!—шепчет Мак Рэд.— Успокойся, Джордж! Дело еще не так плохо, Может быть, через несколько лет, нам удастся попасть домой в Соединенные Штаты. Тогда остаток дней я провел бы в посте и молитве.

— Дуглас! Ты долгие годы был моим другом. Но не успокаивай меня больше. Ведь мы в этом аду будем мучиться всю вечность?

— Дорогой Джорж! Почему ты мне все твердишь, что нас расстреляли? Мы же ведь живы. Ты жив и я тоже жив!

— Живы! Неужели мы живы!?!—разочарованно, со слезами на глазах, произносит Де-Форрест.

Очередь подвигается все ближе. Языки пламени лижут закопченные котлы. Мелькают черные, фантастические силуэты.

Де-Форрест в ужасе закрывает лицо руками и пытается броситься вон но Мак Рэд удерживает его и подставляет котелок. Повар, с лицом трубочиста, наливает ему похлебку.

Мак Рэд жадно пьет тепловатую жижу. Передав котелок Де-Форресту он произносит:

— Здесь достигнут коммунизм на практике и осуществлена его главная заповедь, «каждому по потребности». Ха, ха, ха!!

Его саркастический смех несется по лагерю и отдается эхом в тайге.

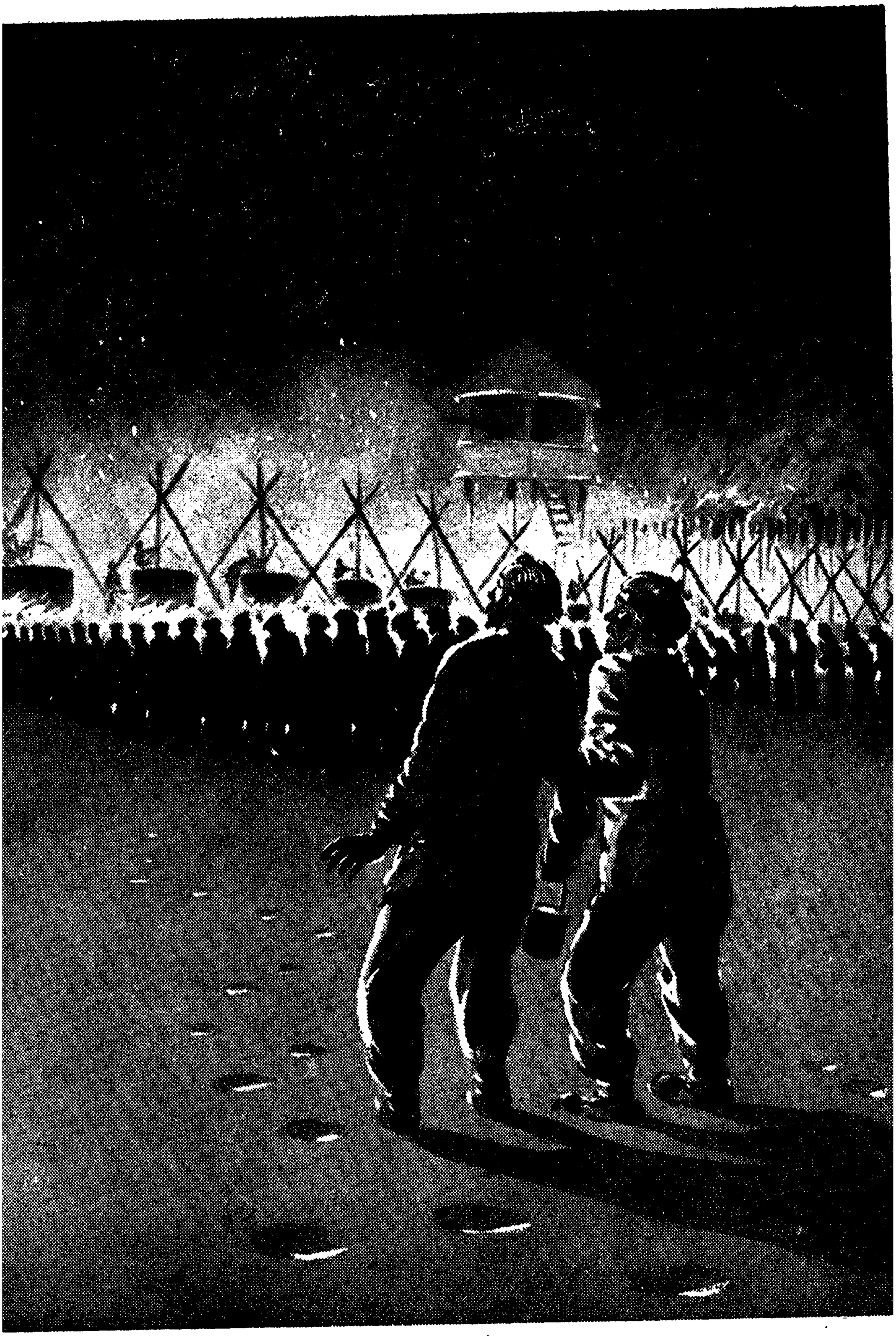
* *
*

Огромный, с свирепым лицом детина, в овчином вывернутом наружу тулупе, похожий на доисторического человека, всовывает в руки Мак Рэда и Де-Форреста по топору-колуну.

Партия заключенных с топорами железного века, черной гусеницей медленно ползет по снежным сугробам, навстречу лучам восходящего солнца, появляющимся из-за лесистой сопки.

* *
*

Два худых бородатых и оборванных человека, по пояс в снегу, пилят толстую сибирскую ель. В них с трудом воз-



Очередь подвигается все ближе. Языки пламени лижут законченные котлы.

можно узпать Мак Рэда и Де-Форреста, К заключенным подходит бригадир в овчине.

— Для выполнения дневной нормы вы должны напилить восемнадцать кубометров дрезесины — объясняет он.

Мак Рэд не совсем понимает русскую речь. Человек в овчине зовет на помощь заключенного с лицом профессора, который переводит слова бригадира.

— Мы не можем выполнить этого,—отвечает Мак Рэд.

— Кто не работает, тот не ест. Это главная заповедь в советском исправительно трудовом лагере! — переводит профессор.

— «Кто не работает, тот не ест» — это главный принцип коммунизма на практике?—спрашивает Мак Рэд.

— Вот именно объясняет переводчик —Кто не ест, тот лишается возможности существовать. Здесь очень суровая борьба за существование. Образно говоря, мы отброшены в ледниковый период, во времена первобытного коммунизма.

— Первобытный коммунизм! А ведь какое точное определение в двух словах. Здесь полностью ликвидирован капитализм во всех его видах: прибавочная стоимость деньги... и уничтожен индивидум...

— Вот именно. И если Дарвин своей безбожной теорией происхождения видов пытается доказать, что человек произошел от обезьяны, то четвертый апостол коммунизма опроки-дывает эту теорию. Цель учения последователей Маркса поставить вспять эволюцию Дарвина, и превратить человека в состояние бессловесной, дрессированной обезьяны, умеющей исполнять лишь определенные механические функции!

— Потрясающая своей простотой правда. Кто вы?—удивленно спрашивает Мак Рэд.

— Заключенный, номер 4137... статья 58! Срок—десять лет.

— А в прошлом?

— Профессор—социолог...

— Вы сделали потрясающее открытие. Мне страстно хочется жить для того, чтобы выбравшись когда-либо из этого удивительного университета рассказать моим бывшим друзьям —американским коммунистам.—говорит Мак Рэд.

— Эй, давай, давай! Работать! —кричит рябой охранник, нацеливаясь винтовкой с ощетиненным штыком.

— Желаю удачной работы, чтобы вечером удалось получить хлеб,—произносит бывший профессор под монотонный шум ручных пил.

44. Конец социального эксперимента

Два человека несут грубо сколоченный гроб. Траурная процессия останавливается на склоне заснеженной лесистой сопки.

Мак Рэд отдает последний долг праху погибшего друга. Он пристально смотрит в исхудавшее, но спокойное лицо мертвеца.

— Дорогой Джорж!., Как часто ты повторял, что смерть тебе кажется единственным избавлением от этой тягостной страшной жизни. И сегодня... О, Господи! Прими в свой Чудный Сад, душу раба Твоего Джемса Де-Форреста Амень!

— Эй там! Нежности. Быстрее хороните! — раздается окрик конвоира.

Мак Рэд кладет на свежую могилу несколько веток хвои и. став на колени, совершает последнее крестное знамение.

— Прощай, мой друг! Для тебя уже окончился этот потрясающий социальный эксперимент!..

Мак Рэд подымает с могилы комочек серой подзолистой земли, бережно заворачивая в тряпицу.

Заключенные под охраной стрелка с винтовкой спускаются с сопки.

Перед их взором развертывается панорама исправительно трудового лагеря.

— Джорж, мой бедный Джорж!—шепчет Мак Рэд.

45. Новое ответственное задание

— В результате второй империалистической войны произошли большие сдвиги в нашей иностранной работе,—поучительно произносит Петерс.

Он несколько постарел за последние десять лет—его голова серебрится, а грудь украшена десятком новых орденов.

Зеркалова и Арбузов внимательно слушают речь своего шефа в его блестящем кабинете.

— Мы должны организовать революционное движение среди угнетенных народов и симпатизирующих идее коммунизма элементов. Мы должны находить слабые места их строя и растравлять противоречия.

— А их сейчас немало,—бросает реплику Зеркалова.

— Вот именно,—одобрительно кивнув головой, продолжает Петерс.—Кроме того, и это самое главное,—мы должны быть агрессивными и всегда находиться в состоянии атаки.

Даже в случае когда явный перевес сил находится в руках противника... Это дезорганизует медлительные силы демократии. Повторяю—медлител ность—их гибель! Идите в стан врага и там добывайте военные секреты, организовывайте забастовки, диверсионные акты, топите их корабли, устраивайте аварии лучших самолето , сманывайте или убивайте их ученых, словом делайте все то, что должно содействовать ослаблению врага и приближать нас к победе. Пусть живет наш вождь!—патетически заканчивает Петерс.

— Уверяем вас, что с честью выполним задание, как выполняли неоднократно! — торжес венно заявляет Арбузов, выпячивая грудь, украшенную несколькими ор енами.

— Мы добудем секреты их атомных бомб и нового оружия,—невинно улыбаясь произносит Зеркалова. Она все еще имеет вид обаятельной светской дамы и, кажется попрежнему юной и способной увлечь любого мужчину,

Старый и молодой чекисты с вожделением смотрят на икусного коллегу в юбке,..

— Кстати, друзья! Нами получены сведения о вашем бывшем подследственном «младенце»—говорит Петерс.

— Интересно! Что с ним?—спрашивает Зеркалова.

— Второй умер в лагерях... а первый оказался очень живуч. Его лагерь был отправлен на рытье окопов под Москвой. Заключенные воспользовавшись стремительной атакой немцев взбунтовались и перешли на сторону врага. Мак Рэд был в немецком плену. бежал и участвовал в партизанской борьбе украинцев против немцев и нас, потом мы долго не имели никаких сведений о нем и теперь нами получено краткое донесение: Мак Рэд возвратился в Америку и пишет антисоветскую книгу.

— Интересно!?—удивлена Зеркалова.

— Очень жаль, что старик Калинин помиловал его, несмотря на то, чти материала для расстрела бы ло достаточно. Я сам вел дело п оклятого матерого шпиона, одевшего маску коммуниста!—возмущается Арбузов.

— Ничего! Мы его найдем и там... Книгу эту я постараюсь добыть вторично!—заявляет Зеркалова.

— Прекрасно! Вот последние инструкции! После ознакомления сжечь!—протягивает бумаги Петерс.

— Само собой разумеется,—отвечает Арбузов.

— В средствах не стесняйтесь! Покупайте все оптом и в розницу. Вот возьмите на расходы для выполнения оперативного задания. Остальные деньги вам доставят курьеры,—и Петерс выкладывает на стол увесистые пачки долларов—желаю удачи, друзья!

— До следующего личного доклада о выполнении задания, товарищ Петерс!—прощается Зеркалова,

— Пусть живет всемирная революция и великий вождь народов!—исступленно кричит Арбузов.

46. Развенчанный кумир

— Человек без шляпы. медленно идет по дорожке запущенного сада. Взглянув на деревья, он укоризненно качает селой головой.

На пороге небольшого коттеджа он останавливается в глубоком раздумьи рассматривая выцветшую еле заметную и забытую дощечку:

Дуглас Мак Рэд. Инженер».

Старая служанка-негритянка в ужасен таращит глаза. Она пытается захлопнуть дверь, но пришелец громко зовет:

— Салли!?

— О, господин! Неужели это вы... Как вы постарели,— поражена Салли.

Мак Рэд входит в свою квартиру и медленно осматривает комнату. Каждая вещь ему кажется едва знакомой.

— Мне, кажется, что все это подернуто густой дымкой времени .. Но ничего... Все пройдет...

Его пальцы прикасаются к клавишам пианино. Звуки будят угасшие воспоминания,

— Бывают ли Кларк, Джеф?

— О, господин! Мистер Джеф часто спрашивал о вас. Он уехал и возвратится только к осени...

— Хорошо, Салли! Я очень устал. Да, я смертельно устал и хочу немного покоя.

— Я приготовлю господину кофе?

— Да, Салли. Чашку горячего кофе...

Взгляд Мак Рэда останавливается на портрете Маркса. Улыбка гаснет на лице хозяина дома. Он подымается в неистовой злобе. Сняв портрет своего бывшего бородатого кумира, Мак Рэд выносит его из комнаты и выбрасывает прочь.

47. Ошибка мистера Мак Рэда

Седой человёк садовыми ножницами подстригает роскошные кусты штамбовых роз. Эта работа видимо ему доставляет особенное удовольствие.

— Мистер Мак Рэд! — доносится зов со стороны калитки.

— Кто там? Я ведь никого не хочу видеть!—недовольно бормочет хозяин шагая по дорожке. Он всматривается в лица посетителей, бесцеремонно нарушивших его покой и удивленно вскрикивает:

— Неужели это не сон!? Мистер Шахматов!? Ирина!?

— Да, мистер Мак Рэд! Мы очень рады, что вам удалось возвратиться в Соединенные Штаты. Надеюсь, вы теперь излечились от коммунизма?- спрашивает русский инженер.

— Совершенно! Болезнь детства. Тогда я был похож на капризного ребенка, которому в магазине вместо золоченной игрушки подсунули картонную дрянь. Но, как вы попали в Америку? Идемте в дом—рассказывайте,—радушно приглашает Мак Рэд,

— Это длинный и жуткий рассказ! отвечает Ирина.

Они усаживаются в кресла и, за стаканом вина, Шахматов рассказывает:

— Я провел на ссылке в Сибири несколько лет. Когда началась война, нас послали на рытье окопов.

— Какое странное совпадение, — задумчиво замечает Мак Рэд.

— Я попал в плен. Мне пришлось перенести немало надругательств от немцев, возомнивших себя избранной расой. Потом я был свидетелем бегства целых орд восточных европейцев со своей родины. Люди бежали, как зачумленные, от коммунизма, ненавидя одновременно фашизм. Эти учения, будто два достойные друг друга брата!

— Это потрясающий парадокс двадцатого века!—многозначительно говорит Мак Рэд.

— Мы видели людей, предпочитающих самоубийство возвращению на свою родину под большевистски режимом,—рассказывает Ирина.

— Мои друзья! Многое о чем вы рассказываете я видел своими глазами... И мне кажется, что я поднял занавес над загадкой коммунизма, но мне надоело все это. Я решил отдохнуть, наслаждаясь природой. Здесь, среди цветущих кустов я испытываю чудесный отдых. И вы первые гости, навестившие меня,—задумчиво произносит Мак Рэд.

— Я вас понимаю. Но можете ли вы спокойно оставаться в тени и разводить цветочки в то время, когда красная опасность протягивает свои щупальцы в вашу страну?—спрашивает Шахматов,—вы хотите, чтобы НКВД, действие которого вы испытали, могло появится здесь?

Мак Рэд встает и нервно разгуливает по комнате в глубоком раздумьи.

— Да... Кое над чем нужно подумать. Может быть, я снова ошибаюсь!? Я не имею права...—Мак Рэда мучают сомнения. Он еще в плену своих мыслей.

— Мы видели выставленную для продажи в антикварияте скульптуру мистра Де-Форреста. Скажите где он?—спрашивает Ирина.

— Скульптуру покойного Джоржа? Как она попала сюда?!—изумлен Мак Рэд.

— Вот мы и хотели спросить вас? Наведя справки мы узнали, что вы возвратились в США. Однако, что с мистером Де-Форрестом?

— Меня очень интересует, кто привез скульптуру сюда! Ведь Джорж погиб в Сибири... Может быть, это копия?

— Нет, нет! Я очень хорошо знаю эту скульптуру,—произносит Ирина.

— Едемте, друзья! Я хочу увидеть ее! И охотно приобрел бы ее, на память о моем трагически погибшем друга, —взволнованно предлагает Мак Рэд.

* *
*

Холодный мрамор и старая бронза. Глухие удары старинных часов.

Неувядаемый фарфор, сохранивший свежесть средневековья. Но это не интересует трех посетителей антикварного магазина.

— Нет никаких сомнений! Это работа Джоржа. Сфинкс и потомки Чингизхана!—потрясен Мак Рэд, увидев скульптуру.

— Мы же говорили вам,—говорит Шахматов.

— Кто ее владелец? Я очень хочу поговить с ним?—спрашивает Мак Рэд у шефа магазина

— Ее вручила для продажи одна русская дама, оценив в десять тысяч долларов.

— Вы можете сказать ее адрес!?

— Нет. Мне лишь известно, что оно иногда бывает в баре «Пикадилли».

— Благодарю вас,—раскланивается Мак Рэд. — Но кто она?—спрашивает он у своих рус ких друзей.

— Очевидно одна из тех, кто выполняет, какое-то чрезвычайное задание Кремля, — замечает Шахматов. Давайте вместе бороться против них...

— Хорошо, друзья! Вы испытанные борцы против коммунизма. Я считаю, что я не могу больше бездействовать. Меня интересует, что делает здесь эта дама?.

48. Американский вопрос

— Это она! Не может быть никакого сомнения,—произносит Мак Рэд, взглянув на сидящую в глубине бара, элегантно одетую женщину.

Мак Рэд садится к ней спиной, В·трюмо он видит небольшую группу и подошедшего развязного молодого человека.

— Алекс! Как выполнено задание?--спрашивает она по-русски.

— Все в порядке. Материалы здесь,—отвечает вошедший, передавая объемистый пакет, который шпионка поспешно прячет в сумочку.

На лице Мак Рэда шевелятся мускулы. Он не спеша подымается из за стола и подходит к телефонному автомату.

— Алло! «Эф-Би-Ай»! Да, да,,. Я встретил знакомых мне людей, приехавших оттуда. При них находятся. какие-то очень важные материалы.., Да, да... Хорошо, Я постараюсь их задержать...

* * *

Мах Рэд подходит к столу и пристально глядит на собирающихся уходить Зеркалова и Арбузова.

— Алло! Я хочу поговорить с вами! Каким образом у вас очутилась скульптура моего покойного друга?

— Что вы хотите, мистер? — холодно спрашивает Зеркалова.

— Не делайте вида, что вы не узнаете меня. Я вполне вылечился от любви к вам, мадам. а также от коммунистических идей. Ваша страна наилучший курорт для лечения от опасного недуга. Но это все позади. Вы мне задавали советские вопросы десять лег. Теперь я хочу задать вам один простой и ясный американский вопрос—зачем вы приехали к нам?

Зеркалова и Арбузов в недоумении молчат.

— Вы не хотите мне ответить, на мой ясный вопрос? Тогда я отвечу сам—вы протянули свои грязные руки сюда. Вы взрываете наши заводы, топите корабли, устраиваете авиационные катастрофы, организовываете беспорядки, занимаетесь шпионажем?!

К столу подходят три агента «Эф-Би-Ай»:

— Именем закона..,

После короткого сопротивления Арбузов и Зеркалова арестованы.

Она бросает последний полный ненависти взгляд на своего бывшего супруга, который платит ей тем же.

Она бросает последний полный ненависти взгляд на своего бывшего супруга.

49. Друзья встречаются вновь

— Джеф! Мой друг!—восклицает Мак Рэд, направляясь навстречу старому приятелю, появившемуся на садовой дорожке.

— Дружище Дуг! Какая встреча?! Она должна была состояться много раньше! Где ты пропадал?—спрашивает удивленный Джеф, всматриваясь в лицо Мак Рэда.—Однако, как ты постарел за эти десять лет!?

— Да, Джеф! Я очень постарел.. Ты не имеешь представления, как быстро там стареют люди. А бедный Джорж не выдержал...

Мак Рэд, сняв шляпу и, обратив свой взор к небу, глядит на черную зловещую тучу. Она краем закрывает солнце. На цветник ложатся тени и угасают розы.

— Что с ним.?

— Он навсегда остался в той холодной стране. Я похоронил его в Сибири.

Мак Рэд молча сосредоточенно глядит на черную грозовую тучу, гонимую шквалами порывистого ветра.

Джеф пристально всматривается в лицо своего друга.

— Слава Богу!—облегченно вздыхает Мак Рэд. Черная туча быстро, так же как появилась, проносится дальше и на небе снова вынырнуло сияющее, яркое солнце,—завтра наверно будет чудная погода. Как ты думаешь, Джеф!?

— Да, я думаю... даже уверен, что завтра будет хорошая погода.—соглашастся Джеф.

— Я боялся этой черной тени над моим солнечным завтра!—многозначительно произносит Мак Рэд. — Мне хочется, чтобы наше завтра было наполнено солнцем... Мы снова встретимся в нашем уютном клубе, помнишь, Джеф как много лет тому назад, в доброе старое время. Мы будем пить коктейль с мелко наколотыми кусочками льда и я заплачу тебе проигранное пари.

— Хорошо, Дуг!—смеется Джеф, дружески хлопая Мак Рэда по плечу. — Ты очевидно попрежнему очень славный парень..,